

vk.com/fashionable_library

Тиран

КНИГА 2

Т.М.Фрейзер

Данная книга предназначена только
для предварительного ознакомления!

Просим вас удалить этот файл с
жесткого диска после прочтения.

Спасибо.

Т.М.Фрейзер

«Тиран»

Кинг — 2

vk.com/fashionable_library

Тиран

книга 2

Т.М.Фрейзер

Оригинальное название: *T.M. Frazier*

«Tyrant» (King #2), 2015

T.M. Фрейзер «Тиран» (Кинг #2), 2019

Переводчик: *Иришка Дмитренко*

Редактор: *Елена Скворцова,*

Ольга Зайцева , Алёна Крутько.

Обложка: *Врединка Тм*

Перевод группы:

http://vk.com/fashionable_library

Любое копирование и

распространение ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой

труд!

Аннотация.

Я. Помню. Всё.

*Только теперь жалею об этом.
Когда туман вокруг моего разума
рассеивается словно дым,
вытянутый вакуумом, правда,
месяцами находившаяся за пределами
моей досягаемости, наконец-то
открывается.*

*Но состояние освобождения, на
которое я всегда надеялась, не
наступает, и теперь я боюсь больше,
чем в то утро, когда проснулась,
прикованная наручниками к кровати
Кинга.*

Потому что с правдой приходят

*тёмные секреты, которых я никогда
не должна была знать.*

*Я поставлю жизни тех, кого люблю,
под угрозу, если выдам секрет о том,
что моя память вернулась, или если
буду искать помощи у покрытого
множеством татуировок
преступника, который владеет моим
телом и душой.*

*Я не знаю, достаточно ли я сильна,
чтобы сопротивляться
магнетическому притяжению к
Кингу, которое с каждым днём
растёт только сильнее.*

*Он уже спасал мне жизнь больше,
чем один раз. Теперь моя очередь
сделать что бы то ни было, лишь бы*

спасти его.

*Даже если это означает выйти
замуж за другого...*

Оглавление

Т.М.Фрейзер

Любое копирование и
распространение ЗАПРЕЩЕНО!

Аннотация.

Посвящается

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Эпилог](#)

Посвящается

Моему папочке.

И всем, кому пришлось прожить
свою жизнь без любви.

*Когда любовь всей твоей жизни
проходит, человек может и ушел, но
любовь продолжает развлекаться.*

— Т.М. Фрейзер

Пролог

Кинг

Средняя продолжительность времени между заключениями отпетого преступника — шесть месяцев.

У меня было только три.

Я надеялся найти Макс в той машине. Вместо этого холодный металл защелкнулся вокруг моих запястий, а у того сраного кабана еще и хватило дерзости рассмеяться, когда он стянул наручники до предела настолько, что стало больно.

Хоть я и глазом не повел. Не дал

ему такого удовольствия. Парень грубо надавил на мою голову и затолкал меня на заднее сидение полицейского внедорожника. Я упал на бок и щекой коснулся липкого места. Оно воняло рвотой и неправильными решениями. В руках покалывало от отсутствия нормального кровообращения.

Ублюдку повезло, что на мне были наручники.

Три года. Они уже заперли меня на три сраных года. А теперь собираются закрыть и того на дольше.

Похищение человека не вознаграждается легким щелчком наручников на запястьях, особенно

для того, у кого имеется такой длинный послужной список преступлений, как у меня. Я пообещал, что никогда не вернусь, но держать обещания — это то одно, в чем я никогда не был хорош.

Вообще-то, мне было похрен.

Может, системе и удалось меня заполучить. Я принадлежал им, но они, мать их, не владели мной. Им НИКОГДА это не удастся.

Она владела мной.

Моим сердцем и моей черной е*аной душой.

Я буду подходить к своей очереди за едой с торжествующей улыбкой, одетый в свой колючий оранжевый комбинезон каждый

е*анный день. Буду играть в карты с худшими из худших и подружусь с охранниками, которые будут рады закрыть на меня глаза. Ночью, когда останусь один со своим членом в руке, буду вспоминать, как это — иметь ее в своей постели. Как ее невинные большие глаза пялились на меня, пока я двигался внутри нее. Как ее спина двигалась мне навстречу, пока я заставлял ее кончать снова и снова.

Я продолжал говорить себе, что мне нечего было ей предложить, но это было неправдой.

У меня была любовь.

Малышка. Доу. Рэй. Каким бы, мать его, не было ее имя. Я любил ее

больше, чем это было бы нормально, рационально, адекватно, я с удовольствием сгнию в тюрьме с улыбкой на лице, если буду знать, что с моей девочкой все в порядке.

Но я не знал об этом. Не мог знать.

Мне стоило понять, что этот чертов ублюдок обведет меня вокруг пальца.

— Пресловутый Брэнтли Кинг, — сказал кабан с ухмылкой, когда взобрался на переднее сидение. Материал сидения, похожий на пластик, скрипнул под его ремнем, когда он закрыл дверь и завел двигатель. — Может, уже пора усвоить урок, мальчик?

Он прыснул со смеху и покачал головой. Было очевидно, что этот парень получает какое-то болезненное удовольствие от мысли, что именно он надел на меня наручники.

— Кинг, — поправил я в свою защиту. Никто не называет меня Брэнтли, кроме нее.

— Что, прости? — переспросил тот, ведя бровью и глядя на меня в зеркало заднего вида.

Я уселся ровнее, встречаясь с его взглядом, будто пялясь прямо в его плаксивую душонку.

— Меня зовут Кинг, ублюдок е*анный.

Ярость внутри меня выросла до эпических масштабов. Именно тогда

я заметил, что детектив не свернул к главной дороге, а вместо этого поехал прямо по тропе через лес.

Парень не был сраным копом. Я заметил его пистолет. Он положил его на приборную панель. Это был «Джадж», а это не тот пистолет, что разрешен копам. Парень передо мной не собирался доставлять меня в тюрьму.

Он вез меня в могилу.

Нельзя было терять времени.

Мне нужны были мои девочки.

Более того, они нуждались во мне.

Придурок приковал мои руки спереди. Это должно было стать моей первой подсказкой в том, что

что-то не так. Настоящий коп никогда бы не допустил такой оплошности, разве что в случае перевозки не крайне опасного преступника.

Которым я не являлся.

Используя цепь, соединяющую наручники, я захватил шею фальшивого детектива в ловушку у подголовника и дернул назад с такой силой, что мои бицепсы были готовы взорваться.

Парень бросил руль, и его руки взметнулись вверх, пока он пытался достать ими до моего предплечья, но я увернулся от него, пригнувшись за сидением.

Машину повело с дороги и

раскачало из стороны в сторону, когда мы пронеслись по корням деревьев, торчащим из земли.

Я почувствовал давление на глаза, когда потянул наручники назад, сжимая сильнее и сильнее. Моя хватка не ослабла, пока машина не врезалась и не остановилась, и пока последняя капля жизни не вытекла из его тела.

Подставной коп оказался прав: я никогда не буду никем, кроме пресловутого Брэнтли Кинга.

Это было нормой, ибо сенатору придется усвоить урок: нельзя брать то, что принадлежит мне, если не собираешься отплатить кровью, потом или киской.

Ублюдок забрал мою девочку.
Хотел отнять у меня жизнь.
И он заплатит кровью.

Глава 1

Кинг

Месть сладкая.

По крайней мере, так говорят. Правда, мне она такой не казалась, пока я не выбрался из смятой машины, вытянув осколки стекла из кожи, и только после понял, насколько эти слова правдивы.

Я буквально мог почувствовать вкус мести на своем языке и истекал слюной в ожидании момента, когда смогу размотать ремень со своего запястья и обернуть его вокруг горла сенатора за то, что он обвел меня

вокруг пальца.

Прошло всего несколько минут после того, как я убил человека.

Но я так давно получал от этого удовольствие.

Адреналин с неведомой мне до этого скоростью и в таком количестве, что мог бы разбудить труп, курсировал по моим венам.

Я был под кайфом от него.

Питался им.

Будто сунул нос в миску с кокаином и вдыхал снова и снова, пока не почувствовал себя непобедимым.

Еб*ным богом.

И пока не исправлю долбаный хаос, который создал, я не спущусь

назад на землю. Мне было жаль каждого конченного ублюдка с достаточно крепкими яйцами, чтобы стать на моем гребаном пути.

И тогда впервые я услышал подобное.

Услышал *его*.

Преппи.

*Пора показать этим сосущим член ублюдкам, что они нае*али не того парня не из того сраного трейлерного парка.*

Голос Преппи четко звучал у меня в голове, будто сам друг стоял рядом.

Я нах*р сходил с ума.

Когда выбрался из леса и добрался до дома, то увидел

Медведя, слезающего со своего байка. Заметив меня, парень выбросил сигарету на землю и направился в мою сторону тяжелыми яростными шагами. Его лоб испещряли линии, а кулаки были сжаты. Сухая трава хрустела под его громкими шагами.

— Послушай, говнюк сраный, я не хотел, чтобы дошло до кулаков, но то, как ты вырулил все это дерьмо, нахрен неправильно. Она заслуживает лучшего, чем это, лучшего, чем долбаная ложь ей... — Медведь остановился, когда увидел на мне грязь и кровь. — Какого х*я с тобой случилось?

Я протолкнулся мимо него,

игнорируя вопрос, побежал к дому, перескакивая три ступеньки за раз. Толкнул входную дверь с такой силой, что та накренилась, соскочив с верхней петли.

— Малышка! — выкрикнул я. Маленькая часть меня цеплялась за надежду, что она каким-то образом нашла способ остаться. Но в ту секунду, когда я вошел в дом, мне не нужно было прочесывать каждую комнату, чтобы понять: ее нет. Я почувствовал пустоту.

— Бл*дь! — я взревел, отрывая кухонный стул от пола. Бросил его через всю комнату, где он врезался в стекло кофейного столика, разбивая его посередине и проделывая дыру в

тонкой гипсокартонной стене, раскрошившейся от столкновения.

Медведь последовал за мной в дом.

— Ты собираешься рассказать мне, что с тобой произошло, или еще немного поразносишь дом? — Я двинулся мимо него к гаражу. Мне нужен был мой байк и кое-что из запасов.

Таких, что включали в себя пули.

— Ничего, что не поместилось бы в мешок для трупа.

Один браслет от наручника все еще был закреплен на моем запястье, второй болтался на руке на цепочке, покрытой кровью детектива. Как только ублюдок отдал Богу душу

после столкновения машины с деревом, я перебрался на переднее сидение. Спасибо е*аному Господу за то, что ключи от наручников находились в кармане того ублюдка.

— Это я вижу, — ответил Медведь. — Где, бл*дь, Доу? — В его тоне слышалось желание защищать, которое меня убивало, но с этим я разберусь позже.

После того, как верну свою девочку.

— Доброму сенатору удалось меня нае*ать. Не было никакой Макс. И в последний раз, когда я видел Доу, она отбивалась и кричала, пока меня увозил парень, нанятый им, — мое лицо залило краской от

воспоминания борющейся малышки в хватке сенатора. — Сделай несколько звонков, — отрезал я. — Найди место, куда он мог ее увезти.

— Бл*дь! — ответил Медведь. Но вместо того, чтобы вытащить свой телефон, он наклонился и оперся руками о колени.

— Что, бл*дь, еще?

Медведь сжал переносицу.

— Чувак, есть причина, по которой я вернулся. Помимо того, чтобы надрать твой зад за дерьмо, сделанное тобою с Доу. До того, как разрешить всю эту хрень с помощью града пуль, ты бы подумал о том, что, возможно, не сенатор хотел отправить тебя в могилу, —

сказал парень. Встал ровно, облокотившись на стену и подкурив сигарету.

— Какого х*я это должно означать? Именно сенатор привел парня арестовать меня. Естественно, это был он.

Медведь покачал головой.

— Он — проблема, но не наша. Рейдж звонила почти двадцать минут назад, и, как ты знаешь, у этой засранки свои глаза и уши везде и повсюду. Пошла молва, что та хрень с Айзеком не закончилась. И подавно, — он запустил пальцы в волосы и струсил пепел сигареты на ковер.

— Я лично разmozжил голову ублюдка. Как по мне, так выглядело

вполне законченным, — возразил я.

— Нет, я не про Айзека. Он уже превратился в корм для червей, но есть некто, кто очень разозлен тем, что Айзек больше не сможет продавать свое дерьмо во Флориде по причине смерти. Некто, кто не боится убивать целые семьи, лишь бы добраться до людей, которые перешли ему дорогу.

Я окаменел, зная наверняка, о ком он говорит.

— Эли.

— Да, чувак, — подтвердил Медведь. — И если бы меня попросили сделать ставку, я бы поставил на то, что Эли хочет отправить тебя к праотцам.

Эли Митчелл, которому Айзек передавал свои деньги за наркотики. Ну, передавал, пока я, Преппи и Медведь не прикончили его и большую часть его команды. Учитывая толстые черные очки и маленькое телосложение Эли, никто бы и не подумал о том, что парень способен сделать хотя бы половину того дерьма, которое делал ежедневно.

Если хотите выкурить кролика из его норки, бросьте ему дымовую шашку. Версия дымовой шашки Эли воплощалась в убийстве всех, кого ты когда-либо любил, пока ты не появишься лично, чтобы он мог убить и тебя.

— Согласно имеющейся у меня информации, Эли до сих пор в Майями, но готов действовать и долго себя ждать не заставит. МК в режиме изоляции, они боятся отдачи. Отец в ярости, словно вернулся из сраного ада.

— Сначала Айзек, а теперь е*анный Эли, — сказал я. — Нельзя нах*р и передохнуть. Иногда мне кажется, что лучше бы я остался в тюрьме.

— Я понимаю тебя, старик. У меня то же самое. Ситуация выходит за рамки байкерских дел. Это дерьмо картеля. Крупнее, хуже... смертельнее, — ответил Медведь. — И я не могу забрать Грейс в

изоляцию. Знаю, что она является тебе больше матерью, чем та пи*да, которая тебя родила, но в последнее время отец то и дело рвет жопу. Он не хочет, чтобы кто-либо из МК приводил гражданских в клуб, особенно во время изоляции, но нам нужно найти для нее более безопасное место, где она могла бы остаться. — Медведь смотрел на меня, пока говорил, и я понял, что он пытался мне сказать. — У меня нет никого близкого настолько, кого гарантированно могут убить, и того, кто не касается МК, но у тебя определенно есть.

Малышка.

— Бл*дь! — выкрикнул я,

понимая, что не могу привезти ее домой. Развернулся и двинул кулаком в стену, проделав четкую вмятину в гипсокартоне вплоть до цементной штукатурки. Боль выстрелила в костях руки до самого плеча, но лучше боль, чем то, что под ней скрывалось. Это было чувство поражения.

— По моей вине мертв Преппи. Мне не стоило позволять ему начинать дерьмо с «Бабулиной Оранжереей». Мне нужно было... — я запустил руку в волосы. Был такой огромный список. Счастье, горечь, сожаление наполнили каждую свободную частичку моей жизни за последние несколько месяцев. Как

же много мне хотелось вернуть и изменить. Я думал, что все, чего не хватало в моей жизни, — это Макс. Но теперь это была Макс, малышка... и Преппи.

И неважно, что я делал, кого убивал, Преппи больше никогда не вернется.

— Какой план, мужик? — спросил Медведь.

— Мы доберемся до него раньше, чем он до нас... сегодня, — ответил я, с хрустом сминая пальцы. Время для вечеринки жалости закончилось. В моем списке смертников появилось еще несколько имен.

— Смело, старик.

— Возможно, но сначала я должен найти малышку. Может, забрать ее и не получится, но мне нужно добраться до нее. Сказать ей, что происходит.

Медведь кивнул.

— Я смогу отыскать ее. Передать ей сообщение, — предложил он.

Я покачал головой.

— Нет, эту информацию я должен доставить лично. Это единственный выход, при котором она послушает.

— Понимаю, потому как будь я на ее месте, то уже отрезал тебе твои сраные яйца, — сказал Медведь. Я бросил на него взгляд, напоминающий, что он подошел

близко к черте оставшегося у меня терпения. — Выясню, где она, — пробурчал Медведь, вытаскивая телефон из кармана. Он вжал сигарету в пепельницу на подоконнике и подкурил еще одну. — Все это дерьмо... Это вообще весьма дерзко, мужик. Ты головой двинулся или как?

Я вышел к доку и оперся о перила, вдохнув соленый ночной воздух.

— Ага, собственно говоря, да. Страдаю от того же состояния, что и малышка.

— И какого же? — спросил Медведь, последовав за мной из дома и опершись рядом.

— Мы оба забыли, кто мы такие.

Медведь набрал несколько номеров. Мне были слышны гудки в трубке, пока он не поднес ее к уху.

— И теперь вспомнил?

— Ага. Теперь — да.

— И кто же ты? — спросил

Медведь.

— Я е*анный преступник.

Глава 2

Доу

Шок.

Открытый рот. Неспособность найти слова. Переизбыток чувств. Потрясение.

Но шок — лучшее слово, подходящее для описания того, что я почувствовала в той машине.

У меня был миллион вопросов, а я не могла найти голос, чтобы задать хотя бы один.

И уж точно не могла вынудить свое внутренне я проявить воспитанность с двумя мужчинами,

называющими себя моей семьей. Они были просто незнакомцами, которые, когда я не захотела пойти с ними добровольно, вытащили «большое оружие».

Маленького мальчика с белокурыми волосами и кристально-голубыми глазами, как у меня.

Малыша, который назвал меня *«мамочкой»*.

С тех пор, как я проснулась без памяти, моя жизнь напоминала проклятую путаницу из непонятных событий, переплетающихся между собой в громадный клубок. Каждый раз, когда я оказывалась глупа настолько, чтобы думать, что могу распутать его, он закручивался

сильнее вокруг меня. Сжимался до тех пор, пока не поглощал каждую унцию свободного пространства. Сворачивался вокруг потенциальных возможностей моего умения выживать.

Он выжимал жизнь из этих возможностей.

Привезти с собой мальчика было ударом ниже пояса. Только из-за него я сидела в абсолютной тишине, неспособная задать свой миллион вопросов. Слишком напуганная ребенком или тем, что скажу что-то неправильное и травмирую его до конца жизни.

Тишина в этой машине оглушала. Здесь было так тихо, что, уверена,

если хорошенько прислушаться, то можно услышать мое состояние шока. Звук соприкасающихся с асфальтом шин, когда мы прибавили скорость, выехав на трассу, стал облегчением, которое я поприветствовала.

Мужчина, представившийся моим отцом, сидел на пассажирском сиденье спереди. Все в нем было напряженным и твердым, словно камень. На его костюме не было ни складочки, ни пятнышка от пота, и, несмотря на жару и влажность, он не снимал его. Я начала думать, что пиджак был отдельным дышащим существом. Предполагала, что в рукаве живет маленький

инопланетянин, контролирующий жизнь сенатора. Он был слишком чертовски идеальным.

Спереди завибрировал телефон.

— Прайс, — рывкнул сенатор в трубку. Спустя пару секунд бормотания по телефону, он потянулся над головой и нажал на кнопку, после чего перегородка между передними и задними сиденьями машины поднялась, отгородив нас от него.

Я сидела на краю одного из задних сидений. Маленькое тельце мальчика находилось на расстоянии от парня, который представился Таннером.

Моим парнем?

Нет. *ЕЕ* парнем.

— Знаешь... — прошептал мне он, а в каштановых глазах заплясал злорадный взгляд. — Малыш — та самая причина, по которой они перестали здороваться в ответ на телефонный звонок. — Я выдавила слабую улыбку, и Таннер снова уставился в окно.

Большую часть времени нашей часовой поездки, когда знала, что он не смотрел, я пялилась на профиль Таннера и желала, чтобы мой изнуренный мозг пролистал потерянные в нем связи в надежде, что сможет найти ту «карточку», в которой речь будет идти о том, кто такой Таннер и каковы были мои

чувства к нему.

Хотя Таннер выглядел по-своему хорошо — со свежим лицом и видом человека, работающего в коммерческой сфере. Но все, о чем я могла думать, глядя на парня, это то, что он... милый. Даже если мы с ним одного возраста, он был всего лишь мальчиком.

Единственное слово, которым я никогда не опишу... *его*.

Я пока не могла заставить себя думать о нем. Не хотела. Было слишком много всего, что стоило обдумать. Предательство Кинга. Его арест. Я не могла переварить это. Но когда вновь посмотрела на Таннера, то не смогла не сравнить их. Парень

был чисто выбритым и загорелым, высоким и худощавым, как мальчик, а его тело было сложенным благодаря плаванию в бассейне, в то время как Кинг был загорелым и татуированным, с постоянной бурей в глазах. Его мускулистое тело выглядело так, будто было сложено благодаря борьбе с самим дьяволом.

Когда не пялилась на Таннера, то знала, что он смотрел на меня, потому что я чувствовала, как своим взглядом он прожигает дыру в моей щеке. Но каждый раз, когда я поворачивала голову, парень отводил глаза и притворялся, что заинтересован видом за окном.

А еще был этот маленький

мальчик.

Тот факт, что я могла оказаться его матерью, был абсолютно смехотворным.

В крайнем случае, невозможным.

Но как бы странно это ни звучало, он был единственным в машине, в чем я была уверена.

Мой отец, мой парень и мой сын. Машина была наполнена людьми, которые должны были оказаться моими родственниками, и все равно, помимо этого единственного малыша, каждая фибра моей души говорила, что единственная семья, которая у меня когда-либо была, отдалялась с

каждой оставшейся позади милей.

КИНГ.

Может, все было ложью. Каждый кусочек. Кинг говорил, что любил меня. Может, и это было враньем. Я не знала, чему теперь верить.

Не будь просто живой. Живи.

Таковы были его слова.

Поэтому я жила.

И любила.

Злость, которую я испытывала к Кингу за то, что он солгал мне, утихла в ту секунду, когда я увидела разочарование на его лице от понимания — Макс не было в машине.

И когда детектив затолкал Кинга в авто в наручниках, я почувствовала

ослепительную ярость.

Мне хотелось бороться за Кинга. Хотелось быть той, кто вернет ему дочь. Я желала дать ему то, что было в моих силах, но все, что могла сделать — это наблюдать за ужасной сценой, которая разворачивалась передо мной, пока я была парализована руками сенатора, а они увозили Кинга от меня. Из внутренностей, казалось, выжали жизнь, когда Кинга толкнули головой в машину и увезли куда-то в камеру без окон.

Я говорила правду, когда сказала сенатору, что Кинг меня спас. И я имела в виду не те случаи, когда он избавил меня от Эда или Айзека.

Я подразумевала то, что он спас меня от меня самой.

Никогда не ожидала, что влюблюсь в Кинга. Моего похитителя, мучителя, любовника, друга. Мой мир.

Но я влюбилась.

Мальчик на моих коленях зашевелился. Его короткие вдохи и выдохи согревали мою кожу через рубашку, так как он прижимался своим маленьким носиком к моему животу.

У меня имелись вопросы. Так много вопросов, что голова кружилась еще больше, чем тогда, когда меня подстрелила Никки. Хотелось выкрикнуть их все, словно

выстрелить из автоматной очереди, но я не желала пугать круглолицего мальчика, чьи реснички касались щек, пока он спал. Я провела пальцами по его кудрявым волосам, и малыш удовлетворенно вздохнул во сне.

— Не могу поверить, что это ты, Рэй. Я думал, что больше никогда не увижу тебя, и вот ты, сидишь рядом со мной. Ты меня еще не вспомнила? Или его? Хоть что-нибудь? — спросил Таннер неуверенно. Я подняла взгляд, чтобы встретиться с тем единственным из прошлого, что я вспомнила, — красивыми каштановыми глазами, которые я видела во сне.

Покачала головой.

— Только твои глаза. Они мне снились. Однажды, — призналась я.

— Так, значит, я тебе снился, да?

— Таннер поиграл бровями. Он слегка толкнул мое плечо локтем, и я отодвинулась от незнакомого контакта. — Прости, — произнес парень, когда увидел мое напряжение. — Привычка.

— Все нормально, — ответила я, хотя не была уверена, нормально ли это. — Мне нужно спросить тебя о нем.

Таннер посмотрел на мальчика с любовью.

— Спрашивай, что хочешь.

— Сколько ему лет? Ты сказал,

что мне восемнадцать. Когда это случилось? Как?

— Как? — Таннер нервно засмеялся. — Ну, Рэй, когда мужчина и женщина любят друг друга... — он сделал паузу, когда увидел, что я не улыбаюсь. — Прости. Я привык шутить с тобой. Ты типа единственная, кто понимает мои шутки или, по крайней мере, понимала, — Таннер запустил руку в волосы и вздохнул, потянул за шов на кожаном сидении.

Машина остановилась перед большим трехэтажным домом, отделанным яркой розовой штукатуркой. Высокие переплетающиеся колонны

выстроились в ряд перед крыльцом, на котором было полно розовых пластиковых фламинго и садовых гномиков различных размеров. Длинная подъездная дорожка заканчивалась перед полосой, которая расходилась в стороны, словно лопасти, и была окрашена в такой же ослепительный оттенок розового. Еще больше розовых фламинго валялось на газоне. Бетонные фонтаны — тридцать минимум — были выполнены в разных стилях и разбросаны по двору.

— Мне сюда, — произнес Таннер, открывая дверь. Он поднял малыша с моих колен, и мое сердце

сжалось.

— Подожди, что ты делаешь? — спросила я, внезапно ощутив панику.

— У него был длинный день. Он привык проводить ночи у тебя дома, но, с тех пор, как ты исчезла, был у меня, — ответил Таннер. И хоть я и не помнила маленького мальчика, я не могла не почувствовать разочарование от того, что он не ехал со мной. Таннер, скорее всего, ощутил мое расстройство, потому что добавил: — Но я обещаю, что скоро приеду. Отправляйся домой и осваивайся. Тогда мы сможем поговорить подольше.

Сенатор появился перед нами возле пассажирского сидения.

— Подожди! — выкрикнула я. Таннер обернулся. — Как его зовут? — я указала на мальчика, чья щечка прижалась к плечу Таннера, и хоть он немного был стеснен объятиями парня, малыш крепко спал.

Таннер улыбнулся.

— Сэмюель.

Мое сердце выскочило из груди.

Сэмюель.

Преппи звали Сэмюель.

— Но мы зовем его Сэмми, — продолжил парень.

— Таннер, — вмешался сенатор, отпуская его. Он сел рядом со мной на заднее сиденье. Внезапно презрение, которое я отложила подальше ради Сэмми, вернулось с

желанием мести, когда мы свернули назад на дорогу, и я посыпала вопросами.

— Зачем ты арестовал Кинга? — спросила я, не в силах сдерживать горечь в голосе. — Он принял меня. Дал место, где я могла остаться. До него я жила на улицах, боролась, чтобы найти защиту или еду. Моим единственным другом оказалась бездомная проститутка, которая считала меня жалкой!

Сенатор и глазом не повел, услышав мою историю, и остался совершенно невозмутимым. Он лишь поправил запонку и со щелчком открыл телефон.

— Брэнтли Кинг — уголовный

преступник, мошенник и убийца, — заявил он, не поднимая взгляд. — Какие бы отношения, по-твоему, у вас не были, это было шуткой. Едва ли законной. Я на самом деле надеялся, что, когда он намекнул на то, что вы были... близки, он просто бросил мне приманку, но вижу, что это оказалось правдой. Этот *человек* пришел ко мне с единственной целью — использовать тебя как пешку дабы получить желаемое. Ничего более. Он воспользовался тобой, подростком, и попытался обмануть меня. Теперь этот преступник отправится туда, где ему место, получит то, что заслужил, и я больше не хочу об этом слышать,

юная леди.

— Кинг просто хотел вернуть свою дочь, — возразила я, скрещивая руки на груди. Сенатор, наверное, подумал, что эффектно закончил разговор, что черта с два.

— Мы не всегда получаем то, что хотим, — безжизненно произнес мужчина. Его слова эхом прозвучали в моей голове, будто я уже слышала их прежде. — Кроме того, я не знаю, какой силой, по его мнению, обладает сенатор. Максимум, что я мог сделать для него, — это написать рекомендательное письмо в суд по семейным делам. Может быть, позвонить судье Флетчеру, если он все еще восседает в совете судей.

— Почему ты не заключил сделку? Отвези меня обратно! — потребовала я. — Я даже не знаю тебя. Отвези меня обратно! — выкрикнула я, потянувшись к двери и плюнув на то, что машина находилась в движении. Надавила на ручку и открыла дверь достаточно, чтобы увидеть размытый гравий дороги. Сенатор потянулся за мной и резко дернул дверь на себя, защелкивая ее на замок.

— Рэйми, не смей меня. Тебе незачем возвращаться. И помимо этого, ты правда хочешь оставить своего сына? — спросил он, вскинув бровь.

*Бл*дь.*

— Таннер сказал, что ты сообщил всем о том, что я уехала в Париж, поэтому вы не беспокоились побегом дочери. Ты не думаешь, что вместо того, чтобы выдумывать ложь, стоило потратить время на мои поиски? — спросила я, все еще держа руку на двери. — Будь ты на моем месте, захотел бы остаться, зная это?

Сенатор вздохнул.

— Мы на самом деле искали тебя, Рэйми. Но не знали о потере памяти. Просто, когда мы тебя не нашли, то подумали, что ты не хочешь возвращаться. И перестань обыгрывать все так, будто ты центр вселенной. Ты не одна, на кого

повлияла вся эта катастрофа, так что подумай, прежде чем начнешь разбрасываться обвинениями на людей.

— Кинг меня не похищал. Сними обвинения. Я не хочу, чтобы он вернулся назад в тюрьму, — заявила я, скрещивая руки на груди.

Сенатор прищурился.

— Вот что я тебе скажу. Посети специалиста, с которым я связался. Попробуй по-настоящему приспособиться к людям и своей старой жизни. Попытайся вспомнить до того, как пойдешь и выбросишь все, чтобы стать первой леди... Логанс-Бич. — Он произнес название этого места так, будто от

воспоминания об нем у него во рту оставался неприятный привкус. Я открыла рот, чтобы поспорить, но сенатор продолжил: — Один месяц. Месяц настоящих попыток, чтобы восстановиться. Если спустя этот промежуток времени ты все еще захочешь вернуться, я сниму с него обвинения и дам тебе водителя, чтобы он отвез тебя и оставил в его доме с рекомендательным письмом для суда по семейным делам для того, чтобы он мог получить опеку над дочерью. Такова сделка, — он поправил галстук. — Других не будет.

— Я не верю твоим сделкам. Посмотри, что ты сделал с Кингом!

— выплюнула я.

— Рэйми, он — преступник! Ради Бога, у него даже избирательного права нет. Насколько мне известно, он даже не гражданин, а я не заключаю сделки с преступниками. Ты — моя дочь, — сенатор наконец-то оторвал взгляд от телефона. — Я бы никогда не дал тебе обещание, которое не намерен был сдержать.

Я не верила ему. Ни на йоту. В конце концов, он был сраным политиком. Но какой другой выбор у меня был? Сенатор прав. На самом деле, не к чему было возвращаться. Еще присутствовало это снедающее любопытство, которое никогда не

умирало и напоминало о постоянном желании узнать, кем я была. Какой была моя прежняя жизнь.

— Ладно, — согласилась я. — Но у меня много вопросов. Обо мне, о моем... — телефон сенатора зазвонил, и, как только он рывкнул свое приветствие в трубку, это эффектно положило конец разговору.

Я не была уверена, какие отношения были у меня с отцом, но начинала чувствовать, что он не был тем, кто приходит и радуется выигрышу бейсбольной команды своей дочери или помогает ей с домашним заданием по математике.

Через несколько минут после того, как мы оставили Таннера и

Сэмми, сенатор произнес:

— Мы на месте, — он положил телефон в боковой карман. Королевские пальмы, минимум шесть метров в высоту, с обеих сторон ограждали подъездную дорожку в форме латинской буквы «U», и дорожка заканчивалась просто перед большим открытым крыльцом в южном стиле с белыми перилами.

Я выгнула шею, чтобы посмотреть на дом.

— Ты живешь *здесь*?

— Нет. *Мы* живем здесь, — поправил сенатор. — Ты, твоя мать, я, Сэмми и экономка Надин. А когда меня здесь нет, значит, я в

Таллахасси или округе Колумбия.

Сенатор наклонился ко мне и открыл дверь. Жестом указал мне на выход. Мне пришлось прикрыть глаза от лучей солнца, которое жгло через разделенные листья пальм.

Дом политика не был большим или роскошным, каким я представляла себе. Он был небольшим, с белым сайдингом и голубыми ставнями. Кресло-качалка на крыльце кричало о южном стиле. Американский флаг развивался сбоку у входа. Китайские колокольчики свисали на деревьях, звеня и подрагивая от каждого намека на бриз.

— Дом, милый дом, — сухо

произнес сенатор.

Нет. Это могло быть место, где я когда-то жила, но я не чувствовала его домом.

В нем даже не было свай.

— Надин покажет твою комнату, — сказал сенатор, кивая в сторону женщины среднего возраста с оливковой кожей и темными каштановыми волосами, завязанными в хвост на затылке, когда та показалась из дома. На ней были черные слаксы и белая спортивная футболка с коротким рукавом.

— Надин в курсе твоей ситуации и ответит на любой твой вопрос, — сенатор выглядел удовлетворенным

своими указаниями, будто представлял старого друга новому боссу. — Ты вообще помнишь Надин, Рэйми?

— Нет, я *никого* не помню, — отрезала я.

Сенатор закатил глаза.

— Вижу, что манера твоего поведения несколько не пострадала от потери памяти. Надин... ну, Надин делает все. Она была с тобой с момента твоего рождения. Мы скоро поговорим, — попрощавшись коротким кивком, сенатор нырнул назад в машину. — Что бы ты не думала, *действительно* хорошо, что ты дома, Рэйми.

— Ты уезжаешь? — спросила я.

— Вот так вот?

— Я должен вернуться через пару дней. У меня несколько встреч. Твоей матери дома нет. Она в спа.... Снова. Поговорим потом.

Машина отъехала.

— Мистер Е*анный Деятель, — пробубнила я. Надин громко прыснула со смеху, а после хлопнула себя по рту ладонью и прочистила горло.

— Ну, он прав в одном, — сказала женщина с легким южным акцентом, — твоя манера поведения никуда не делась.

Надин провела нас к ступенькам и открыла парадную дверь, отступив в сторону, чтобы я могла войти

первой.

— Так ты хорошо меня знаешь, я полагаю?

— Девочка, я знала тебя с тех пор, когда ты еще ходила в подгузниках. Я знаю тебя лучше всех, — ответила она с улыбкой, которая заставила меня поверить ей. — А теперь идем, давай что-нибудь поедим, а затем я помогу тебе обжиться в твоей комнате. — Я следовала за Надин как потерянный утенок, и это было мне ненавистно. Я не чувствовала себя такой беспомощной с тех пор, как жила на улицах, и пообещала себе, что никогда не столкнусь с этим снова. Но вот, где я была — следовала за

незнакомкой по чужому дому, потому что у меня не было другого выхода.

Нет. Мне не оставили другого выхода, напомнила я себе. Конечно, я могла вызвать такси и выбраться отсюда, но было лишь одно место, куда я могла поехать.

И оно было пустым.

Даже если Кинг не вернется назад в тюрьму, захочет ли он меня снова после того, как был полностью готов отдать меня?

Захочу ли я быть там после всего?

Сейчас я не была готова думать об этом.

Внутри дома полы были выполнены из темного дерева. Стены

светлого дымчатого цвета. Здесь присутствовал вкус, и всего было в меру. Уютно и по-современному.

Я, мать вашу, ненавидела это.

— Как-то простовато для дома политика, разве нет? — спросила я.

Надин закрыла за мной дверь, пока я стояла в маленьком фойе, выполняющем еще и функцию прихожей, и осмотрелась.

— Он восходящий политик, — объяснила она. — У него нет унаследованного состояния, как у большинства стариков в нашем штате. Ранее был компьютерным программистом. Туда, где он находится сейчас, сенатор проложил себе путь предвыборными

обещаниями, а не банковскими счетами, — проинформировала Надин, — а это редкость в наши дни.

— Ты говоришь так, будто он тебе нравится, — сказала я с удивлением.

Она покачала головой.

— Дело не в том, нравится он мне или нет. У него есть свои падения. Они есть у всех нас. Но человек заслуживает доверия там, где оно должно быть, — Надин стала передо мной, затем снова повела вперед. — Конечно, его отцовские качества оставляют желать лучшего, но, когда дело касается политиков, никто не спорит с тем, что человек достиг высот.

Мы остановились в центре дома. Кухня, столовая и гостиная — все делили одну зону, где кухня находилась в дальнем углу. Столешницы были высокими и кристально-белыми.

— Садись, — кивнула Надин на один из барных стульев с высокой спинкой. Но я осталась стоять на месте. Осознание того, что это происходило на самом деле, медленно начинало доходить до меня. Мне всегда было интересно, каким был дом, в котором я выросла, и вот я, в итоге, была здесь. Пусть и не чувствовала воодушевление, которое, думала, придет.

Я до сих пор испытывала шок.

Злость. Горечь. И адское смущение.

Но воодушевление?

Не-а.

Надин вытаскивала ингредиенты из разных столешниц и шкафчиков над газовой плитой.

— Садись, девочка. Сейчас придумаю для тебя что-нибудь. Можешь спросить у меня все, что хочешь. Знаю, ты любитель вопросов, — женщина улыбнулась и вытерла руки о фартук, который повязала вокруг талии.

— Ну, думаю, это не изменилось, — сказала я, все-таки занимая место за столом. — В последние месяцы мне частенько говорили, что я задаю слишком

много вопросов.

Надин разбила яйцо в миску.

— Но ты изменилась. Я вижу это.

— Полагаю, это плохо? —
вздыхнула я.

— Нет, — она подошла ко мне и оперлась локтями на столешницу. —
Вообще-то... думаю, мне нравится.

— Чем я теперь отличаюсь?

Надин поджала губы.

— Не уверена на все сто, но скажу тебе, как только буду знать, —
потянувшись вперед, Надин ущипнула меня за нос. Подмигнув, женщина повернулась к плите, где начала смешивать ингредиенты деревянной ложкой.

— Это нечестно, — произнесла я, и получилось более жалостливо, чем хотелось. — Все знают меня, но все для меня чужие. Я практически сама себе чужая.

— Детка, ненавижу говорить тебе это, но ты заметила, чтобы твой отец хоть каким-то образом создал впечатление о том, что он милый и приятный собеседник? — Надин вытащила половник из столешницы.

— Нет, — тут же ответила я.

— Ну, в некотором смысле, вы двое всегда были чужими друг другу. Так что в этом плане все осталось прежним, — ответила она с улыбкой.

Я прикусила нижнюю губу.

— Не знаю, плохо это или

хорошо.

Надин пожала плечами.

— А моя мама? Кто едет в спа, когда пропавший ребенок возвращается домой? — Я больше не прятала своей горечи, потому что мне было *горько*.

Надин скривилась, будто надеялась, что я не спрошу о своей матери. Она продолжила помешивать то, что сделала в миске.

— Спа — это код, обозначающий, что либо она скрывается в каком-то отеле, либо находится на лечении от алкоголизма, где проходит реабилитацию по очищению поврежденной печени, — женщина

вытерла руку о полотенце на плече.
— То есть... я просто...

О своей матери больше слушать не хотелось, поэтому я прервала Надин, решив извиниться за свое поведение.

— Что ты делаешь? — спросила я, подаваясь вперед и опираясь на локти.

— Твой любимый завтрак на обед.

Мое сердце затрепетало, когда она зачерпнула немного взбитого теста и залила его на раскаленную сковородку. Когда Надин взялась за лопатку, чтобы перевернуть содержимое, я увидела Преппи, стоящего на ее месте в своем

любимом фартуке из красного кружева.

— Блинчики, — прошептала я, и мое сердце начало увеличиваться в размере. Внезапно я почувствовала слабое головокружение. Звездочки затанцевали перед глазами, и я обняла себя, чтобы не упасть со стула.

Надин подошла и поставила передо мной тарелку с тремя идеально круглыми блинчиками, полив их сиропом. Квадратный кусочек масла начал таять на них, пока не расплавился и не потек. Аромат сладости окутал меня, вытягивая каплю за каплей боли и горечи, которые мучили меня с той

ночи, когда умер мой друг.

— Тебе больше не нравятся блинчики? — спросила Надин, неправильно интерпретировав мою реакцию.

Я покачала головой.

— Не в этом дело, — ответила я, пытаясь бороться со словами.

— Тогда в чем, крошка? — спросила Надин, встревоженно положив руку мне на плечо. Я не ответила.

Не смогла.

Так что она притянула меня к своей мягкой груди и обняла за голову, которую я не так и решилась поднять. На протяжении недель после смерти Преппи меня

настолько сильно тревожил Кинг, что я забыла о том, что так и не оплакала смерть своего друга должным образом. Я не понимала, что плачу, пока мои плечи не начали сотрясаться.

— Почему ты плачешь?

— Потому что... — мне удалось произнести слова с коротким выдохом.

— Потому что... что?

— Потому что... блинчики.

Глава 3

Доу

Надин укачивала меня, пока я не успокоилась. Она отодвинула тарелку с блинчиками, словно именно они стали причиной моего маленького срыва.

Мы обе решили, что мне нужен был хороший сон. Надин провела меня наверх к двери в конце коридора.

К моей комнате.

Кружевные белые занавески, стены приятного синего цвета и мягкое, словно облако, розовое

одеяло. Маленький настенный бра с электрическими свечами висел над кроватью, на которой рядом стояли мягкие игрушки животных. Осматриваясь вокруг, я не могла не вспомнить другую маленькую комнатушку в городке недалеко отсюда. С плоским матрасом, с самым удобным одеялом выцветшего синего цвета и сломанной лопастью вентилятора, о которую Преппи ударился головой, с энтузиазмом прыгая на кровати.

В груди защемило.

В этой комнате — *моей* — над простым белым столом висела пробковая доска. К ней иголками были прикреплены наброски на

альбомных страницах. Я медленно шла по комнате, пробегая рукой по слегка текстурированным стенам, блестящей ткани подушек на небольшом подоконнике, и, наконец, по самим наброскам, которые оказались в основном пейзажами с парой портретов. Я узнала среди них портреты Сэмми, а один принадлежал Таннеру. На наброске в центре доски были изображены они вместе, сидящие под деревом, улыбающиеся, как я предполагаю, мне.

— Ты любишь рисовать. У твоего отца чуть не случился инфаркт, когда ты сказала, что хотела бы учиться в школе искусств, —

начала Надин, стоя в дверном проеме. — Это стало для тебя тяжелым ударом.

Да, и по большим причинам, чем ты думаешь.

Я чувствовала взгляд Надин на себе, пока шла по комнате, желая вспомнить хотя бы что-нибудь.

— Знакомый взгляд.

— И какой же он? — спросила я. Сняв рисунок с доски, я прошла к окну с видом на залив и подняла его. Изображение оказалось почти идентичным картине за окном, вплоть до оконной рамы и пуговиц на подушках, обширного газона и разбросанных дубов, включая и тот, что загораживал окно. Надин вошла в

комнату и присела на уголок кровати. Я так и стояла к ней спиной, продолжая сравнивать рисунок с оригиналом.

— Грустный. Ты — красивая девушка, но грусть тебе не к лицу. — Я повернулась и поймала остаточную печальную улыбку Надин.

Опустила рисунок на стол.

— Честно? Я не знаю, что и думать.

— Это может прозвучать странно, особенно потому, что ты меня не помнишь, но я люблю тебя словно своего ребенка. И не важно, что делали твои друзья, у тебя всегда было собственное мнение и трезвая голова на плечах. Так что я знала,

что, когда ты пропала, то не сбежала, как все говорили. И я как пить дать не повелась на дерьмо про Париж. Ты просто была... не тем типом девушек.

Смех вырвался из меня словно взрыв.

— Не тем типом девушек? Очевидно, что я — дочь сенатора, мать-подросток, и сделала столько херни для своей семьи, что та списала меня, как беглянку, так что прости за мой смех, но я не имею ни единого гребаного понятия, к какому типу девушек я отношусь. — Все это я выпалила на одном длинном выдохе, с которым пришло колющее чувство вины в момент, когда

сорвались резкие слова.

Надин встала с кровати.

— Я оставляю тебя отдыхать, — сказала она, разглаживая штаны ладонью, а затем и рубашку.

— Мне жаль, — мягко ответила я, когда она потянулась к ручке двери.

— И мне, — ответила Надин, наши извинения повисли между нами. Ее обычное поведение превратилось в профессиональное. Улыбка, легкая и искренняя, какой она была при первой нашей встрече, теперь стала натянутой и вынужденной. — Твоей маме нехорошо в последние дни. Она увидится с тобой завтра, когда

вернется твой отец.

— Где она? — спросила я.

— В постели с мигренью, — безжизненно отрезала женщина.

— Меня не было месяцы, а в день моего возвращения мой отец уезжает на работу, а мать лежит в постели с мигренью? — вырвалось у меня.

— Да, — подтвердила Надин, покидая комнату и закрывая за собой дверь. Прежде, чем та защелкнулась на замок, женщина добавила: — Все снова вернулось в норму.

Большую часть ночи я изучала наброски на пробковой доске. Смотрела в гардеробной на одежду моего размера, но не по моему вкусу.

Множество юбок, костюмов и рубашек с длинным рукавом. Таких... консервативных. Таких... дорогих. Таких... всяких. Я наконец отыскала пару спортивных штанов и желтую майку на дне одного из ящиков, и, приняв душ в смежной ванной, оделась, а потом исследовала стол в поисках того, что могло бы воскресить мою память. Нашла розовый iPhone и попыталась включить его, но батарея была разряжена, поэтому воткнула в розетку зарядное устройство, которое нашла на ночном столике.

Я остановилась, когда взглянула на свое отражение в зеркале в полный рост. Подняла майку, чтобы

посмотреть на свой плоский живот. Как, мать вашу, там мог поместиться ребенок? Пробежала рукой по гладкой коже и надула живот так сильно, как смогла, чтобы симитировать беременность. Было странно видеть себя полненькой, особенно когда Преппи едва ли удалось откормить меня, чтобы я набрала вес.

Преппи.

Колени подогнулись, и я придержалась за край стола, чтобы не упасть на ковер. Мне все еще не хотелось верить в то, что его не стало. Я по-прежнему думала, что вот-вот увижу его за углом, или услышу, как он кричит что-то, чтобы

заставить меня смеяться. Дело было не только в Преппи. Я чувствовала, что часть Кинга тоже умерла, ибо то, что ждало меня впереди, оказывается неважным, потому что ничего не будет как прежде. Если сенатор нарушит сделку со мной, как он сделал это с Кингом, шансы на то, что Кинг когда-либо станет частью моей нынешней жизни, будут равны нулю.

Внезапно ощутив такую усталость, какой не чувствовала с тех пор, как спала на лавках в парке, я подошла к кровати, сбросив кучу игрушечных животных на пол. Забравшись на подушки, устроилась сбоку. Матрас и одеяло были

роскошными и мягкими, но кровать ощущалась пустой.

Потому что здесь нет его.

Всего несколько месяцев назад я была простой девчонкой без имени, без дома и без семьи.

Затем стала малышкой со щенячьими глазками. Девушкой, живущей в Логанс-Бич с семьей, которую выбрала, и в доме, который любила.

Теперь я — Рэйми Прайс, дочь сенатора, и сама являюсь матерью. Я, наконец, вернулась туда, откуда пришла. Туда, где было мое место.

Наконец-то была дома.

Проигрывая в борьбе с крепким сном, я задалась вопросом, почему

место, которое должно ощущаться родным, чувствовалось чем угодно, только не домом.

Стоя посередине льда, я делаю неуверенный шаг к берегу, и первый треск льда под моим тяжелым сапогом оглушает. Мне нужно сделать еще один. Нужно перейти озеро до того, как станет поздно, но я не могу пошевелить ногами. Все, что могу, — это пялиться в неведении, пока трещина увеличивается, образуя миллион других трещин, и, словно змеи с зубастыми пастьми, они мчатся во все направления, пожирая тонкую основу льда и отправляя его вместе со мной в ледяную темень воды.

Холодно.

И я тоню.

Глубже и глубже меня затягивает в непроглядную воду, пока надо мной не появляются две руки, которые тянутся ко мне, вызывают ухватиться за них, чтобы я могла спастись. На запястье одной — золотые часы, на второй — толстый кожаный ремень. Я пытаюсь дотянуться до обеих, но не могу, и они не погружаются в воду глубже.

Только тогда я понимаю: чтобы спастись, мне предстоит сделать выбор.

Я тянусь к руке с ремнем, хватаюсь за нее, но, вместо того,

чтобы поднять над пропастью и
вытащить меня на морозный воздух,
как я ожидала, рука переворачивает
меня и окунает глубже и глубже в
воду, пока у меня не остается
никакого другого выбора, кроме как
втянуть в легкие илистую воду.

Я падаю в забытие, задаваясь
вопросом, а существует ли
правильный выбор? Потому что у
меня складывается ощущение, что
не важно, кого я выберу, они оба
утянут меня под воду.

Глава 4

Доу

Тэн. Тэн. Тэн.

Сначала подумала, что мне слышался треск льда из моего сна, но, когда звук стал громче и настойчивей, я открыла глаза и поняла, что он исходит от моего окна.

Придя в себя, обнаружила, что телевизор, оставленный мною в качестве источника света, автоматически выключился, и меня поглотила темнота, из-за которой глаза округлились до невиданных

пропорций.

А затем я услышала отчетливый звук скольжения оконной рамы вверх. Кто-то открывал ее. Я замерла, не имея понятия, было ли под рукой что-то, с помощью чего можно было бы защититься и не раскрыть место своего нахождения в комнате.

Единственное, что я могла сделать, — это прижать одеяло к груди и ждать.

Отчетливая тень проникла через окно, переставляя одну длинную ногу через подоконник, а потом вторую. Я заметила стеклянный шар на письменном столе, собралась схватить его и бросить в пришедшего, когда тень двинулась к моей кровати.

Затем, по мере ее приближения ко мне, паника начала спадать.

Был лишь один человек, чье присутствие могло утихомирить мой бушующий страх перед темнотой.

Кинг.

Моя злость к нему, подавлявшая меня весь день, осталась только мыслью на задворках памяти, когда я спрыгнула с кровати. Но как только приготовилась броситься в его объятия, из-за облака выглянула луна, и свет, проникнувший в мою комнату, представил мне посетителя.

Таннер.

Остановившись как вкопанная, я поняла, что так и держала руки раскрытыми в воздухе. Опустив их,

неловко спрятала ладони за спиной.

— Что ты здесь делаешь? — спросила бездыханно.

— Я предупреждал, что приду поговорить, — ответил Таннер. — А за кого ты меня приняла?

Покачала головой и отмахнулась.

— О, ни за кого, ты просто напугал меня, когда пролез через окно, — солгала я. — Кто остался с Сэмми?

Таннер бросил на меня взгляд, говорящий, что он не купился на мой ответ, но, к счастью, не стал заикливаться.

— Мама присмотрит за ним.

— О, — выдавила я и повернулась, избегая взгляда

Таннера.

— Извини, что напугал. Честно, у меня даже в мыслях не было входить через дверь, потому что если я не с Сэмми, то всегда прихожу именно таким образом... — Таннер остановился и закрыл глаза. Затем покачал головой и двинулся к кровати. Парень бросил на меня пронзительный взгляд, и я кивнула. Занимая лишь маленькое местечко на углу кровати, он даже не сидел толком, больше обнимал себя руками. — Все забываю, что ты ничего не помнишь, — он указал на себя, а затем на меня.

— Тебе не нужно передо мной объясняться, — ответила я.

Но, несмотря на мой протест, Таннер попытался продолжить:

— Твой отец. Он просто подонок, и всегда им был. Но, кажется, ты уже это поняла. Сенатор терпит меня только из-за моей семьи. Мой отец относится к четвертому поколению генеральных директоров «Редмонд Шуз», и, несмотря на то что сенатор пытался переубедить тебя избавиться от меня с тех пор, как мы были в подгузниках, после появления Сэмми, думаю, он наконец-то смирился с тем фактом, что я никуда не денусь. Но не важно, нравится ли ему мое имя или нет, я буду для него парнем, который обрюхатил его дочь-

подростка. Так что, даже если у нас с тобой общий ребенок, я все еще карабкаюсь по этому странному дереву и пролезаю к тебе в окно, как и поступал с тех пор, как научился лазить по деревьям, потому что твой не одобряющий меня отец любит думать, что контролирует все, что происходит у него в доме. — Зубы Таннера блеснули в улыбке, словно заискрившись в лунном свете. — Так что мое нахождение здесь... типа... под запретом.

— Под запретом? — спросила я. Прозвучавшая фраза выбивалась из контекста, учитывая мой возраст.

— Слова твоего отца. Не мои, — признал Таннер. — И ты знаешь, что

я имею в виду, Рэй. Не умничай, — игриво добавил парень.

Я уселась у изножья кровати.

— У меня так много вопросов к тебе, и их больше, чем ответов, но я понятия не имею с чего начать, — призналась я.

Таннер подтолкнул мой локоть своим.

— Ну, у меня тоже есть вопросы... если ты не против, — сказал он. — Как насчет обмена, по вопросу за раз? Но пообещай отвечать честно. Мы никогда не лгали друг другу, и я не собираюсь начинать.

— Ладно, — согласилась я.

— Ты начинаешь, — сказал

Таннер. — Что тебе рассказать в первую очередь?

Одно мне нужно было спросить с самого начала.

— Я хочу узнать о нас, о Сэмюеле. Сэмми. — Ранее я была немного шокирована и не расспросила о нем.

Таннер хлопнул ладонями по коленям.

— Значит, начну с самого начала, — ответил он с чуть странным акцентом. Я повела бровью, не уверенная, как реагировать на его долю юмора. Таннер посмотрел вниз на ковер и продолжил без акцента: — Мы были с тобой вместе с тех самых пор, как ползали в

подгузниках. Если хочешь краткий обзор, то от моего дома до твоего всего пять минут пешком. Наши матери близко дружили до того, как твоя решила, что водка будет ей лучшим другом, чем человек. Мы понарошку сыграли свадьбу в нашем домике на дереве, когда были малышами. Еще одна наша подруга играла роль священника. Она даже порезала одну из рубашек своего отца от Хьюго Босс, чтобы сделать себе «священную мантию», за что была наказана на неделю, а после того, как ее родители рассказали нашим, мы втроем не виделись целое лето. — Таннер нервно засмеялся. После опустил подбородок на кулак и

вздохнул. — Очень странно пытаться объяснить тебе *наши отношения*.

— Могу тебя заверить, что слушать о них еще необычнее, — признала я.

Таннер запинался, умолкал, то и дело начиная говорить, но, сделав глубокий вдох, все-таки продолжил:

— Нам было пятнадцать, когда Сэмюель... случился. Изначально мы планировали подождать, пока... станем... более развитыми физически и окончим школу, — на его лице царила боль, пока Таннер постукивал мыском кеда по полу. — Но затем мы узнали о моей болезни. Серьезной, — он повернулся, чтобы посмотреть на меня. — Лейкемия.

Я не знала, как реагировать при таких обстоятельствах, поэтому слабо улыбнулась и ответила:

— Мне очень жаль.

Он поджал губы и продолжил:

— В тот день, когда мне сообщили, что я могу не дожить до своего выпускного, мы перешли к нашим планам. Мы были молоды и глупы, но произнесли наши собственные клятвы прямо здесь, в этой комнате. — Даже если от рассказа Таннера мое сердце натягивалось словно струны, я не чувствовала себя частью этой истории. Будто она меня не касалась.

Парень почесал голову и снова посмотрел в открытое окно.

— Я обещал всегда крошить «Читос» в твой сэндвич, а ты обещала не забывать меня, когда меня не станет. Затем мы... — он странно затих, но быстро произнес: — И затем мы сделали Сэмюеля. — Таннер снова улыбнулся, в этот раз широкой гордой улыбкой, которая сказала мне, как по-настоящему он рад тому, что мы совершили.

И кого мы сделали.

— Это та ночь, которую, я надеюсь, ты вспомнишь в один день, потому как я, может, и находился перед лицом смерти, но она стала самой лучшей в моей жизни, — закончил Таннер, сложил руки на бедрах и, опустив подбородок к

груди, посмотрел на меня в ожидании ответа.

Не уверенная, что сказать, я произнесла первое, что пришло в голову.

— Я все еще крошу «Читос» в сэндвич.

Таннер слабо улыбнулся и даже издал небольшой смешок. Очевидно, на него давило эмоциональное бремя того, что казалось важной частью нашей истории.

— Ты все еще болен? — спросила я.

Он покачал головой.

— Нет. По большей части я выжил по милости твоего отца. Вскоре после того, как мы узнали о

твоей беременности, я принял участие в экспериментальной программе в Колорадо. К моменту рождения Сэмми я уже вернулся домой, и мне становилось лучше с каждым днем. Мне все еще нужно принимать таблетки время от времени, но рак отступил, и теперь врачи думают, что я буду жить вечно, как вампир, или еще лучше, как мутант, — ответил Таннер, скашивая глаза и свешивая язык из уголка рта.

Я прикусила губу, задавшись вопросом, стоит ли мне вообще спрашивать о том, что вертелось у меня на языке.

— Думаешь, мне можно увидаться с ним? С Сэмми? Может,

провести с ним какое-то время? — спросила я. — Это могло бы помочь мне вспомнить больше, — добавила в надежде, что Таннер скажет «да».

Он махнул рукой, словно мой вопрос был смехотворным.

— Конечно, Рэй. Ты — его мать. Тебе даже спрашивать не нужно, — Таннер потянулся за моей рукой, но в момент, когда вот-вот собирался сжать ее, заколебался, а после и вовсе убрал свою и опустил себе на колено.

— Теперь я могу задать тебе вопрос?

— Да, твоя очередь, — ответила я.

Таннер прикусил подушечку

большого пальца, а затем спросил:

— Ты и тот парень в татуировках. Ты жила с ним, так ведь? И тогда, когда мы приехали забирать тебя, вы спорили, словно...
— Таннер умолк.

Мне не хотелось, чтобы он чувствовал себя странно, так что вместо того, чтобы заставлять его задавать сложный вопрос, ответила сама:

— Кинг. Его зовут Брэнтли Кинг.
— Слетев с моего языка, его имя снова позволило мне дышать, но в то же время, словно порывом ветра, выбило весь кислород из легких. Но в этом и был Кинг: противоречие в каждом его понимании.

Таннер оперся локтями о колени, похоронив лицо в руках.

— Так чертовски тяжело спрашивать это у тебя, Рэй, но я думаю, что мне нужно знать. Нет, я *должен* знать, — простонал он. — Вы... я имею в виду, вы двое...?

С этим просто-напросто хотелось покончить. Сорвать как пластырь.

— Да. — В конце концов я обещала ему честность, а не вежливость.

— О, Боже мой. Кажется, меня сейчас стошнит, — выпалил Таннер, подскочив с кровати.

— Ты сказал, что хотел честности! — выкрикнула я, тоже

подрываясь на ноги. — И не смотри на меня, словно я изменила тебе. Я даже не знала, что был какой-то *ты*, чтобы изменять!

Таннер переминался с ноги на ногу.

— Знаю, знаю, что сказал. Но я не ожидал, что твой ответ разобьет мне сердце! — Таннер прокричал шепотом. — И я уверен, что не ты изменила мне, потому что Рэй, которую я знаю, никогда бы не переспала с только что повстречавшимся ей незнакомцем. — Таннер измерял комнату шагами. Он злился не нарочно, просто был расстроен, но его осуждающий тон и голос играли на моих нервах и

заставляли пожалеть о данном обещании быть честной.

— Экстренное сообщение, дружок. Я не знаю тебя или Рэй, которую ты помнишь. Меня не зовут Рэй. Меня называли Доу. Как неизвестную Джейн Доу. И никто не знал, откуда я, бл*дь, взялась. Так что, если хочешь вылить свою злость и тыкнуть пальцем в того, кто и что сделал не так, давай переходи к делу! — прокричала я.

Таннер сжал руки на животе, словно внутренности причиняли ему физическую боль.

— Я искал тебя, знаешь. Проводил дни, недели, месяцы в поисках и никогда не оставлял

надежду, — его голос звучал так низко, что я едва расслышала. — Но вот ты здесь, а я не узнаю тебя.

— Это никуда нас не приведет, — ответила я. Упала назад на матрас и перекатилась на живот, от отчаяния закричав в одеяло. Когда перевернулась на спину, Таннер стоял с разинутым ртом.

— Что? — спросила я, посмотрев на свое тело, чтобы убедиться, что оно прикрыто одеждой везде, где нужно. Все было на месте. Я встала и поверила еще раз.

Ничего.

Таннер начал заикаться.

— Тв... твоё... п... плечо. Т...

твоя... спи... спина. У тебя... татуировка, — сказал он в неверии, едва в силах закончить предложение.

— Ладно. И что? — спросила я, скрещая руки на груди и прикасаясь ладонью к месту, где Кинг увековечил свой рисунок, готовая защищаться и даже взорваться.

Таннер побледнел.

— Его имя. У тебя на спине огромная татуировка с его именем, — повторил он. Прозвучало скорее осуждающе, чем утвердительно. Мне не казалось, что я была обязана объяснять Таннеру, что в моей татуировке не было никакого имени, но в комнате царила темнота, а

замысловатая работа была искусно выполнена, так что ее легко можно было принять за что-то другое. Я сделала глубокий вдох и попыталась напомнить себе, что мы с Таннером оба проходим через то, что не понятно обоим.

— Мне не хочется причинять тебе боль, Таннер. Но и оправдываться перед тобой я тоже не собираюсь.

— Я не знаю, как мы переживем это. Как я переживу, — парень провел рукой по открытому рту, а затем по челюсти. — Ты была другим человеком.

— У меня не было выбора, кроме как хотеть его. Знаешь, мою

голову не покидала мысль о том, что мне нужно оставаться чистой и нетронутой, или что-то в этом роде, ради человека, которым я была до потери памяти. Ради этой Рэй. Но время шло, и мы с Кингом... стали ближе. Спустя долгое время я устала бороться. Устала останавливать жизнь, которую могла бы иметь, ради жизни, которая была у меня раньше. Я позволила ему... любить себя. — Слова принесли с собой воспоминания, из-за которых слезы защипали глаза. — Я не жалею об этом. Ни о чем из того, что было. И не стану. Не важно, что ты скажешь, потому как у тебя не получится переделать меня.

— Господи Боже, Рэй. Ему же около тридцати, а ты всего лишь подросток! Ко всему этому, ты единственная девушка, с которой я был, и в последний раз, когда мы занимались сексом, нам было по пятнадцать! И ты стоишь здесь и рассказываешь, что позволила ему...

— Таннер сделал шаг к подоконнику и наклонился, опираясь руками для поддержки. — Ты позволила ему... прикасаться к себе, — он закончил более спокойным тоном, чем начал.

В горле сформировался ком.

— Да, — ответила я, борясь со слезами. — Не смей меня осуждать. Я могу посочувствовать тебе, потому что знаю, каково это — быть сбитым

с толку и оказаться захваченным чувствами, но это не меняет того факта, что я не знаю тебя, — я уставилась на Таннера, отстаивая свое. Никому не позволю говорить о том, что происходившее между мной и Кингом было ошибкой.

Таннер вскинул руки в воздух.

— О, значит нас таких двое. Рэй, которую я знал, ни разу не повысила голос, никогда не кричала и никогда не материлась. Ты, может, и выглядишь, как она, но ты всего лишь замена. — Его слова ударили меня, словно пощечина. Я на самом деле почувствовала жжение, будто он ударил меня рукой. — Может, тебе и не стоило возвращаться, — сказал он,

уголок его рта дернулся в отвращении.

— Уходи, — потребовала я, топая ногой по полу и указывая на окно, через которое он пролез. — Сейчас же.

Таннер ступил на подоконник и уже свесил одну ногу за окно, но затем остановился. Медленно повернулся ко мне, и на его глазах заблестела влага.

— Мне жаль... На самом деле жаль. Я просто... До сих пор люблю тебя, Рэй, — мягко произнес Таннер.

Я все еще была готова обороняться, но поняла, что единственной причиной, по которой Таннер сорвался на меня, было его

разбитое сердце. Я не могла позволить ему уйти ни с чем.

— Я не могу сказать тебе то же самое, но знаю, что чувствовала к тебе что-то, прежде чем все это случилось. Это единственная причина, по которой, думаю, я видела твои глаза во сне. Это должно означать что-то, так ведь? — предложила я. Таннер улыбнулся с грустью, но улыбка не коснулась глаз. — Я даже нарисовала их однажды, — добавила в надежде, что эта капля информации смогла бы принести ему хоть немного умиротворения.

— Ты любишь его? — спросил Таннер с грустью в голове. — Скажи

мне правду, Рэй. Я смогу с ней справиться. — Не поверила ему ни на мгновение. Поискала ответ в голове и в сердце. Тот, в котором я не сомневалась, несмотря на всю эту чушь, всю ложь и непонимание.

— Да, — прозвучало очень просто.

Таннер скривился. Повернулся и спрыгнул на ближайшую ветку. К тому времени, когда я подошла к окну, он уже был на земле и стряхивал листья со штанов. Потом оглянулся на мое окно.

— Даже если он знал, кто ты, и не сказал? Даже если использовал тебя, чтобы вернуть свою дочь? Ты все еще любишь его, несмотря на

это? — он шепотом прокричал свой вопрос.

Я попыталась, как могла, объяснить ему свои смешанные чувства.

— Можно злиться на человека, но при этом любить его, — ответила я.

Таннер пересек лужайку, а затем исчез в темноте, но я расслышала его бурчащее:

— Посмотрим.

Глава 5

Доу

Следующие три дня я провела в своей комнате одна. Выбиралась из кровати лишь для того, чтобы принять быстрый душ и переодеться. Но не спала. Не могла уснуть, за исключением краткого отдыха время от времени, когда мое тело не могло сопротивляться усталости, а разум находился в режиме тревоги.

Было за полночь, когда я проснулась после такого полудрема и поняла, что окружена мраком. Паника начала просачиваться в душу.

Я попыталась глубоко вдохнуть, но не смогла сделать ни глотка воздуха. Попыталась нащупать пульт от телевизора, и, когда нашла и нажала кнопку, ничего не произошло. Пришлось поискать какой-нибудь источник света, так как казалось, что он где-то на стене возле кровати, но не смогла найти. В итоге подбежала к окну и раздвинула шторы, надеясь, что лунного света хватит, чтобы я на секунду могла перевести дыхание. Удача отвернулась. Грозовые тучи висели низко в небе, перекатываясь по склону, отчего пол под моими ступнями начинало раскачиваться. Все, о чем могла думать, — смерть от приступа чистой паники.

Я присела на пол на корточки и обняла колени руками. Грудь чертовски сильно сжимало. Комната вращалась вокруг меня, книги на полке смазывались в одну линию. Только тогда я кое-что поняла. Возможно, моя паника не имела ничего общего с одиночеством в темноте.

Может, дело было в том, что я просто одна.

Единственный человек, с которым я чувствовала какую-то связь в этой новой прежней жизни, был Сэмми, а я видела его считанные минуты. И учитывая то, на какой ноте расстались мы с Таннером, не уверена, увижу ли ребенка снова.

Не исключено, что больше никогда.

О Кинге можно было сказать то же самое.

Внезапно я почувствовала, что каждый вдох в этом доме, в этой комнате, напоминал яд. Чем больше я вдыхала, тем отчетливей чувствовала, что умру прямо здесь, на полу спальни, которую не помнила.

Я задохнусь.

Мне нужно нахрен выбираться отсюда.

С обувью я не заморачивалась. Все в тех же шортах и майке, в которых спала, я подступила к окну и открыла его. Усевшись, поерзала на

подоконнике, пока не свесила ноги с края, как делал Таннер. Внизу не было ничего, кроме темноты. Держась одной рукой за оконную раму, я протянула вторую к ветке, которая, я знаю, была там. В секунду, когда пальцы коснулись ветки, меня охватило знакомое чувство. Мы с деревом были старыми друзьями, я была в этом уверена. Мне, может, и было не понятно, куда смотреть или за что держаться, но мое тело знало. Не оступившись ни разу, мне удалось пересесть на ветку и через секунду с естественной точностью найти ветку, за которую можно ухватиться, и выступ, куда поставить ноги, даже не думая об этом. В один момент, не

осознавая точно, сколько метров до земли, я ощутила порыв прыгнуть.

Поэтому так и сделала.

Приземлившись, почувствовала, как густая трава, точно острые лезвия, впилась в мои стопы. Оказавшись на земле, я присела. Когда выровнялась, ощутила легкий трепет — вроде мягкого гудения в тишине ночи, словно товарный поезд, проносившийся по колеям на всей скорости. Таннер, наверное, знал, куда ступать, даже не включая свет.

Затем я побежала.

Мчась через двор, хлюпая по воде, по траве и грязи, что летела мне на лодыжки от шагов, я

передвигалась так быстро, как позволяли мне мои короткие ноги.

Низкий железный забор вокруг имущества заканчивался около кустов, которые огибали задний дворик. Природная листва играла роль ограды. Я побежала напрямик к маленькой прорехе, что виднелась в кустах, и почти не замедлилась, когда нырнула в нее, маневрируя так, словно делала это тысячи раз прежде. Листья и шипы одновременно лизнули и укололи мои локти, потянули за волосы, пока я проходила, но я продолжала путь, пока не добралась до узкой тропки, ведущей к пляжу.

Тучи по очереди закрывали луну,

свет, отбивающийся от спокойной воды, мерцал так, словно кто-то играл выключателем. Я прошла вдоль береговой линии, прохладная вода омывала мои стопы, вязкий песок забивался между пальчиками с каждым шагом.

Когда набрела на переросшие мангровые заросли на пути, которые тянулись из «ограды» от заднего дворика до воды на несколько футов в длину, я ни секунды не думала о том, что собиралась сделать. Повернулась и вошла в темную воду. Ощущала лишь умеренную прохладу на стопах, пока шла, но по тому, как ноги дюйм за дюймом исчезали под поверхностью, я стала чувствовать

нестерпимый холод.

Вода достигла талии, и я содрогнулась.

Медленно ступая, я утопала в размягченной земле и посылала маленькие волночки ударяться о деревья. Что-то вынырнуло передо мной. Сначала я подумала, что это была змея, по тому, как она виляла на поверхности, оставляя после себя S-образный след. Только когда побрела вперед, чтобы избежать ее, то поняла: это была крупная ящерица. Она шипела, проплывая мимо, словно возмущенный водитель, показывающий средний палец.

Как только я рассмотрела край линии деревьев, то с хлюпающим

звучком направи́лась к берегу на другой стороне. Шорты тяжело свисали на бедрах, прилипая к коже.

Я оказалась в маленькой беседке со старым, побитым погодой замком. Сооружение переходило в еще более ветхий и разбитый пирс, ведущий к покосившемуся лодочному домику, который не использовали уже десятилетиями. Он даже не был нужен, поскольку лодка находилась на пляже, брошенная под таким углом, который сказал мне о том, что ее не двигали весьма долгое время. По мере моего приближения едкий запах плесени, смешанный с соленым воздухом, становился все сильнее. К моему большому

удивлению я сделала глубокий вдох, и, в отличие от тяжелого чувства паники, накатившего на меня в доме, меня омыло ужасающее спокойствие.

На лице появилась улыбка. Я знала это место. Любила его.

Не понятно, *как* и *почему*, но мне нужно было оказаться ближе к нему.

Я ступила на пирс, и он словно запротестовал моему присутствию, закрипев и зашипев, пока я шла дальше. Подобравшись ближе, поняла, что до лодки было около полутора метра. Заметила и подняла длинный кусок фанеры, от чего муравьи под ним разбежались в разные стороны. Быстро положила находку поперек разлома, сделав

МОСТИК.

Осторожно прошла по нему, перескочив на потрескавшуюся поверхность пирса, ведущего к лодочному домику, огромному, но по большей части пустому, за исключением трех поржавевших складных стульев перед французской стеклянной дверью под небольшим навесом. Ржавые банки из-под «Доктора Пеппер» (прим. перев.: безалкогольный газированный напиток) стояли в каждой из подставок на подлокотниках стульев. Розовый фонарик с «Моей маленькой пони» валялся на одном из них. Я подняла его и попыталась включить. Ничего. Хорошенько встряхнула и

ударила по одному концу ладонью. Весьма удивительно, но он ожил, засветив мне прямо в глаз и временно ослепив. Поморгала, выждав, пока зрение адаптируется. Включив фонарик, который поможет мне видеть, я отыскала ручку двери и попыталась открыть ее. Пришлось приложить немного силы, чтобы сдвинуть дверь, так как обломки и грязь заблокировали порог.

Как и пирс, домик был пуст, лишь несколько шкафчиков выстроились в ряд у дальней стены. Большая часть их дверок косо повисло на петлях. Полок не было. У другой стены стояли три выцветших спальных мешка: фиолетовый,

розовый и синий. Все три были покрыты плесенью и разошлись по швам.

Каждый сантиметр стены и потолка покрывали страницы журналов и вырезки. И когда я присмотрелась, то сквозь слой въевшейся грязи, со временем образовавшейся на глянце бумаги, смогла различить изображения разных подростковых звезд из бойз-бендов или телешоу.

Подростковые журналы. Стены и стены подростковых журналов.

Я снова закрыла глаза и вдохнула, надеясь поймать еще один намек, который пробудил бы во мне память. В этом месте я провела

много времени. Несомненно, один из тех спальных мешков принадлежал мне, и еще больше уверенности было в том, что я как минимум помогала клеить эти страницы на стену, потому что, пройдясь вокруг, поймала себя на том, что напеваю мотив одной из песен музыкальных подростковых групп. Именно эта группа, кажется, завоевала почти все место на одной из стен.

Я так потерялась в своей миссии вспомнить больше об этом месте, что не слышала приближающихся шагов.

Сильная мозолистая рука появилась сзади и накрыла мой рот, приглушив крики. Другая обвила

мою талию, притянув к очень жесткому, такому знакомому телу.

— Скучала по мне, малышка?

Глубокий голос вибрацией прошелся по моей шее. Легкий запах сигарет и мыла, смешанный с капелькой пота, атаковал легкие. Мое тело мгновенно расслабилось от знакомого прикосновения. Дыхание участилось. Он отпустил меня достаточно лишь для того, чтобы я повернулась к нему лицом.

Кинг.

Меня должна была охватить радость оттого, что я вижу его. Восторг. Ведь думала о нем, не переставая, с тех пор, как в последний раз видела несколько

дней назад.

Но мое счастье оказалось подавленным. Злостью. Уймой злости.

Я была нахрен в ярости.

И это чувство, кажется, было взаимным. Когда Кинг посмотрел на меня, я увидела блеск в его глазах, в которых искрилась ярость.

— Что ты делаешь здесь? Я думала...

— Нет, — перебил Кинг. — Я знаю, что ты собираешься начать свою х*рню с вопросами и ответами, и при обычных обстоятельствах считал бы это восхитительным, но прямо сейчас, прежде чем я потеряю свое гребаное терпение, ты сначала

ответишь на мои вопросы. — Его голос звучал напряженно, хрипло, словно он боролся за контроль.

Я снова попыталась заговорить, но Кинг накрыл мой рот рукой, проталкивая большой палец внутрь и затыкая меня своим импровизированным кляпом.

— Какого х*ра то мелкое дерьмо залезло к тебе в окно и вылезло оттуда несколько дней назад? — он вытащил палец из моего рта, и я пожалела, что не откусила его, когда у меня был шанс.

— Как ты узнал? Следил за мной?

Кинг провел влажным пальцем по моим губам, и я потянулась к его

прикосновению.

— Не я. Но есть люди, которые делают это для меня, — брови Кинга взметнулись вверх, его хватка на мне усилилась. — Отвечай мне, щенячьи глазки, — потребовал он, впившись пальцами в мои бедра.

Этот мужчина не был тем, кого можно игнорировать.

Кинг приоткрыл рот, скользнув языком по краю нижней губы. Я пыталась не пялиться и сфокусироваться на злости, снедавшей меня в последние дни, но реакцию моего тела нельзя было сдержать. Удивительно, что такой маленький жест, как увлажнение губ его талантливym языком, уже сделал

мои соски твердыми и готовыми к вниманию, к его прикосновению.

Кинг зарычал у моей шеи:

— Если он хотя бы пальцем к тебе прикоснется, бл*дь, я оторву его больную голову от тела голыми руками. — Не было ничего в поведении Кинга, что сказало бы, что он преувеличивал или шутил. Как только он это произнес, я знала, что именно это он и имел в виду.

Я собиралась ответить ему. Избавить его от мысли, что Таннер, может, и прикасался ко мне, но в тот момент меня охватила другая эмоция.

Ярость.

Почему я должна была

развеивать его опасения, чтобы он смог спать спокойно, когда это меня обманули? Это меня он выдворил. Если Кинг думал, что я могла просто притвориться, что этого никогда не было, тогда его ждало еще одно.

Я опустила руки на его грудь и толкнула, что было силы, увеличив расстояние между нами всего лишь на сантиметры.

— Ты! Как ты смеешь? У тебя нет никакого долбаного права злиться на меня сейчас!

— Малышка, — начал Кинг, его строгий взгляд остался непоколебимым, толстая вена вздулась на шее под красочной татуировкой имени Макс.

Я покачала головой и попыталась сделать еще один шаг назад, но Кинг подступил вместе со мной.

— Нет! Не малышкой мне! Ты знал, кем я была, и не сказал! Вешал мне на уши всю ту х*рню о том, что я «твоя», а сам выбросил при первом возможном шансе! — я вскинула руки в воздух.

— Не думаю, что у меня был другой выбор, — ответил Кинг. Он попытался прижаться своим лбом к моему — жест, который обычно успокаивал меня и делал податливой, но я не была готова оставаться такой сейчас, поэтому дернула головой назад, избегая контакта.

— Нет! У тебя был другой выбор. Ты мог, бл*дь, сказать мне! Мог позволить принять решение *вместе с тобой!* — В этот раз, толкнув его в грудь, я увеличила расстояние между нами достаточно, чтобы вырваться из его хватки. Вышла из лодочного домика и пошла обратно на пирс, дерзко шагая туда, откуда пришла. Влажный ночной воздух тяжело повис вокруг меня, словно постиранное белье на веревке. Я вернулась в воду не так осторожно, как в первый раз. Над головой разразился гром. Молнии осветили небо, словно фейерверки, взорвавшись вокруг меня. Убегая по воде и не соблюдая былую

осторожность, я спотыкалась на каждом шагу, по щиколотку утопая в илистом дне.

Позади раздался громкий всплеск.

— Ты пришел сюда извиниться? Потому что слишком, бл*дь, поздно! Надо было думать об этом до того, как врать мне! — прокричала я через плечо. Прежде, чем мне хотя бы удалось обогнуть деревья, Кинг грубо схватил меня за запястье и развернул. Брызги воды полетели вокруг, когда мои волосы коснулись поверхности.

— Посмотри на меня, — прорычал Кинг, поднимая мой подбородок вверх.

— Не могу, — ответила я, крепко

зажмури́в глаза.

— Посмотри на меня, щенячьи глазки, — снова потребовал он. — Я не отпущу тебя, пока ты этого не сделаешь.

— Это нечестно! — Из меня вырвался крик, пока я боролась с его хваткой. — Я не могу смотреть на тебя! Я просто хочу, чтобы ты нах*р отпустил меня! — Когда наконец вырвала свою руку из его хватки, то подняла ее в воздухе. Моя ладонь вот-вот должна была столкнуться с лицом Кинга, когда он поймал ее посередине полета.

— Ох, щенячьи глазки, — сказал он, его глубокий голос расшевелил во мне что-то зловещее. Кинг

наклонялся вниз до тех пор, пока его лицо не оказалось прямо перед моим. Я почувствовала его прохладный выдох на шее, когда он сказал: — За это ты заплатишь.

Посмотрела на него сквозь ресницы как раз тогда, когда он поднял меня за талию и подбросил в воздух. Я приземлилась с всплеском на задницу и погрузилась под воду. У меня даже шанса не появилось вынырнуть на поверхность, когда Кинг сильными руками подхватил меня и вытащил.

Я захлебывалась, выплевывала воду и вытирала глаза. Соленая вода обжигала ноздри.

— Какого х*ра?! — завизжала я.

Кинг убрал мои влажные волосы со лба и снова приподнял подбородок.

— А теперь смотри на меня, иначе вернешься обратно.

— Пошел. Нах*р, — выплюнула я. Кинг собирался снова бросить меня, но в этот раз я боролась с ним так рьяно, что он не смог поднять меня, и вместо этого крепко прижал к себе и нырнул под воду, утаскивая меня за собой.

Когда он снова вынырнул, вода доходила ему до плеч, и продолжая удерживать меня в руках, сильнее впился пальцами в мои бедра.

— Вся эта х*рня была гораздо легче, когда ты меня боялась.

*Я больше не боюсь тебя. Меня
устрашает лишь жизнь без тебя.*

Ведь он ушел, выбросив все на
ветер.

И дело было не просто в злости
на Кинга.

Мне было больно.

Я решила открыть глаза и
покончить с этим. Сказала себе, что
не почувствую ничего. Что посмотрю
на него и все равно буду в силах уйти.

Ложь остается ложью, даже если
вы сами убеждаете себя в ней.

Медленно и недовольно я
открыла глаза, и, когда встретила с
его взглядом, воздух застрял в легких.

Я говорила себе, что виной
всему жар от молний, сверкающих в

небе и заряжающих воздух вокруг нас. Говорила, что причина всему лишь то, что мы стояли в широкой дорожке лунного света, от чего мне хотелось потянуться и коснуться мягкого свечения на его покрытой цветными татуировками коже.

Потому что практически не было шанса, что я увижу пламя, танцующее во взгляде Кинга, который пронзал мою долбаную душу. Увижу, как твердые линии его мышц поднимались и опадали от быстрых вдохов, натягивая ткань майки на груди.

Воздух. Ему не хватало воздуха.

Казалось, мы стояли так вечность, бросая друг другу вызов

сделать шаг первым, застыв в этом моменте. Чувство к нему было не одно.

Их были мириады.

Злость, смятение, любовь... похоть, и все это кружилось вокруг нас в воде, пока мы пляли друг на друга.

Небо посветлело. Раскат грома прозвучал так близко и гулко, что я почувствовала, как задрожало в груди. Поверхность воды пошла рябью, и начался дождь, холодный, беспощадный. Каждая капля, ударившись о поверхность, брызгала на нас морской водой, но этого все равно было недостаточно для того, чтобы прервать наш взгляд,

воплощающий нечто большее, чем две пары глаз, что смотрели друг на друга. Это был вызов. Предупреждение.

Сражение за власть.

— Ты мог сказать мне... — я снова начала спорить, полностью готовая продолжить борьбу. Мне было это необходимо. Прошло много времени с тех пор, а именно с ночи карнавала, когда мы в последний раз давали выход эмоциям, и я жаждала такого «перетягивания каната» между нами.

В ту ночь я отдала ему свое сердце.

— Нет, — рявкнул Кинг. — Я не мог сказать тебе. — Он повисил

голос, притянув меня ближе к себе, и я смогла ощутить, что влияю на него так же, как он влияет на меня. Бедром я почувствовала его твердый, толстый и готовый член. И как у глупой девчонки, которой я и являюсь, мои колени задрожали и подогнулись.

— Почему? — выплюнула я. Было тяжело сконцентрироваться на наших словах, зная, что происходит под водой. Дождь лил так сильно, что приглушал наши голоса, словно мы говорили под водой. — Почему не мог?

— Потому что не мог рискнуть этим! Если бы ты знала правду, ты бы... Я просто не мог рискнуть, —

сказал Кинг.

— Чем рискнуть? Чем ты не мог рискнуть? — надавила я.

— Потерять тебя! — взорвался Кинг. — Не мог рискнуть и потерять тебя! — Он обвил мою талию одной рукой и прижался эрекцией к мягкому месту между моих ног, которое реагировало на каждое его слово, на каждое прикосновение. К той части, которая жаждало его так же сильно, как и мое сердце.

Он взял меня под ягодицы и приподнял, обвивая моими ногами свою талию.

— Был только один момент, когда я собирался сказать тебе правду. Я задолжал тебе ее. Но затем

случилось все то дерьмо с Айзеком и Преппи, поэтому, когда я поехал заключать сделку с твоим отцом насчет Макс, я думал, что делаю тебе одолжение, возвращая тебе жизнь и освобождая от всей той хрени, что творится вокруг меня.

Я сжала бедра на его талии, скользнув по его твердости и застонав.

— Но ты не вернул мне жизнь, — поправила я Кинга. Прижала свои ладони к его лицу и, держа его в руках, искала в глазах Кинга любой признак того, что мои чувства к нему были ошибкой, но нашла кричащую потребность исправить то, что оказалось сломленным между нами.

На глазах появились слезы. — Ты отнял ее.

Кинга приоткрыл рот. Скользнул большим пальцем по моей нижней губе, поворачивая голову и прокладывая дорожку поцелуев по моей руке.

— Мурашки, — заметил Кинг, пробегая пальцами по уже поморщившейся коже. Я прикусила губу и подавила стон.

— Это просто жар, — соврала.

— Ты чертовски права, — прорычал Кинг, заламывая мое запястье у меня за спиной. Его рот обрушился на мой. Мы превратились в звуки сталкивающихся губ, стук зубов друг о друга, всплеск воды от

каждого движения, пока пытались удержаться. Это не было красиво.

За нас говорила потребность.

— Я все еще, бл*дь, зла на тебя за то, что ты оставил меня, — сказала я в его рот, пока языками мы совершали то, что жаждали сделать другие части моего тела.

Кинг замер и отодвинул мое лицо от своего, грудь каждого из нас поднималась в унисон, мои возбужденные соски упирались в его горячее, твердое тело, пока мы дышали вместе. Наше дыхание смешивалось с воздухом. Кинг провел рукой по одной стороне моего лица и прижался к нему ладонью.

— Я не оставлял тебя, щенячьи

глазки. А освободил тебя.

Шок отнял возможность двигаться.

— Освободил меня? — Спрятать боль в голосе не получилось. По какой-то причине «освободил меня» звучало хуже, чем «оставил».

Кинг провел языком по мочке моего уха, крепко прижимая к своему теплу. Холод спускался по моему позвоночнику, проникая в каждую пору, и не имел ничего общего с температурой дождя.

— Я *пытался* освободить тебя, щенячьи глазки. Ради Макс. Но после с моим планом возникла большая проблема, и не важно, что случилось, это никогда бы не сработало, —

признался Кинг.

— Почему это? — спросила я. Мне нужно было узнать, но в то же время нуждающаяся пульсация между ног становилась сильнее. До облегчения и освобождения оставалось лишь пара кусочков ткани между нами.

— Проблема была в том... что ты никогда не оставляла меня, — прорычал Кинг, впиваясь губами в мои. Он простонал в мой рот, когда я потерлась о него напротив его напряженной эрекции. Отодвинул ткань моих шорт в сторону, и в момент, когда его указательный палец оказался во мне, я содрогнулась. Кинг проник в меня, и

на секунду мои глаза закатились назад, пока он не вытащил его. Я вскрикнула от разочарования, ерзая напротив него, нуждаясь, чтобы он заставил меня чувствовать что угодно, только не пустоту.

Кинг спустил меня со своей талии и сдернул шорты вниз по моей заднице. Я выступила из них, и он бросил их на берег. По-прежнему удерживая меня одной рукой, он расстегнул ремень и джинсы. Затем отодвинул мое белье в сторону.

— Обними меня ногами снова.
— Я сделала так, как он сказал. Мой клитор пульсировал напротив его твердого ствола. Кинг поднял меня достаточно, чтобы поместить на

уровне со своим членом. — Это будет быстро и грязно, детка, но мне нужно почувствовать тебя. — Он насадил меня на себя, заполнив одним движением. Когда встретился с сопротивлением, которое оказывала ему моя узкая щелка, Кинг толкнулся сильнее, словно умирал с голоду по мне. Чем глубже он погружался, тем громче стонал.

— Бл*дь! — произнесла я громким шепотом. Мне нужно было, чтобы он начал двигаться, но ощущение наполненности им поглощало с головой.

— Да, малышка. Таков был е*анный план. — Кинг толкнулся глубже в меня одним сильным,

жестким толчком, отчего мои бедра задрожали.

— Черт тебя подери, бл*дь. Ты такая до ох*рения узкая, — выругался Кинг. — Я люблю эту чертову киску. Мою чертову киску.

Я держалась за его затылок, пока он трахал меня с такой яростью, которая говорила, что именно он имел в виду, когда сказал, что ему нужно почувствовать меня. И это напоминало мою потребность в нем.

— Да. Да, твоя. — Я рьяно закивала, когда он нашел сладкий ритм, лаская меня изнутри, создавая водоворот воды вокруг нас. Давление внизу живота усилилось. Каждый его толчок я встречала новым сжатием

плоти, что оставляло меня почти без воздуха. Его движения становились продолжительнее, сильнее, резче.

— Как чертовски обалденно чувствовать тебя на моем члене, — выдохнул Кинг. Я была готова наконец признать свое полное отсутствие контроля над этой, большей чем сама жизнь, связью, что мы разделяли. Это не была капитуляцией. Это было сражение без шансов для меня выиграть.

Сражение, в котором я даже не хотела принимать участие.

— Это. Ты. Это все, — простонал Кинг. Удерживая мои бедра руками, он сжал меня сильнее, вколачиваясь снова и снова, с

каждым толчком заполняя меня до основания, пока мои мышцы сжимались вокруг него, и когда он вышел из меня, я обхватила его руками, нуждаясь в большем. Сидела на нем, прижавшись лицом к его щеке со щетиной, пока красивейший мужчина, которого я любила, вбивался в меня без пощады.

Без прощения.

Я чувствовала его расстройство, и ненависть, и ослепляющую похоть, захватывающую с головой, я забирала все до капли из того, что он мог мне предложить.

Не дав ни единого намека, я взорвалась вокруг него, дрожа и пульсируя, снова и снова. В момент,

когда казалось, что умру, оргазм снова охватил мое тело. Член Кинга дернулся во мне. Мужчина разомкнул губы и не оторвал свой взгляд от моих глаз, пока вбивался в меня еще раз, толкаясь так глубоко, как мог, удерживая меня на себе, пока его мышцы напряглись, и жилы на шее натянулись, когда он последовал за мной за край.

Мы не разомкнули рук, пока дождь бил по нашим телам. Мягкое пульсирование его члена внутри меня пробуждало желание начать все сначала. Я медленно насаживалась на него бедрами, согреваясь в ощущении его в моем возбужденном, хоть и изнывающем от сладостной

боли, теле.

— Полегче, щенячьи глазки, — подразнил Кинг, прижавшись своим лбом к моему. И в этот раз я позволила ему. Ожидаемое спокойствие омыло меня, хоть мы оба продолжали тяжело дышать. — Бл*дь, разве ты не видишь, что делаешь со мной?

— Я это чувствую.

— Так, бл*дь, даже лучше, — сказал он, приподнимая меня к своей груди.

Кинг осторожно понес меня по воде, не позволяя покинуть его никоим образом.

— Злость на тебя никуда не делась, — удалось сказать мне. — Я

больше не прикована к кровати, но ты солгал мне, когда удерживал меня пленницей, лишив любого выбора.

Взгляд Кинга стал суровей.

— Да. Но спроси, чувствовал ли я себя плохо от этого. От того, что солгал тебе. От того, что удерживал тебя. Я бы много переделал, малышка, но не это. Если бы у меня был миллион других вариантов, я бы все равно оставил тебя себе. И если ты еще раз попытаешься сбежать, я выслежу тебя и прикую наручниками к кровати. — Кинг удерживал мой затылок, пока говорил, не давая мне повернуть голову, словно заставлял меня убедиться — в этот раз мне от него увернуться. — И когда я наконец

сдался перед тем, что между нами происходило, что бы это ни было, ты впустила меня в свой мир в тот первый раз, и я трахнул тебя у стены своего дома... Уверен, ты даже не подумаешь о том, что я решился бы изменить хоть одну долбаную секунду.

Мое дыхание ускорилося. Я вспомнила ту ночь карнавала, пока мы ссорились вплоть до момента, когда Кинг оказался во мне, и даже тогда наш секс напоминал сражение.

Сладостную битву.

— Единственное, о чем жалею, — это как все закончилось после твоего отъезда. То дерьмо с сенатором — все из-за меня. После

тюрьмы, после смерти Преппи я оказался в заднице. Думал, что только так мог вернуть мою родную кровь. Единственную, что у меня осталась, — Кинг провел рукой по моей щеке и наклонился ближе. — Это была ошибка, потому что это чувство между нами? Его просто так не отпустишь, — он коснулся губами моих, и я подалась вперед, желая ощутить больше контакта, но Кинг удержал меня на месте за плечи.

— Что? — спросила я.

Между его бровями залегли строгие линии.

— Я рассказал тебе то, что тебе нужно было услышать. То, в чем мне давно стоило тебе высказать. Теперь

твоя очередь сказать то, что мне нужно знать, — тон Кинга становился суровей. — У тебя десять секунд, чтобы разъяснить мне, какого х*я тот малолетний говнюк делал в твоей комнате. Если не хочешь, отвечать не обязана.

— Не обязана? — спросила я, внезапно почувствовав смятение.

Кинг покачал головой.

— Нет, не обязана. Просто знай, что, если выберешь второй вариант, я все равно убью того долбаного ублюдка, — прошипел Кинг.

— Так сильно ревнуешь? — я повела бровью, посмотрев на него. Бросила ему вызов, потому что этот отморозок передо мной заслуживал

каждую секунду агонии после того, через что заставил меня пройти.

— Очень, — признал он, чем весьма сильно меня удивил. — Так что не дави на меня, маленькая. — Кинг сжал руки на моих плечах, напомнив, что он не был из тех, кто любил игры.

— Он хотел поговорить, — объяснила я, — а затем...

— А затем... что? — процедил он сквозь зубы.

Я прикусила губу.

— Спросил, люблю ли я его, и пришлось ответить правду. Он обыграл все так, словно я порвала с ним.

— Он не пытался прикоснуться

к тебе? — снова спросил Кинг, облегчение сочилось из его голоса.

— Неееет! — протянула я так, чтобы вбить это в его толстую черепушку.

Кинг выглядел почти разочарованным.

— В итоге, малец все-таки будет жить, — ответил он. — До поры, до времени.

— Ты еще не рассказал мне, как оказался здесь и сейчас, — заметила я. — Как ты выбрался так быстро? Внес залог или что? Я без понятия, как там на самом деле все работает.

Кинг вздохнул.

— Всегда с долбаными вопросами, щенячьи глазки, — он

заправил мои мокрые волосы за уши плавным интимным движением. — Я скучал по твоим раздражающим вопросам.

— Были шансы, что мы больше не увидимся, — сказала я, спрятав лицо у него на шее и пожелав, чтобы предательские слезы испарились с моих щек.

— Забудь об этом. Даже если бы сенатор не обвел меня вокруг пальца, я бы всегда нашел дорогу обратно к тебе, детка. Всегда. — Кинг провел кончиками пальцев по моим векам.

— Чего ты мне не договариваешь? — спросила я, почувствовав его колебание.

— Детектив, арестовавший

меня, был не тем, за кого себя выдавал, и вез меня не в тюрьму. Он был наемником.

— Не понимаю...

— Его наняли убить меня.

— Святое дерьмо, — слетело с моего языка. Я почувствовала себя глупо за то, что вырывалась от него прежде, когда он был так близок к тому, чтобы лишиться жизни.

— Слава богу, я понял это до того, как стало слишком поздно. — Дождь прекратился в одно мгновение, словно кто-то перекрыл кран. Сразу после начал спускаться туман, окутывая нас дымкой в воде, заключая в белое влажное облако.

— Что ты сделал? Как ты

остался жив, если его наняли убить тебя? — Я крепко уцепилась за Кинга, благодарная за то, что он стоял сейчас передо мной. От этого вопроса в желудке осело плохое предчувствие.

Кинг пожал плечами.

— В моем мире или убей, или будешь убит, малышка, — его губы растянулись в одну линию. — Поэтому я убил.

Меня должно было беспокоить, что Кинг с легкостью признался в убийстве, но не беспокоило.

Я была рада.

Затем до меня дошло.

— Бл*дь, это был сенатор, не так ли? Он нанял парня убить тебя!

— Так я подумал сначала. Что, скорее всего, твой отец понял, что, отправив меня в тюрьму, не сможет удержать меня от тебя, — сказал Кинг. — Но оказалось, что у нас есть проблема посерьезней. Есть парень по имени Эли. Он был главным поставщиком Айзека и не очень хорошо принял новость о том, что его золотая жила сдулась. Все случившееся и то, что Айзек превратился в корм для червей, указывает напрямик на меня и Медведя.

Мои глаза округлились.

— И он придет за тобой, — прошептала я, мое сердце в груди стучало так, словно вторило ритму

отбойного молотка.

Кинг кивнул.

— Да. Информатор Медведя, Рейдж, в паре слов рассказала об этом. Когда она говорит, что кто-то открыл на тебя охоту, ты затыкаешься и слушаешь. — Кинг, кажется, обдумывал то, что собирался сказать следующим: — Этот парень Эли. Он другой. Хуже, чем Айзек, если сможешь в это поверить.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Что ты собираешься делать?

Кинг поцеловал меня в висок.

— То же самое, что сделал с детективом-фальшивкой.

Расправляюсь с этим парнем раньше,

чем он доберется до нас.

— Какого хрена ты вообще сюда явился, если твоя жизнь до сих пор в опасности?

— Пришел сказать тебе об этом лично, — ответил Кинг.

— Но это слишком рискованно. Тебе не нужно было приходить! — я ударила его в грудь кулаками.

Кинг зарычал.

— Кажется, ты еще не въехала в это дерьмо, щенячьи глазки, так что разъясню четко, раз и навсегда. Ты — *моя*. Если бы я мог сделать по-своему, то уже забросил бы тебя к себе на плечо, отнес к байку и был бы на полпути домой, но сейчас это рискованно. И как бы сильно это не

убивало меня, самое безопасное место для тебя сейчас здесь, — Кинг выглядел так, словно сам не мог поверить сказанное. — Я не позволю перекрестному огню коснуться тебя. Не снова. — Он всмотрелся вдаль, собираясь с мыслями, успокаиваясь. Закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— В случившемся не было твоей вины, — начала я. Теперь настала моя очередь заставить его смотреть на меня. — Мне не за что винить тебя. Может, у меня и дерьмовая память, раз я ни черта не помню, но я не ребенок. Позаботиться о себе могу сама. Как и ответить за свои действия. Я знаю, что быть с тобой означает пойти на некоторый риск,

— я прижалась к его челюсти мягкими губами.

Кинг оставил такой же на внутренней части моего запястья.

— Слушай, по поводу того, что случилось с Айзеком. Знаю, что мы так и не поговорили об этом после того, что произошло с Преппи, но ты должна знать, что я никогда не позволю ничему подобному когда-либо случиться...

— Хватит, — подняла ладонь, чтобы остановить его. — Я отказываюсь быть жертвой, так что не хрен относиться ко мне, как к таковой. Я выбралась живой только благодаря тебе. Вот как я вижу это и хочу, чтобы ты тоже увидел. Мне не

нужно, чтобы меня жалели, Брэнтли Кинг, так что не смей этого делать и обращаться со мной так, словно я жертва, потому что я как пить дать не чувствую себя ею.

— Откуда взялась эта удивительно сильная девочка? — спросил Кинг, глядя мне в глаза, словно искал там ответ.

— Досталась тебе на вечеринке. Она пыталась продать себя, как шлюха, и с треском провалилась.

— Рэй? — позвал голос сзади.

— Дерьмо, это Надин. — Когда Кинг бросил на меня сбитый с толку взгляд, я объяснила: — Экономка.

— Бл*дь! — он пробрался ближе к манграм, чтобы нас не увидели. —

За тобой приглядывают для меня. Ты будешь в безопасности, обещаю.

— Ага, ты говорил уже. Кто?

Кинг покачал головой.

— Не важно, просто знай, что есть некто. — Он прижался губами к моим и мягко всосал нижнюю, а затем отстранился. — Я вернусь так скоро, как смогу, но не знаю, сколько понадобится времени. Что бы ты ни делала, не пытайся со мной связаться. Эли выискивает подобные зацепки. Кормится информацией, которую получает от приближенных к его цели людей, поэтому после легче вывести их из игры. Я не могу допустить, чтобы он пришел за тобой. И не позволю, чтобы тебе

снова причинили боль, — Кинг поцеловал меня в лоб. — Не смогу.

— Рэй, ты там? — снова позвала Надин, теперь ее голос звучал громче. Она приближалась.

— Дерьмо! — зашипел Кинг. — Есть еще одно, что тебе стоит знать, — его губы нависли над моими. — Ты должна понять, что мне насрать, вернется ли твоя память, пока меня не будет. Это не поменяет ни черта для нас. Но с этого момента ты должна помнить одну-единственную вещь.

— Какую?

— Вот эту.

Кинг схватил меня за шею и притянул к себе, обрушив свои губы

на мои в поцелуе, от которого мое тело задрожало одновременно от желания и страха.

От страсти, пропитанной яростью.

От обладания.

И Кинг был прав. Нет ни единого шанса, что я забуду его. Он неохотно отстранился, сделав паузу, чтобы посмотреть мне в глаза, и мы оба затаили дыхание. Я прикоснулась к нижней губе, опухшей от такого поцелуя.

— Так много всего, что я должна рассказать тебе. Настолько много, что я не могу упорядочить все в голове, — сказала я ему.

Например, что у меня есть сын.

— Мы разберемся со всем дерьмом. Обещаю. Не важно, что это будет.

— Но что, если мое положение здесь намного запутанней? Что, если я не смогу в один миг сорваться с места и уехать? — Мне хотелось рассказать ему о Сэмми, но времени не хватало. Мне самой было недостаточно времени, чтобы переварить тот факт, что я была матерью.

Кинг пробежал большим пальцем по моей шее.

— Тебе бы уже стоило понять, что я не тот мужчина, который принимает «нет» за ответ, щенячьи глазки. Это не переговоры. Когда все

дерьмо утрясется, я забираю тебя домой. Со мной. Если хочешь сопротивляться этому, сопротивляйся мне? Вперед, валяй, потому что у меня просыпается стояк каждый раз, когда я думаю о тебе, прикованной наручниками к моей кровати. — Его слова вибрацией прошли по моему горлу, когда он произнес их прямо над чувствительным местечком под моим ухом.

— Ты в том забытом богом лодочном домике, дитя?! — выкрикнула Надин с пирса. Я увидела ее между ветками деревьев. Она стояла на пирсе с моими шортами в руках. — Это сооружение

в десяти секундах от того, чтобы сгнить в воде. Там опасно.

— Иди, — прошептал Кинг. — Я люблю тебя. — Он набрал полные легкие воздуха и скрылся под водой, едва ли создав волны на поверхности. Удары моего сердца остались единственным настоящим напоминанием о том, что он на самом деле был здесь. Я вышла из-за деревьев, и Надин резко повернулась ко мне.

Женщина уперлась рукой в бедро.

— Девочка, я искала тебе везде! Какого черта ты там делаешь? Я пришла проверить тебя, а ты исчезла. И напугала меня до чертиков!

— Прости. Не могла заснуть и решила поплавать, — солгала ей.

— Во время шторма? — недоверчиво спросила Надин.

— Когда я пришла сюда, шторма не было.

Полагаю, приняв мой ответ, экономка передала мне шорты. Я втиснулась в них и вышла на пляж.

Надин сопровождала меня назад до дома, словно я была пожилой заблудившейся дамочкой.

— До сих пор не чувствуешь себя как дома?

Я покачала головой.

Надин похлопала меня по руке.

— Знаешь, те воды — очень темные по ночам, и в них скрывается

то, чего люди в здравом рассудке
предпочли бы избегать.

Я попыталась сдержать улыбку.

Если бы ты только знала...

Глава 6

Доу

Я уже собиралась отправиться обратно в постель, когда свет от телефона, стоявшего на зарядке, осветил потолок комнаты. Выдернув его из розетки, я подтянулась выше к подушке и устроилась поверх одеяла. На экране высветилось оповещение о том, что телефон полностью заряжен.

Провела пальцем по экрану, но на дисплее высветилось сообщение о необходимости ввода пароля. Я осмотрелась, и первое, что попало в

поле моего зрения, это рисунок Сэмми, висевший на пробковой доске.

«С-Э-М-М-И», — напечатала я.

Экран разблокировался. Обоями рабочего стола была фотография, на которой изображён Сэмми, сидевший на высоком стуле и улыбавшийся от уха до уха, на его лице была голубая глазурь для торта. Я улыбнулась, увидев куски раздавленного торта между его пальцев. В центре уничтоженного им лакомства стояла свеча.

— Рэй явно нужно пройти курс на тему «Как выбрать лучший пароль», — пробурчала я.

Затем нажала на иконку с

изображением камеры и начала листать фото. На большинстве из них были Таннер и Сэмми. Нашлось одно селфи нас троих в парке, хотя это была, скорее всего, серийная съёмка, потому что мы были почти в одинаковых позах на одном и том же фоне. И все улыбались.

Мы выглядели счастливыми.

Не знаю, как этим фотографиям удалось заставить меня чувствовать что-то, кроме смущения. Я собиралась выключить телефон и наконец-то отдохнуть, но кое-что на заднем фоне на одной из фотографий бросилось в глаза.

Не что-то.

Кто-то.

В парке, недалеко от места съёмки нашего группового селфи, на лавочке сидела девушка моего возраста с ярко-рыжими волосами. Я несколько раз моргнула, решив, что мне это показалось. Но у меня не получилось отделаться от ощущения, что эта девушка мне знакома. У неё под глазами были тёмные круги. Одежда была порванной и мятой. Снова пролистав фотографии, я увидела её на каждой из них, она смотрела прямо на нас, когда мы фотографировались. На последней фотографии было видно её грустную улыбку, не затронувшую глаз.

Я сделала глубокий вдох.

Нет, это не может быть она.

В этом не было смысла.

Я помчалась через комнату и пересмотрела все фотографии в рамках, сбивая некоторые из них на пол, но, наконец, нашла то, что искала.

Нашла *её*.

Фотография в моей руке была сделана в одной из тех старых кабинок для фото, где люди позируют, словно они на Диком Западе. Мы с Таннером оба на этом фото, одетые в ковбойском стиле. Высокие шляпы и сапоги, с повязанными на шеях банданами, и *она* между нами. Упёрлась стопой в направленное вверх дуло пушки. Платье на плечах приспущено,

боковой разрез открывает бедро. Девушка выглядела иначе, чем на фото из парка, но все сомнения в том, что это была она, пропали после сравнения с найденной фотографией, на которой она направляла дуло пистолета прямо в камеру.

Я уже видела, как она делала это.

Только пистолет был направлен на меня.

Святое. Дерьмо.

И затем кое-что случилось. Словно вилку вставили в рабочую розетку. Сначала это были мелькающие вспышки. Но затем они превратились в набирающий скорость поток, затопивший моё

сознание образами, из которых не было возможности выбраться. Волна за волной они наводняли мой разум.

Оно было первым.

Но не последним.

Воспоминание.

— *Ещё один раз, Рэй. Обещаю. Я не попрошу снова, мне больше некуда пойти.*

Уже в третий раз за месяц лучшая подруга постучалась в окно моей спальни посередине ночи и попросила впустить её. Пусть это разобьёт моё сердце, но в этот раз я решила сказать ей «нет».

— *Не могу, не в этот раз... и больше никогда. Что случится, если папа тебя поймает? Он сказал, что*

позвонит копам. Помимо всего прочего ты не можешь взбираться по дереву и стучаться ко мне в спальню ночью. Вдруг здесь бы был Сэмми?

— Сэмми здесь?! — громко выкрикивает она и вглядывается в темноту моей комнаты. Сэмми у Таннера, но, как и всегда, из всего сказанного ею было услышано совсем не то, что надо. — Сэмми любит свою тётушку! Эй, Сэмми! Это я! Твоя тётя здесь!

— ШШШШШШШШШ! Нет, он не здесь, но ты разбудишь весь дом! — нет никакого желания отчитывать её как младенца. Хочется поговорить с ней, как раньше. Начать

нормальный разговор, словно она всё та же девушка, с которой я подружилась, когда мне было четыре года. Девушка, с которой мы вместе ходили в подготовительную группу, из-за которой я получила своё первое замечание в классе, потому что мы слишком много болтали. Но лучшей подруги и той девушки, с которой я была знакома всю свою жизнь, больше не существует, а на её месте человек, который мне незнаком.

Её ярко-рыжие волосы теперь странного красновато-фиолетового оттенка. А ярко-зелёные глаза теперь стали стеклянными и смотрят в никуда. Грациозная и

благородная ученица балетного класса стала дёрганной, как будто выпила несколько чашек кофе. Её ногти выглядят так, словно их долго грызли.

— Теперь ты не хочешь, чтобы я приближалась к твоему сыну? — раскачиваясь, она пытается скрестить руки на груди. Только то, что она схватилась за ветку дерева, удержало её от падения на землю. Часть меня хочет впустить её, чтобы она не упала и не сломала себе шею.

— Нет. Не хочу. — Обычно я не озвучивала правду, а говорила что-то типа «Конечно, хочу, чтобы ты была с ним, но...», а дальше что-то

выдумывала. Я танцевала вокруг правды и пела ложь слишком долго, наблюдая, как моя лучшая подруга отдаляется от меня всё дальше и утонает всё глубже в наркотиках и сексе.

Это началось как обычное подростковое бунтарство и было направлено против её строгих родителей. На протяжении нашего первого класса в старшей школе она ускользала поздно ночью и шла на вечеринки к старшеклассникам. Напивалась. Принимала наркотики. Зависала с парнями из нашей школы.

Мне не хочется исключать её из своей жизни, но приходится напоминать себе, что эта девушка

уже не та подруга, которую я всегда знала и кто была моей семьёй даже больше, чем алкоголичка мать или тиран отец. Но ничего из предпринятого мной не работало. Она уже три раза была в реабилитационном центре. В последний раз у неё даже не получилось пройти весь курс лечения, потому что в день своего восемнадцатилетия она ушла из клиники.

После того поступка родители перестали с ней общаться, и она начала надолго куда-то пропадать. Я ничего не знала о ней на протяжении нескольких недель. Затем месяцев. Иногда мне казалось,

что её уже нет, но она появлялась из ниоткуда, выглядя с каждым разом всё более измождённой. С каждым разом её одежда была более потрёпанной. Волосы более тонкими. Кожа была покрыта ссадинами и царапинами. Под ногтями всегда была грязь. И она признавалась, что жила на улицах. Но когда получала от меня небольшое количество денег, то снова исчезала, чтобы появиться в ещё худшем виде, чем прежде.

— Ладно, не впускай меня, — отвечает она, — но я умираю с голоду. Можешь дать мне немного денег? Совсем чуть-чуть, чтобы мне хватило на неделю или около

того. Может, сотню долларов? На еду.

— Если ты голодна, то я могу достать тебе какую-нибудь еду и принести, но денег не дам. — Я вот-вот сломаюсь, но продолжаю стоять на своём.

— Но... — её нижняя губа начинает дрожать. — Скинни убьёт меня, если я не принесу ему деньги. Мне нужно отдать ему сегодня пятьдесят баксов, но у меня их нет. Я потратила их на такси, чтобы приехать сюда... чтобы увидеть тебя. — Что-то новое. Чувство вины. И это работает, потому что я готова отдать ей последние деньги, которые бабушка подарила

мне на день рождения.

— Кто такой Скинни и почему ты должна ему пятьдесят баксов? Он твой дилер или что-то в этом роде?

— Нет, — она качает головой и фокусируется на мне. — Он мой сутенёр, — шепчет она.

— Господи Боже! Какого чёрта? Во что ты себя втянула? — кричу я. Делаю паузу и выжидаю, прислушиваясь к звукам в доме, но когда убеждаюсь, что никого не разбудила, понижаю голос до злого шёпота. — Какого хрена у тебя есть сутенёр?

— Я не знаю, — произносит она хриплым голосом. — Не знаю, где

ошиблась, Рэй. Не помню, когда его встретила. И не представляю, как согласилась делать то, что делаю. Но мне приходится этим заниматься, хотя это отвратительно и ненавистно мне, и он действительно убьёт меня, если не получит сегодня деньги. — Она резко поднимает голову вверх. — И это осуждение от тебя очень забавно, Рэй, мисс Подростковая мамаша Америки, — шипит она.

«Оставайся сильной, Рэй. Вспомни, что она мастер манипулирования. Ей нужна помощь, а не деньги. Её комплименты, как и упрёки, направлены на то, чтобы сыграть на эмоциях», убеждаю я

себя, вспоминая статьи, найденные мной в интернете за последние несколько месяцев.

— Сегодня я говорила с твоими родителями. Они сказали, если ты согласишься пройти полугодовую программу лечения в реабилитационном центре, то после сможешь вернуться домой. Почему бы тебе просто не сделать это? — спрашиваю я, надеясь на её согласие. Но чувствую, что в этот раз всё по-другому, и глубоко в душе знаю, что она не вернётся.

— Знаю, Рэй. Я была у них. И согласилась пройти лечение. И пройду. Мне просто нужно отделаться для начала от Скинни,

но он не отпустит меня без денег. — И когда я уже готова вот-вот сломаться, она шмыгает носом, показывая крупинки белого порошка на внутренней части ноздри. Это как напоминание, что каждое слово, слетевшее с её языка, продиктовано зависимостью. Я знаю, что она не была дома, чтобы встретиться с родителями. Из моих окон видна их гостиная, её родители весь вечер смотрели какой-то документальный фильм и час назад выключили свет.

— Извини. Я просто не могу, — отвечаю я, скрещивая руки на груди.

— Хорошо! — выкрикивает она, хлопая ладонями по стволу дерева. — Но можешь хотя бы одолжить

фонарик? Здесь так темно, что я ни черта не вижу. Мой остался в лодочном домике.

Я иду к гардеробу и вытаскиваю свой старый розовый фонарик такого же цвета, как и два других, которые были куплены на распродаже «всё по доллару» ещё в пятом классе. Мы создали свою собственную азбуку Морзе и провели много ночей, посылая световые сообщения друг другу. Так продолжалось до тех пор, пока кто-то из соседей не позвонил в полицию и не доложил о возможном грабителе. Только после этого мы прекратили.

— Вот, — произношу я,

передавая ей фонарик. Она берёт его и включает. Он не загорается сразу, и ей приходится стукнуть им об руку, только тогда фонарь оживает. — У тебя есть всё, что ты хочешь. Я уйду, Рэй. Больше ты меня не увидишь.

— Подожди! Ты только что сказала, что возвращаешься в реабилитационный центр. Почему мы больше не встретимся? — спазм сжал моё горло. Это было ошибкой. Совсем не имеет значения то, что она сделала. Я не могу потерять лучшую подругу. Она больна. И ей нужна помощь.

Ей нужна я.

— Потому что я сказала тебе,

что если я не найду деньги, то Скинни убьёт меня. — Она натягивает тёмный капюшон на голову и направляет фонарик вверх, освещая своё лицо жёлтым светом. Я ахаю. Тёмно-фиолетовые синяки покрывают её сломанный нос, оба глаза опухли, и вокруг одного из них заметен пожелтевший синяк. Капилляры в глазных яблоках полопались. В уголках треснувших губ виднеется кровь. Челюсть смещена.

Она не врала. Хотя кто знает, но, очевидно, что кто-то сильно её бьёт. Я уже практически готова изменить своё решение и сказать ей, что дам деньги, когда она

поднимает руку.

— Не обращай внимания, Рэй. С тобой было приятно дружить, — она выключает фонарик, начинает спускаться по дереву и постепенно исчезает в тёмном дворе, но её тень появляется под уличным фонарём на тротуаре. Она поворачивается и машет рукой. — Пока, Рэй, — я слышу тихое прощание в пронзительном молчании ночи. В её словах звучит завершённость, от которой волосы на затылке становятся дыбом. Она собирается уйти, но затем снова останавливается и разворачивается.

— И, Рэй? Что бы ты не делала, не доверяй тирану.

Затем я наблюдаю, как моя
лучшая подруга снова
отворачивается и уходит.

В этот раз, возможно, навсегда.

Я шепчу ей, но могу только
надеяться, что она всё ещё слышит
меня.

— Пока, Никки.

Глава 7

Кинг

— О чем говорится в этой сраной бумажке? — спросил Медведь.

— Вот, — ответил я, бросив конверт через всю комнату. Он упал на пол. Медведь потянулся вниз и развернул бумагу, которую я предпочел бы никогда не получать. Забурчав себе под нос, он начал читать длинное письмо от управления штата о том, что я не подхожу на роль родителя Макс, поэтому они хотели бы передать ее данные в систему усыновления. И

уже найдена семья,
заинтересованная в ней.

Им недостаточно отнять ее у меня физически, теперь они хотят получить разрешение на то, чтобы отдать ее другой семье и забрать у нее фамилию Кинг.

Это не та херня, которая была мне нужна.

Мы с Медведем почти бредили, потому что обходились лишь несколькими часами сна в неделю. Потратили дохера времени, чтобы уладить дела, а также активно разыскивали Эли. Мы прокатились от Майями до Атланты, но парень был как призрак. Те крупницы информации, которые нам удалось

получить, вели к местам, где мы уже были.

Иногда нас разделяли лишь минуты.

— Здесь написано, что они могут сделать это без твоей подписи, — заключил Медведь, указав пальцем на бумагу, после чего небрежно бросил ее на кофейный столик.

— Ага, но там также сказано, что если я не откажусь от родительских прав, она будет переезжать из семьи в семью до тех пор, пока ей не исполнится восемнадцать. — Я прикрутил последнюю деталь к своему пистолету для набивания тату. — Не

знаю, можно ли так с ней поступить, чувак. Будучи ребенком, мне очень хотелось, чтобы моя мать стала мне мамой. Бл*дь, я бы отдал все, чтобы узнать, кто мой отец.

— Но твоя мать оказалась е*нутой пи*дой, — заявил Медведь, — а теперь она мертвая е*нутая пи*да.

— Смерть этой е*нутой пи*ды является причиной, по которой я не могу получить своего ребенка, — пришлось напомнить ему, — может для нее будет лучше жить с нормальными людьми, которым не нужно переживать о дерьмовых проблемах типа убийства людей или собственной смерти.

Медведь закатил глаза.

— Чушь. Убийства ублюдков — это бизнес. Ничего общего с семьей не имеет. Каким образом они узнают? Мы вне закона, друг мой. Гражданские должны из штанов выпрыгнуть, чтобы додуматься, что это означает.

— Ты же знаешь, что по законам клуба меня относят именно к гражданским, — поспорил я.

Медведь отмахнулся от моих слов.

— Только мой старик, но за каким хреном ему знать?

Я помолчал минуту. Медведь узнал от меня нечто, что ранее никогда и никому не озвучивалось.

Даже Преппи.

— Если у меня будет шанс стать родителем для Макс... я стану законопослушным гражданином.

— *Можно подумать, что тебе нужно было мне это говорить. Я, бл*дь, знал об этом дерьме. Сообщи мне, когда твое заявление укусит тебя за твою же задницу.* — Призрак Преппи все дразнил меня.

— Это не нормальные мысли. Мы разберемся с Эли раз и навсегда, а затем у тебя будет время подумать о том, что сейчас ты прозвучал так тупой хрыч, сказав, что Король Дорог собирается покончить с криминалом, — фыркнул Медведь.

От него можно было ожидать

только такой ответ. Я знал, что он не поймет, на что человек пойдет ради ребенка и семьи.

— Ты бы сделал все ради твоих братьев из МК?

Медведь кивнул.

— Ради МК. И тебя. Да, мужик. Что угодно. Украл бы, дрался, калечил, убивал. Дерьмо, я бы принял долбаную пулю. Вернулся бы назад в прошлое и поймал бы пулю вместо Преппи хоть сейчас, если бы мог. — Его слова не вызывали сомнений, потому что верность Медведя пускала глубокие корни.

— Ну, — начал я, — это все лишь верхушка того, что бы ты сделал ради своего собственного

ребенка.

Теперь Медведь качал головой. Я знал, что он никогда по-настоящему не поймет, что имелось в виду, если только сам не возьмется за голову и в один прекрасный день не заведет ребенка, однако подобная мысль была смехотворной.

Я почесал рукой щетину, которая за прошедшую неделю превратилась в бороду. Все, чего мне на самом деле хотелось, это затащить щенячьи глазки в свою постель и погрузиться лицом между ее ног на остаток жизни.

Но я не мог сделать этого, пока не покончу с Эли.

Парень был умен. Ему нравилась

медленная, сладкая и мучительная месть.

Пытка — вот то слово, которое я бы использовал, чтобы описать свою невозможность прикоснуться к моей малышке. Это было слишком опасно. Парень, на которого в прошлый раз Эли недобро посмотрел, потерял всю семью вплоть до троюродных братьев прежде, чем он закончил свою пытку. Парням пришлось наблюдать, как все, кого они любили, умирают друг за другом.

— Начнем утром, — сказал я, — найдем больше информаторов и посмотрим, сможем ли мы узнать что-нибудь от приближенного Эли или из его ближайшего круга. От

кого-то, кто будет знать, где он находится сейчас, а ни где был вчера.

Я потер глаза. Усталость сказывалась, но опускать руки было нельзя. Кожа буквально зудела от желания забить на все проблемы прошлого, хотелось уже перейти к решениям.

Например, как пустить Эли пулю в голову.

В идеале, я бы сделал это на полном ходу, не вылезая из машины, после чего сразу рванул бы к своей малышке. А потом мы бы разобрались, как поступить с Макс.

Вместе.

— Место осталось? — спросил я Медведя, лежавшего на диване

лицом вниз. Мы находились в квартире, которую он обустроил для себя в моем гараже. Здесь не было окон, только дверь, от чего мы чувствовали себя наседками, а не хозяевами дома.

Медведь пробурчал в подушку, перечисляя части тела, на которых еще не было татуировок.

— Немного на шее, на внутренней части предплечья, парочка пальцев, думаю... член, но это не твой тип, говнюк, поэтому руки прочь.

Он не может сделать тебе татуху на члене, Медведь. Потому что не делает микропортретов.

Я рассмеялся от голоса Преппи в

своей голове и глубоко затаился, после чего передал косяк Медведю.

— Чего ты ржешь? — спросил он, подняв голову с подушки. У него были покрасневшие глаза.

— Преп, — ответил я, постаравшись задержать дым в легких как можно дольше и позволив ему жечь меня изнутри до тех пор, пока у меня не осталось другого выхода, кроме как выдохнуть его. — Это все полная хрень, но... я до сих пор слышу его иногда.

Медведь сел, забрал косяк и сделал три затяжки, после чего откинулся на спинку дивана и раскинул руки на подушки.

— Знаю, что ты имеешь в виду. Я

тоже. Он всегда был рядом, чтобы внести хоть что-то веселое в наше ежедневное дерьмо. Теперь, когда его не стало, дерьмо осталось... а Преппи нет.

План был такой: ночью отдохнуть, а утром вернуться к делам. Но в течение нескольких часов сон так и не сморил меня в основном из-за того, что в моей кровати не было малышки.

Я слышал, что Медведю тоже не спалось.

Поэтому мы просто перестали пытаться.

Уже три часа ловим кайф, и это напоминает нам старые добрые времена, когда именно так мы втроем

проводили большинство ночей. Только сейчас Преппи нет. Но, как и в прошлом, я собираю свой пистолет для татуировок.

— Готов? — спросил я, подняв пистолет и одновременно нажав на педаль, чтобы заставить его жужжать.

— Бл*дь, да. Набей мне татуху, сучка, — Медведь подошел и уселся ко мне спиной на стопку шин, которая служила самодельным кофейным столиком. Опустив подбородок к груди, он потянулся к затылку и убрал волосы. А затем указал пальцем на одно из пустых мест на его теле. — Прямо здесь, мужик.

Я работал без наброска, но уже через сорок минут у Медведя красовалась новая татуировка, набитая большими жирными буквами.

ПРЕП.

Он даже не стал смотреть на нее, а просто откинулся на диване. Зажег сигарету и насыпал на стол какой-то белый порошок из маленького пакетика, сформировал дорожки лезвием и использовал свернутые в трубочку доллары, чтобы втянуть его. Сжав ноздри, Медведь хохотнул:

— Помнишь, когда я в последний раз прыгал в залив с крыши гаража? Мужик, это было

эпически.

— Помню, — ответил я и покачал головой, когда Медведь попытался всучить мне сверток. — Преппи собирался вызывать коронера, когда ты швырнул его в воду. Он три раза сушил свои белые подтяжки.

Медведь выглядел таким же уставшим, как и я, но причина была не только в нехватке сна. До этого никогда не видел его таким потрепанным.

— Что тебя терзает? С тобой что-то происходит уже некоторое время. Это началось еще до смерти Преппи. Какого хера с тобой творится? — спросил я.

Медведь вздохнул и уперся в висок рукой, в пальцах которой была зажата сигарета.

— Папаша хочет передать мне управление клубом.

— Разве не таков был план с самого начала?

Медведь пожал плечами.

— Ага, после его смерти или когда ему стукнет девяносто. Хотя даже в этом случае мне порой кажется, что его похоронят с долбаным молотком в руках. Но он хочет передать клуб мне... сейчас.

— Я все равно не понимаю. В чем проблема?

Медведь встал и начал расхаживать вперед и назад перед

диваном.

— Хочешь честно, мужик? Я не уверен, что все еще хочу этого. То, что имело смысл, когда я получил нашивку, больше не является важным. Дерьмо меняется. В клубе. Вне его. Все происходит не так, как должно, — ответил Медведь, рассеянно уставившись в потолок. Она качнул головой, словно отмахивался от окружающего его тумана. — Возможно, мне просто нужно трахнуться, — заключил он, — может, когда все это дерьмо уляжется, я напишу той британской сучке Джоди. Она трахается как чемпион и предпочитает в задницу.

— Какая-то случайная телка не

исправит ситуацию, — сказал я.

— Знаю, но мой член в ее заднице по крайней мере заставит забыть об этом всем хоть ненадолго. — Медведь упал обратно на диван, почесывая предплечье. Думаю, я не единственный, кому хочется покончить со всем этим.

— Не возражаешь, если я задам вопрос? — Медведь наклонился вперед, схватив сигареты со стола. Моего ответа он не стал ждать. — Почему *Доу* стала той, кто так надолго задержался в твоём сердце, если раньше ты обходился сучкой или даже двумя в день? Иногда и одновременно, — протянул Медведь. Я вскинул брови.

— Теперь мы сидим и обсуждаем сраные чувства?

— Она чертовски красивая, мужик. Я называл девушек горячими, сексуальными, суперскими, но с уклоном в стиле «я бы все равно трахнул твою задницу в трейлере». Она другая. Девчонка вроде нее должна держаться подальше от любого, кто хоть каплю напоминает белые отбросы из Флориды вроде нас.

Я вынул пистолет из кобуры и положил его на столик.

— Ты собираешься сказать что-то, после чего мне пригодится вот это? — спросил я.

Но на его лице со светлой

бородой отражалось другое, и это выводило меня из себя.

Он хотел защитить малышку.

Потому что любил ее.

Мне хотелось опустошить всю обойму в его долбаную грудь, но я не сделал этого. Потому что понимал — малышка воплощала все и сразу в одной красивой долбаной упаковке, и не ее вина, что это видели все, включая Медведя. Но ему будет плохо, если он когда-либо воспользуется этим.

Если он когда-либо коснется ее, то я буду стоять над его трупом с дымящимся пистолетом, и все равно не испытаю ни малейшего чувства вины, потому что он сам будет

ВИНОВАТ.

Медведь это знал.

— Бл*дь, опять твой пистолет,
— фыркнул Медведь, — ты с самого
начала знал, что она мне нравилась.
— Он стряхнул пепел со своей
сигареты в пустую бутылку из-под
пива. — Как же мне жаль, что я
отправил ее к тебе наверх в ту ночь.
Что не оставил ее себе. — В его
голосе угадывалась грусть. — А
потом узнал, что ты так и не трахнул
ее тогда, поэтому я был вне себя от
ярости, когда ты появился на
пристани, — Медведь сделал еще
одну затяжку. — Ты мой должник,
отморозок.

Именно благодаря тому, что он

отправил ее в мою комнату в ту ночь, я положил глаз на малышку, и это была единственная причина, из-за которой мой кулак еще не врезался в его нос.

Нам нужно было сменить тему разговора прежде, чем произойдет что-то, о чем мы оба пожалеем. Я — потому что он был моим другом. Он — потому что его тело наполнится свинцовыми пулями.

— Ты так и не ответил на вопрос, говнюк, — Медведь наклонился вперед. — Почему она?

Я пожал плечами.

— Не знаю, — прозвучал честный ответ. — Это просто еще одна истина. Типа, почему небо

голубое. А трава зеленая, — пожал плечами я. — Она — моя. Просто моя. Знай это.

— Ты когда-нибудь думал о том, что она заслуживает лучшего, чем это дерьмо? — Медведь махнул рукой на комнату. — Чем ты? — я кинул на него вопросительный взгляд. Если до этого разговора границы еще соблюдались, то сейчас их стремительно переходили. — Я не себя имею в виду, придурок. Просто... лучшего, чем все это. Чем эта жизнь.

— Конечно, — я подкурил сигарету и затянулся, бросив зажигалку на столик. А затем посмотрел на Медведя и улыбнулся.

— Но у нее не будет лучшего... у нее есть я.

Мне едва ли удалось произнести задуманное, потому что бетон и сталь посыпались на нас со всех сторон, разлетевшись по квартире, как торнадо.

Я пригнулся, упал на живот и укрылся за кофейным столиком. Кашель душил меня, потому что в легкие забились пыль. Я прищурился и стал вглядываться в том направлении, откуда прозвучал взрыв.

Огромная дыра зияла там, где секунды назад была стена.

От нее остались только обломки, огромная куча дробленых бетонных

блоков покрывала гостиную.

И диван, стоявший у той стены.

А вместе с ним и человека,
лежавшего на том диване.

Медведя.

Глава 8

Доу

Было очень рано. Или поздно.
Или... что-то.

У меня наконец-то появилось воспоминание о ком-то, кого я знала до потери памяти, и этим человеком оказалась та, с кем произошло знакомство и после.

Никки.

Моя лучшая подруга еще с тех времен, когда мы бегали в подгузниках.

Она же шлюха, которая словно делала мне одолжение, позволив находиться рядом с ней все то время,

пока мы обе пытались выжить на улицах.

Я не сомневалась, что именно связь между моим прошлым и настоящим помогла мне вспомнить. Это был единственный понятный момент. Все остальное напоминало вождение машины с грязными стеклами, безуспешные попытки посмотреть в пыльное лобовое стекло, чтобы увидеть дорогу.

Почему Никки, зная меня и понимая, что когда-то мы были практически сестрами, предложила мне продать себя байкеру на вечеринке Кинга взамен на теплую постель и защиту?

Я была не в силах уснуть из-за

большого количества вопросов, крутившихся в моей голове, поэтому вышла на переднее крыльцо, присела и начала рассматривать фотографию Никки в рамочке.

Кинг был не единственным, кто лгал мне все это время.

— Почему ты не рассказала мне о том, кто я? Кем была? — спросила я у фотографии, пробежав пальцами по серебряной рамке.

— Эй, Рэй! Много времени прошло! Как жизнь молодая? Путешествие прошло удачно? Как тиран поживает в эти дни? — я посмотрела на стоявшего на нижней ступеньке почтальона. Стало светло, но я даже не помнила, когда вошло

солнце. На мужчине были одеты темно-синие шорты с носками в цвет. На лице сияла такая широкая улыбка, что либо он был одним из самых счастливых людей на земле, находился под действием наркотиков, ну или являлся настоящим психом.

— Эй... — я уселась ровнее на качелях, расположенных на крыльце, и прищурилась в попытке рассмотреть на бейдже его имя. — Барри? Он в порядке.... Кажется. — Это было откровенной ложью, но вряд ли надо было ему говорить, что я не только не помнила отца, но и не видела его с тех пор, как он бросил меня, не сказав ни слова о том, когда вернется.

Не хотелось обижать этого улыбавшегося мужчину.

Барри не сказал больше ни слова, но ему и не нужно было. Нахмуренные брови и сморщенный нос говорили за него. Он положил почту на крыльцо и без единого слова зашагал обратно, затем обернулся и пошел, словно только что покормил злого питбуля, попытавшегося его укусить.

Но я была зла. Смущение — сука. Наталкивает вас на большое количество вопросов, которые ведут к расстройству, а впоследствии и к злости.

— Он хочет видеть тебя в своем офисе, — сказала Надин. — Твоя

мама тоже там. Они ждут тебя.

— Правда? — я встала с качелей, машинально пригладила волосы и поправила шорты, оттянув их таким образом, чтобы они казались длиннее.

Это было странно, потому что мне было все равно, что они обо мне думали, но все эти жесты, дабы убедиться, что я выглядела прилично, были машинальными. Заметила ту же машину, которая забрала меня от Кинга, но у меня не было желания спешить к сенатору и приветствовать его дома. Может, это и не он приказал убить его, но слишком много совпадений было в этой ситуации, заставив меня действовать

осторожно и без лишней спешки.

— Моей матери лучше? — спросила я, когда последовала за Надин в кабинет. Дом был небольшим по всем меркам. Стеклопанные двери в кабинет отца можно увидеть с любой точки в большой комнате и кухни, а когда входишь через парадную дверь, взгляд падает прямо на них. Ей не нужно было показывать мне дорогу. Но затем стало понятно, что Надин просто пыталась напомнить мне то, что было забыто.

— Спасибо, — ответила я. Она кивнула и с натянутой улыбкой ушла работать на кухню.

А затем это снова случилось.

Второй раз менее чем за двенадцать часов. Сейчас это длилось всего мгновение, и образы возвращались быстрее и быстрее.

Еще одно воспоминание.

* * *

Рэй

15 лет

Кабинет моего отца — это его храм, виртуальная гробница для него самого и всех политических идолов. Американские флаги висели на стенах как олицетворение языков пламени, а так же фотографии, на которых он пожимал руки мужчинам с белыми зубами и

фальшивыми улыбками. Для него они были чем-то большим, чем простые смертные.

Мужчин, одним из которых он стремился стать.

Богам Республканской партии.

В этой гонке за перевоплощением в них мой отец поставил политику на первое место, задвинув семью на второй план. Исключение составляли случаи, когда поправки или законы, которые он предлагал, имели отношение к семейным ценностям. Тогда мы оказывались на переднем плане, служили примерами того, какой должна быть хорошая христианская семья с консервативными взглядами.

За его письменным столом
рядом с американским флагом висело
распятие.

Полнейшая чушь.

ОН — полнейшая чушь.

Ни разу не появился в церкви,
если это было не связано с
политикой, но рассказывал людям,
что являлся протестантом.

Но на самом деле он был
лжецом.

Все в нем и в его кабинете
кричит о формальности и вранье.

Поэтому именно в этой комнате
и в рабочее время я решила сообщить
ему новости, понадеявшись на то,
что он обуздает свой нрав, поскольку
считал свой кабинет святыней.

Одежда как для интервью. Желтый пиджак и юбка-карандаш в цвет как в лучших традициях Джеки Кеннеди. Я прятала свой маленький животик под мешковатой одеждой месяцами, но этот костюм сделает акцент на моей округлившейся части тела. Шестой месяц беременности, и уже нет смысла это скрывать.

Я наблюдаю за отцом через стеклянные французские двери, он стоит спиной ко мне, наклонившись над одним из зеленых кресел, стоявших перед его столом. Делаю глубокий вдох и поворачиваю ручку двери.

— Папа, мы можем

поговорить? — как смешно произносить слово «папа». Я не называла его так годами. Использование этого слова — стратегический ход с моей стороны, как напоминание о том, кем он для меня является.

То, о чем, по моему мнению, он забыл.

И годами не был для меня отцом.

В нем совершенно ничего не осталось от отца.

Папа оборачивается на звук моего голоса, и я понимаю, что он не один. Таннер сидит в одном из зеленых кресел, улыбаясь немного шире, чем следовало. Что-то не так.

— Что происходит? —
спрашиваю я, несмело заходя в
комнату.

Сенатор начинает первым:

— Таннер сообщал мне новости,
— произносит отец, расправляя
пиджак и отдергивая его вниз. Он
смотрит туда, где я руками
закрываю свой округлившийся
живот. На его лице видна тревога,
словно кто-то только что сообщил
ему о показателях рейтинга, а не о
беременности его
пятнадцатилетней дочери.

— Рассказал? — Я его убью.

— Да, — отвечает отец,
обходит стол и садится на высокий
стул цвета бургунди, который

больше похож на трон, чем на офисный стул. Его губы сжаты в тугую линию. — Мне бы не хотелось, но придется вовлечь в это кое-кого еще.

Кого еще он собирался привлечь? Вот. Дерьмо.

Мою маму.

Я даже не думала о том, чтобы рассказать ей. Для меня она не существовала. Мы редко встречались, и в такие моменты мама пыталась притвориться, что заботилась обо мне, но затем, когда на нее больше никто не смотрел, режим «матери» выключался, и вновь начиналось полное игнорирование.

Ни разу не слышала, чтобы родители разговаривали друг с другом, только если ссорились из-за чего-то. И это всегда имело отношение к политической кампании моего отца. Они перестали спорить о своих личных отношениях много лет назад.

Тяжело ругаться из-за того, что тебя не волнует.

— Ладно, — вяло ответила я, готовясь к шторму, который на меня обрушится. Мне хотелось начать заламывать руки и вжаться в кресло рядом с Таннером в ожидании того, что сейчас произойдет. Но он сидит, как ни в чем не бывало: как всегда закинув лодыжку на колено.

Отец встает, теряя терпение.

*— Вернусь через мгновение, —
заявляет он и покидает комнату.*

*Я резко поворачиваю голову к
Таннеру.*

*— Что именно ты ему сказал?
— шепчу я.*

Он отвечает:

— Правду.

Я ударяю его в плечо.

— Какого черта ты это сделал?

*Я сама собиралась рассказать ему.
Мы так договаривались!*

*— Да, но я подумал и решил, что
эти новости он должен узнать от
меня, потому что не сможет на
меня разозлиться.*

— Это было не твое решение,

Таннер. Ты должен понимать, что не получится постоянно устанавливать свои правила, — я скрещиваю руки на груди. — И почему он не сможет на тебя разозлиться?

— Разозлиться сможет, но не надерет мне задницу или что-то в этом духе. Потому что если он это сделает, то все, что мне потребуется, это сказать папе, как подло повел себя со мной сенатор. И по щелчку пальцев «поезд», предоставляющий деньги для его политической кампании, остановится, скрипя тормозами, — гордо отвечает Таннер и подмигивает мне.

В его словах есть смысл.

Но я все равно еще зла.

— Я рада, что ты сидишь здесь весь такой гордый и довольный, а у меня буквально коленки дрожат от страха, — отвечаю я.

Отец возвращается в комнату с телефоном в руках, садится на свое место и кладет телефон на стол.

Может, его план заключался в звонке моей матери? Я знала, что ее не было дома, но понятия не имела, куда она пропала на этот раз. Могу лишь представить себе ее реакцию.

В основном она интересовалась, во что я опять себя втянула, или упрекала в том, что меня можно назвать кем угодно, только не идеальной и послушной дочерью.

Или нельзя.

— *Рэйми Элизабет...* —

начинает сенатор. Так он называет меня только в тех случаях, когда я не оправдала его высоких стандартов. Затем в конце обвинения добавляет обращение словно к третьему лицу.

«Рэйми Элизабет решила бросить уроки игры на фортепиано, не сказав мне.

Рэйми Элизабет думает, что ее жалкая мазня красками важнее, чем образование в настоящей школе.

Рэйми Элизабет снова проводила время с ужасной Николь Арнольд.»

Странным образом я была по-настоящему рада возможности

разочаровать его. Все остальное лишь слегка раздражало. Огонь медленно разгорался до этого момента. Сегодня он сможет воплотить в жизнь свои умения, чтобы заставить меня почувствовать себя настоящим ничтожеством.

Сегодня огонь будет полыхать по-настоящему.

— ...ты беременна, — произносит мой отец, словно это он сообщает мне новости.

Это заставляет меня поморщиться, потому что слова, произнесенные вслух, заставляют меня почувствовать их реальность. Теперь он знает, и моя беременность

становится более ощутимой, чем когда я вошла в дверь.

— В вашей частной школе не учат пользоваться презервативами? — спрашивает меня сенатор, и на его лице появляется сожаление, потому что в момент, когда вопрос слетает с его губ, он уже знает ответ.

Таннер видит то же, что и я, поэтому отвечает за меня.

— Нет, сэр. Не учат, — произносит он с широкой улыбкой. И я знаю, почему он улыбается. Мой отец провел кампанию против изучения основ контрацепции в нашей местной школе. Его план по сексуальному образованию

заклучался лишь в курсе изучения только одной дисциплины под названием «Только Воздержание».

— Сотри эту смехотворную улыбку со своего лица, — говорит мой отец Таннеру, наклоняясь через стол. — Я попрошу Надин позвонить частному доктору. Конечно, я не могу заставить сделать аборт, но так как в этом случае закон на вашей стороне, и вам решать, поменяют ли республиканцы свои позиции. — Это не заявление о том, что у меня есть выбор. Это предложение. Приказ.

— Нет! — отвечаю я, вставая. Натягиваю ткань на моем округлившемся животе, чтобы отец

столкнулся лицом к лицу с тем, что он предлагает мне сделать. — Слишком поздно, — продолжаю, — но даже если бы это было не так, я бы не стала звонить доктору, чтобы избавиться от него. — Смотрю на него сверху вниз.

— Что значит «слишком поздно»? — осторожно спрашивает отец.

— Она уже на шестом месяце, — отвечает Таннер, пытаясь вызвать всю злость отца на себя.

Слава Богу, это работает, потому что сенатор переходит к следующему плану. Я все еще жду, что он позвонит матери.

— Нам нужно с этим

разобраться, понять, как подойти к решению этой проблемы, — произносит мой отец. — Нужно многое учесть при подобных обстоятельствах. — И он прав. Нам нужно обсудить, что делать со школой, кто будет возить меня на прием к доктору, и многие другие детали. Я переплетаю пальцы и делаю глубокий вдох.

— Послушай, — начинаю я, но отец поднимает руку, тем самым затыкая меня, и тянется к стационарному телефону, двигая его из угла в центр стола. Он открывает телефонную книгу и листает список контактов. Находит нужный номер, нажимает на кнопку

громкоговорителя на стационарном телефоне и набирает его.

— Это Мэгс, — отвечает женский голос.

— Прайс, — начинает отец. — У нас здесь проблема. Нужно поработать над стратегией, негативной реакцией, а затем обсудить уровень поддержки. Составь рейтинг.

Мэгс. Я знаю это имя.

Мужчине, моему отцу, сидящему передо мной и склонившемуся над рабочим телефоном, плевать на беременность его дочери-подростка. Его не интересует, что я пропускаю школу. Плевать, что мне ничего не

известно об уходе за ребенком, или о том, что весь мой мир изменится. Нет.

Этот телефонный звонок как ведро ледяной воды на голову, помогает мне вернуться назад к реальности под названием «сенатор».

Потому что этот телефонный звонок был сделан единственной и неповторимой Мэгс Олбрайт.

Человеку по вопросам организации отношений с общественностью в случае проблем.

Я не его дочь.

Я — проблема.

Этот день официально стал последним, когда он слышал от меня

слово «папа». Все последующие дни я называла его одним единственным словом.

Сенатор.

Отец сидел за своим столом и выглядел почти так же, как в день, когда узнал о моей беременности, возможно, немного хуже. Круги под глазами, волосы заметно тронуты сединой, лицо слегка пожелтевшее. Я села в то же зеленое кресло, в котором сидела три года назад.

— Даже не поздороваешься? — до меня из угла донесся голос. Я повернула голову и увидела маму, сидящую на стуле с высокой спинкой в идеальной позе — ноги скрещены в лодыжках.

— Привет, — ответила я. Моя мать наклонилась вперед, придерживаясь за подлокотники. Подняла бокал, наполненный какой-то темной жидкостью, и встала. Поставила его на стол, расплескав часть содержимого. — Ты уже лучше чувствуешь себя после возвращения из... спа? — спросила я.

— Я в порядке, дорогая. Так рада, что ты вернулась домой, — ответила она механически. — Предполагаю, что ты меня не помнишь, — заявила она.

Я покачала головой.

— Хотя я вспомнила ее, — я повернула рамку и указала на Никки.

— Ты помнишь Николь? —

спросил отец с удивлением в голосе.

Я кивнула.

— Только один момент. Она залезала ко мне в окно, просила о помощи и хотела денег, — мои глаза наполнились слезами, но я поборола их. — Я отказала ей.

Сенатор вздохнул.

— Я запретил тебе видеться с ней сразу после того, как она впервые отправилась в реабилитационный центр, но ты не послушала. Никогда не слушала, когда дело доходило до этой девчонки.

— Очевидно, в тот раз послушала, потому что я вспомнила, как прогнала ее.

— Радуйся, что сделала это, — добавила мать, — потому что она...

— Марго, — предупредил отец.

— Она что? — спросила я.

Ответ я уже знала, но часть меня хотела это услышать.

— Она мертва, — закончила мать пожав плечом. — Тот яд, который она вводила себе, наконец убил ее. Они нашли ее в грязном мотеле в стороне от шоссе. — В голос матери звучало лишь презрение, нос был вздернут вверх, словно она нюхала что-то в воздухе. — У нее нашли сумку, полную презервативов и наркотиков. Кажется, продавать себя стало ее привычкой.

Я встала с кресла, почти опрокидывая его.

— То есть из-за того, что ты покупаешь свое дерьмо с брендовыми марками и наливаешь его в хрусталь, ты думаешь, что чем-то отличаешься? — Я указала на бокал в ее руке. — Никки вводила дрянь себе в вену, а ты вливаешь ее в глотку, — и покачала головой, не веря. — Высокомерная сука! Она была зависимой, как и ты, это же очевидно! Единственная разница между вами в том, что Никки не пыталась скрывать это за красивым фасадом.

— Пошла. Вон, — сказала мне мать, дрожь в ее руке стала заметной.

Она бросила бокал о стену, и он разбился на кусочки о портрет Джорджа Буша.

— Вы обе. Прекратите. Марго, машина ждет. Иди. Я вскоре присоединюсь к тебе.

Мама сверлила меня взглядом, пока выполняла приказ и в спешке покидала комнату. Несколько секунд спустя хлопнула входная дверь.

Отец не сказал ни слова о поведении матери.

— Нам нужно отъехать на мероприятие в Миртл Бич. А в это время к тебе придет специалист. Эксперт в области травм мозга и потери памяти. В большей степени он работает с ветеранами,

вернувшись из Вьетнама, но согласился поработать с тобой. Постарайся вести себя хорошо, пока нас не будет, а твоя мать... она... нестабильна в эти дни. Не доводи ее, — он встал и застегнул пиджак. Открыл ящик стола и достал внушительные золотые часы с красными камнями. — Мы вернемся в четверг, — отрезал папа и вышел из комнаты.

Внезапно мой страх одиночества совершенно утратил смысл. Потому что я предпочла бы остаться одна, чем провести еще хоть минуту со своими родителями.

Именно в этот момент я поклялась стать такой матерью для

Сэмми, которой, согласно моим воспоминаниям, моя мать для меня никогда не была.

Мне хотелось, чтобы он рос, чувствовал себя любимым и знал, что несмотря ни на что, я буду рядом с ним. И самое последнее, чего я для него хотела — это жизнь, в которой он будет ненавидеть свою собственную мать.

Как я ненавижу свою.

Глава 9

Кинг

Когда обломки перестали осыпаться в комнату, я выскочил из-за кофейного столика, служившего мне укрытием, и упал на живот. Диван, на котором сидел Медведь, теперь был завален булыжниками.

Как и он сам.

Послышался шум голосов. Кто-то громко раздавал команды. Звук напоминал крик в каньоне, но я мог разобрать только гул его эхо.

Боль. Тупая и пульсирующая, она сжимала голову. Кровь текла в глаза. Зрение помутнело, и я прищурился.

Двое мужчин с АК наперевес пробирались в квартиру через остатки стены. Они держались за что-то торчавшее из обломков на диване, и только тогда я мельком заметил Медведя.

По крайней мере, частично.

Его нога вывернулась под странным углом, повиснув на крупном обломке бетона. Джинсы были порваны. Лодыжка покрыта кровью.

Заметив движение снаружи стены, я сосредоточил свое внимание на ней. Сразу за сломанной стеной стоял грузовик с включенным двигателем и светившими прямо в квартиру фарами. К защитной

решетке на бампере был прикреплен таран.

Эли стоял, облокотившись на грузовик.

Он заметил меня и улыбнулся, прикоснувшись пальцами к краям шляпы, словно поприветствовал старого друга.

За моей спиной послышался хруст. Я повернул голову и увидел одного из людей Эли, который стоял за моей спиной и направлял АК мне в лицо.

— Сегодня ты сдохнешь, — произнес он. Одна сторона лица была изуродована шрамами, тонкие полоски дерьмовой татуировки, изображавшей тюремный штрих-код,

покрывали его шею. Между губ торчала зубочистка и двигалась вверх и вниз, когда он говорил.

— После тебя, у*бок, — прорычал я, перекатился и сбил его с ног. Потеряв равновесие, он упал на бок. Схватив пистолет, который прятал за пряжкой ремня, я прицелился и выстрелил прежде, чем он смог снова поднять оружие, отправив его в ад, в место для таких отморожков, как он.

Или я.

Я подбежал к месту, где под булыжниками был зажат Медведь. Прозвучали выстрелы, раздробившие столик, осколки стекла полетели во всех направлениях, словно кто-то

бросил ядро в бассейн, а затем оно взорвалось, посылая в воздух обломки и частицы, врезавшиеся в кожу на моей шее и груди, словно миллионы крохотных ножей, не больше песчинки.

Над головой просвистела пуля и врезалась в стену за спиной, промахнувшись мимо моего лба всего на пару сантиметров.

Я поднялся и прицелился в рычавшего мужчину, на лице которого читались разочарование и злость от того, что не удалось попасть в цель.

В меня.

Мне понадобилось больше времени, чтобы прицелиться, а это

небезопасно, потому что я стоял без прикрытия, но обойме моего маленького помощника осталась лишь одна пуля, поэтому ошибаться в расчетах было нельзя. Я нажал на курок, и глаза мужчины расширились, когда пуля прошла через его глотку. Он подавился и начал захлебываться собственной кровью, упав на пол.

Отшвырнув пистолет, я принялся отбрасывать камни с дивана. Мне показались вечностью прошедшие несколько секунд, за которые удалось убрать обломок, закрывавший лицо и шею Медведя. Я наклонился и приложил ухо к его груди.

Он все еще дышал.

Нужно было как можно быстрее шевелиться. Эли стоял снаружи, и одному лишь Богу известно, чем этот лишенный рассудка ублюдок мог быть вооружен.

Я потянулся к Медведю и попытался вытащить пистолет из его кобуры под жилетом. Сомнений в том, что он заряжен, не было. Медведь всегда был полностью готов. Семеро мужчин ворвались в квартиру, а мне все еще не удалось добраться до пистолета. Зато их пистолеты были направлены на меня.

Я замер.

Входная дверь открылась, и вошли еще четыре человека, а уже за

ними последовал Эли.

— Я знаю, что устроил шоу, но входной дверью все-таки нужно было воспользоваться. Видишь? Так более цивилизованно, — сказал Эли, сдвинув солнцезащитные очки выше по переносице. Он осмотрел комнату и сморщил нос. — Бог тому свидетель, но кому-то нужно оставаться цивилизованным в этом сраном городе.

Если бы кто-то другой оказался в такой ситуации, что и я — безоружен перед лицом целого отряда — то мне и в голову не пришло бы винить его за капитуляцию.

Но я не был этим кем-то.

У меня были вещи, ради которых

нужно было жить. *Люди*, ради которых нужно было жить.

Мои девочки. Медведь. Грейс.

Моя семья.

— Король Дорог, — пропел Эли, прочитав надпись на дорожном знаке на стене, который Преппи сделал для меня, как только мы сюда въехали. — Тебя здесь уважают, — он сделал долгий выдох. Это было заявление, а не вопрос. — Знаешь, это очень плохо. Мы могли бы заняться совместным бизнесом, ты и я.

Он говорил те же слова, что и Айзек до того дерьма, случившегося с Преппи.

— Но сейчас? Сейчас, когда ты убил Айзека, даже не подумав о

последствиях... ну, я не веду дела с идиотами, *Король*. — Эли сделал ударение на моем имени, словно оно было чем-то смехотворным.

Я хрустнул пальцами и прошипел сквозь зубы:

— Лучше тебе быть осторожней с тем, кого ты называешь идиотом, ублюдок, — выплюнул я. — Айзек пришел ко мне и моим людям уже *после того*, как я предложил ему долю в нашем бизнесе. Если хочешь назвать кого-то тупым, то выбери его, — хохотнул я. — Или погоди-ка, ты не можешь... Я же вынес сосунку мозг. — Возможно, меня все же можно было назвать идиотом, потому что дразнить Эли было не

самым лучшим ходом, но он должен был понять, что имел дело не с тем, кто просто опустится на колени и сдохнет.

Этот вариант даже не рассматривался. Поэтому пока Эли говорил, я придумывал план.

— Это было не тебе решать!! — сказал Эли, и его бледное лицо покраснело. Он снял свои темные очки. Правый глаз отсутствовал, на его месте была лишь пустота. — В этом штате я решаю, кто будет жить, а кто — умрет. Не ты! И никто другой! Я! Решение за мной!

И в этот момент я заметил свой второй пистолет — тот, которым пригрозил Медведю ранее, он лежал

на полу в паре футов от меня.

— Айзек заставил принять решение, когда направил свои сраные пистолеты на моих ребят и изнасиловал... — я собирался сказать *«мою женищину»*, но быстро одумался, — какую-то байкерскую суку, которой не понравилось его предложение.

— Мне плевать, даже если бы он изнасиловал твою е*аную мамашу! — прошипел Эли. — Но то, что ты сделал, было глупо, потому что будет стоять тебе... жизни. — Он кивнул своим ребятам, и они начали двигаться ко мне. Я облокотился о стену и нашел то, что искал — выключатель, и нажал на него

плечом.

Старая гаражная дверь, которую Медведь прикрыл огромным флагом «Пляжных Ублюдков», вернулась к жизни, со скрипом и визгом металл заскользил по заржавевшим роликам в попытке открыться впервые за многие годы, от этого мебель и прислоненная к ней стеклянная тумбочка упали. Стекло раскрошилось. Дерево треснуло.

Это был именно тот отвлекающий маневр, который мне был нужен.

Достаточно времени, чтобы схватить пистолет с пола и ринуться к Медведю. Я попытался его вытянуть, но он застрял под бетоном.

Пуля скользнула по плечу, оставив жгучий след на моей коже. Я нырнул в дыру в стене, умудрившись несколько раз выстрелить на бегу, отправив минимум двух людей Эли в ад. Вокруг меня от бетона ricochetили пули. Я скользнул в сторону от гаража и пробрался во двор в густые заросли посаженных в ряд кустов, а затем спрятался между кипарисами.

— Найти его, или все сдохнете!
— кричал Эли внутри гаража, оперевшись руками в стену возле дыры. Тяжелые шаги слышались с обеих сторон от меня. Кто-то побежал в сторону дороги, а кто-то в сторону тропинки.

Меня не было ни в одном из этих мест. Как только шаги стихли, я ловко избежал столкновения и рванул через кусты в лес, в котором хорошо ориентировался, потому что был знаком с ним на протяжении всей моей жизни. Когда мы с Преппи не находились в этом доме на сваях, все равно пробирались к нему через заросли.

Пригнувшись под манграми, я прокладывал себе путь к воде. Задержал дыхание, оттолкнулся от берега и нырнул в воду как можно дальше, чтобы переплыть небольшое озеро. Прежде чем полностью вылезти на берег, высунул из воды лишь нос.

Я наблюдал, как люди подбегают к Эли. Скорее всего, большинство докладывали о том, что не смогли меня найти. Он сжимал кулаки в воздухе и рычал от злобы. Двое забежали в гараж и вышли пару минут спустя. Один шел спиной вперед, а второй тащился за ним. Они несли что-то тяжелое к костровой яме в центре двора.

Эли последовал за ними, он выглядел спокойнее, чем пару мгновений назад. Затем вытащил сигару и поднес к ней спичку. Дым окутал его лицо белым облаком. Эли бросил спичку в яму, перемешал угли длинной палкой и разжег огонь, который позволил мне увидеть, что

же несли мужчины.

Медведя.

Он лежал на кирпичном ограждении вокруг костра, одна его рука свисала над красными углями.

Эли посмотрел через озеро, но не увидел меня, хотя знал, что я за ним наблюдаю, поэтому прикоснулся к краям своей шляпы и улыбнулся.

Это был вызов.

Я был кроликом, которого он хотел загнать в нору, напугав.

Медведь был дымовой шашкой, при помощи которой он собирался добиться этого.

И его план мог сработать, потому что не было ни единого шанса, что я не вернулся бы

ради спасения друга.

По крайней мере, я умру,
попытавшись.

Глава 10

Доу

У меня было такое ощущение, как будто я при помощи кевларовой одежды пыталась защититься от наплевавших на меня родителей и Таннера, куча вопросов осталась без ответов и разрывала мою голову словно аневризма. Оглянувшись назад, осознала, что между мной и Таннером не все было ясно. Я действительно чувствовала, что он может быть хорошим другом. Но вместо понимания я бросила его чувства ему в лицо и накричала на него.

Мне было одиноко.

Совершенно, мать его, одиноко, и по какой-то причине это до чертиков выводило меня из себя. Я или превращалась в злобную суку или оставалась такой оцепеневшей ко всему, что почти не разговаривала.

И оттолкнула Таннера.

А это означало, что я оттолкнула и Сэмми.

Но мне совершенно этого не хотелось.

Я собиралась навестить Таннера и поговорить с ним, но он был не готов, и мне не хотелось добивать его. Поэтому и решила подождать, когда он сам решит поговорить со мной.

Если этот момент когда-либо наступит.

По крайней мере, доктор ненадолго отвлек мое внимание и занял на некоторое время.

Он приехал и опрашивал меня в течение часа. Доктор Ройстер, годившийся мне в дедушки, не задал ни единого вопроса о моем самочувствии. Он перешел сразу к делу и спросил о моих воспоминаниях. Я рассказала ему о Никки.

— Каждый случай травмы мозга уникален, — сказал доктор Ройстер. — Особенно те, после которых теряют память. — В конце он рассказал, что мне мог помочь тот,

кто меня знал. Кто-то, с кем я очень много общалась, этот человек мог бы рассказать о моей жизни и провести надо мной своего рода «процесс ментального экзорцизма».

Поле его ухода я пошла на кухню, чтобы поговорить с Надин.

— Как все прошло? — спросила она, продолжив разбрызгивать чистящее средство на столешницы и протирать их тряпкой.

— Собственно, если бы он давал мне шанс на нормальную жизнь, то получилось бы пятьдесят на пятьдесят, — ответила я и села на один из высоких барных стульев. Средство имело тошнотворный запах смеси уксуса и отбеливателя. — Он

хотел, чтобы я нашла того, кто напомним мне о моей жизни. Покажет мои любимые места, — я наклонилась вперед и прикусила нижнюю губу. — Что скажешь?

Надин улыбнулась.

— Малышка, я бы с удовольствием помогла тебе, но не думаю, что приготовление завтрака и стирка белья на самом деле поможет вернуть тебе память. Если хочешь поговорить с человеком, который знал тебя лучше всего, то тебе стоит поговорить с... — она замолчала и повесила тряпку на кран в раковине, а ладонями оперлась о столешницу. Взгляд был устремлен в окно, словно Надин что-то вспоминала.

— Никки? — предположила я.

— Кто рассказал тебе о ней? —

спросила она, фокусируясь на мне.

Я пожала плечами:

— Думаю, мама упоминала о том, что она была моей лучшей подругой и *плохо на меня влияла*.

— Никки значила намного больше, — сказала Надин. — Она была тебе почти сестрой. Вы двое все делали вместе.

— Включая побег? — спросила я. — Да?

Надин отвернулась, задумавшись, а затем вновь повернулась ко мне.

— Возможно, ты последовала за ней. Но никогда не убегала

самостоятельно. Ты бы не бросила ни Сэмюеля, ни Таннера. И меня тоже. Это я знаю, — она щелкнула меня по кончику носа. — Таннер. Вот с кем тебе нужно поговорить. Кроме Никки, только с ним отношения были крепче, чем крышка на банке с огурчиками.

— Наверное, я упустила свой шанс. Он приходил поговорить со мной и разозлился. Я накричала на него и не проявила понимание.

Надин покачала головой и улыбнулась.

— Девочка, нет ничего, что этот парень не простил бы тебе. Иди и найди его. Я уверена, что он поможет, — Надин прогнала меня со

стула. — А теперь уходи, мне нужно помыть здесь полы. Тот, кто решил, что темные деревянные полы — хороший вариант для напольного покрытия, был дьяволом во плоти, потому что требуется чертова уйма времени, чтобы держать их в чистоте.

Таннер жил в двух кварталах от нас. Надин указала мне правильное направление. Но мои ноги знали к нему путь так же, как и к лодочному домику.

Крупная женщина с пухлыми щеками и ярко-красной помадой на губах открыла дверь и сообщила мне, что я только что разминулась с Таннером.

Почувствовав поражение, я вернулась обратно, но не была готова войти в дом. Поэтому опять побрела к заброшенному лодочному домику. Взяла обувь в руки, позволив стопам утонуть в рыхлом песке. Обогнула мангровые заросли и сразу заметила Таннера, сидевшего на пирсе и опустившего ноги в воду. На нем была простая белая футболка и голубые баскетбольные шорты. Казалось, что он потерялся в собственных мыслях, сфокусировавшись на одетых на его ногах вьетнамках.

— Эй, — произнесла я, приблизившись к нему. — Где Сэмми?

Он поднял голову и прикрыл глаза от солнца.

— Эй. Он с моими родителями в клубе. Танцуют кадрили в паре «дедушка-внук», — рассмеялся он, но смех казался натянутым, а улыбка так и не коснулась глаз.

— Место свободно? — спросила я.

— Только для тебя, — мягко ответил Таннер и подвинулся в сторону, чтобы освободить для меня место.

Я села рядом с ним, посмотрела на воду и начала нервно сжимать руки на коленях, потому что не могла решиться и задать вопрос. Слава Богу, Таннер начал первым.

— Это было наше место. Мы проводили здесь много времени, ловили рыбу с лодки или наблюдали за бурей. Ты плакала неделю, когда твой отец сказал, что здесь опасно, и захотел снести домик.

— Он не кажется человеком, который делал бы что-то только для того, чтобы расстроить меня.

— О, нет, конечно, — согласился Таннер.

— Тогда почему он все еще здесь?

Таннер улыбнулся.

— Сенатору не важны эмоции, имеют значение лишь причины и соблюдение законов. — Он рассмеялся, и его яркие карие глаза

загорелись. — Как бы мне хотелось, чтобы ты вспомнила его лицо, когда передала ему распечатанные результаты исследования. И доказала, что лодочный домик не находился на его территории, поэтому фактически он не имел права сносить его. Я думал, что он потеряет сознание. А потом ты проинформировала его, что заполнила документы на признание домика историческим объектом. Думаю, это был единственный раз, когда я слышал его настоящий смех. Он выглядел почти... гордым за тебя.

— Поэтому лодочный домик все еще стоит, — ответила я.

— Да, твой отец укрепил стены стальным каркасом, чтобы он не

упал на нас. — Таннер повернулся ко мне лицом и закинул одну ногу на пристань, опустив подбородок на колено. — Благодаря тебе.

— Значит, он все же не так плох.

Но для меня было очевидно обратное.

— Послушай, — начала я. — Хотела сказать, что мне...

— Нет, Рэй. Это мне должно быть стыдно. Я накричал на тебя, — Таннер покачал головой. — Никогда прежде не повышал на тебя голос. Я так разозлился на себя, что ушел тогда из твоего дома. Мне нужно было проявить сочувствие. Тебе нужен был друг, а вместо этого я вывалил на тебя все свое дерьмо.

— Нет, мне жаль. Это тяжело для тебя. Я попыталась защититься, но это не помогло.

— Ну, тогда все в порядке, — ответил Таннер. — Мы оба сожалеем.

— Да, — признала я.

— Так куда пойдём в первую очередь? — спросил Таннер, поднявшись и протянув мне руку.

— А?

— Я пришел в твой дом и наткнулся на Надин, а она рассказала, что тебе нужен ментальный экзорцист, — он указал на себя большими пальцами обеих рук. — Готов им быть.

— Ты не обязан это делать, —

схватив его за руку, мне удалось подняться. Теперь настала моя очередь прикрывать глаза от солнца, когда я посмотрела на него.

— Точно знаю, куда нам нужно сходить в первую очередь, — сказал он. Я отстранилась от него, но наши руки были переплетены. — Прости, — сказал Таннер и отпустил. — Не могу обещать, что подобные вещи не повторятся. Это больше похоже на привычку. Но обещаю понять, если ты будешь против.

— Может, это не... — начала я.

— Оденься удобно. Встретимся на твоём крыльце через двадцать минут! — сказал он, повернулся и убежал. Привязанность Таннера не

несла угрозу. По факту, мне немного понравилось чувствовать его руку на своей. Он мне нравился, и было приятно знать, что пока я отсутствовала и переживала, что никто меня не искал, и всем было плевать, Таннер был здесь один и скучал.

С нашим сыном.

Глава 11

Доу

Вся одежда в гардеробной Доу, *моем* шкафу, была светлого цвета. За секционной двойной дверью я нашла море белого, желтого и розового. В основном это были пляжные платья, юбочные костюмы в стиле Джеки Кеннеди и блузки на пуговицах до самой шеи. Все выглядело не настолько ужасно. Наоборот, даже казалось прекрасным. Немного консервативным, но отличным. Однако я хотела одежду, которая осталась у Кинга. Черные майки, приталенные джинсы и вьетнамки.

Все выбрал и купил для меня Преппи.

Это было еще одной причиной, по которой я так сильно ее любила.

Пальцами пробежалась по совершенно другой ткани, и мне стало интересно, как за несколько месяцев мой вкус мог так кардинально измениться. Возможно, мне всегда нравилась моя удобная одежда, но я просто ничего о ней не помнила.

Наверное, я потеряла память, но разбудила в себе смелость.

Немного порывшись в шкафу, нашла себе пару удобных вещей, приняла быстрый душ и надела пару черных конверсов, черную футболку

с V-образным вырезом и обрезанные джинсовые шорты. С Таннером мы встретились на крыльце дома, как и договорились. Он подъехал на новенькой модели черного блестящего грузовичка с хромированными деталями. Что бы ни сделали с машиной, она казалась выше, чем остальные внедорожники, и это натолкнуло меня на мысль о другом черном грузовике фермерского типа из шестидесятых или семидесятых годов, и о мужчине, который так красиво смотрелся за его рулем.

— Мамочка! — прокричал Сэмми с заднего сидения, вернув меня обратно в настоящее, и мое

сердце ухнуло вниз.

— Давай создадим воспоминания! — сказал Таннер, обошел грузовик и открыл для меня дверь.

Все полчаса нашей поездки Сэмми болтал без умолку. Меня поразила выдержка Таннера, особенно когда сын издал высокий визг, который можно было бы описать как крик птеродактиля, а он лишь засмеялся и пожал плечами.

— Сэмми делает так, когда расстроен, — Таннер поджал губы. — И когда счастлив, и когда грустит, и когда... он постоянно так делает, — прозвучало признание. Мы свернули к выезду с указателем

Резервация индейцев. Проехали под знаком из согнутых веток с названием места «Веселый парк аллигаторов». Когда Таннер вытащил Сэмми из машины, он завизжал от восторга и побежал через ворота в ту же минуту, как только его маленькие ножки коснулись земли.

Мы водили Сэмми вдоль всех вольеров. Таннер поведал мне о том, что мы делали это и раньше. Рассказал мои истории. О фламинго и черепахах. Говорил обо всем, что могло бы связать мое прошлое и настоящее, вызвать воспоминания. Большую часть времени я просто улыбалась, кивала и наблюдала за наматывающим вокруг нас круги

энергичным малышом, который был моим сыном.

На ланч мы купили хот-доги в тележке и сели с ними на маленькой арене перед площадкой, где кормили аллигаторов.

Сэмми залез мне на колени.

— Мамочка, смотри! —

выкрикнул он и показал на мужчину в шортах цвета хаки и такой же рубашке с длинными рукавами и воротником, вошедшего через выстроенную вокруг маленького темного водоема ограду. — Где аллигаторы? — спросил Сэмми и засунул в рот кулачок, тем самым размазав горчицу из хот-дога по носу. Таннер потянулся и вытер его лицо

салфеткой.

— Следи за водоемом, малыш,
— сказал Таннер, показав на воду. Тренер привязал кусок мяса к веревке на длинной палке, и примерно двадцать зрителей затихли. Он помахал палкой над водой так, что веревка с мясом начала качаться в воздухе. Менее чем через секунду, несколько аллигаторов появилось на поверхности воды, они плескались и барахтались в попытках залезть друг на друга и добраться до мяса. Удалось это самой крупной рептилии, которая сжала свои челюсти на куске мяса, оторвала веревку и исчезла под водой так же быстро, как и появилась. Таннер и

Сэмми хлопали в ладоши и радовались вместе с остальными зрителями, но у меня от этого шоу по коже побежали мурашки. Тренер провоцировал зверей, которых держал в плену.

Это ощущалось чем-то *неправильным*.

В мире и так было полно проблем. Зачем искать их, размахивая приманкой перед голодной тварью с острыми зубами?

Таннер толкнул меня локтем.

— Кормежка никогда не была твоей любимой частью.

Или это не изменилось, или Рэй была отличной лгуньей.

Я пожала плечами и посмотрела

вниз на Сэмми, который все еще сидел у меня на коленях и хлопал так сильно, что ладошки часто не попадали в такт, поэтому он бил себя по пухленьким ручкам. Сэмми обернулся ко мне и улыбнулся. Горчица засохла в уголках его рта. Мне было без разницы, что от нее оставался неприятный запах во рту, если от этого Сэмми улыбался вот так, то и я ничего не имела против.

— Нее, оно потрясное.

На обратной дороге к машине Сэмми шел между нами и держался за наши руки. Мы раскачивали его как маятник, и от восторженных визгов мой желудок делал небольшое сальто каждый раз, когда я понимала,

что эта улыбка — результат моих стараний.

Наших стараний.

— Знаешь, здесь мы впервые поцеловались. Прямо на парковке. На самом деле, у нас не было денег, чтобы войти в сам парк, поэтому мы разместились здесь на пледе на траве у забора и смотрели одно из шоу, пока нас не прогнала охрана, — сказал Таннер и прищурил глаза, когда низкое облако открыло солнце.

— Правда? — я осматривала стоянку с семьями, разыскивая хоть что-то знакомое, способное поставить кусочек пазла на место.

Но ничего такого не увидела.

Маленькие ножки Сэмми

слишком устали, и Таннер поднял его и понес на плечах до конца парковки. Таннер попытался взять меня за руку, но я уже увидела грузовик. Ребята сияли от счастья, когда рассказывали о своих любимых моментах этого дня. Мне не хотелось портить его, поэтому я не вырвала руку и не стала напоминать Таннеру, что девушка, которую он любил, больше ему не принадлежит. Оставшиеся двадцать с чем-то футов я позволила Таннеру держать меня за руку.

Но все это время думала о Кинге.

И была удивлена, когда Таннер проехал мимо моего дома и подъехал к дорожке розового, словно

фламинго, дома его родителей.

— Что ты делаешь? — спросила я, пока Таннер продолжал въезжать на подъездную дорожку заднего двора дома.

— Я живу в домике у бассейна за домом, — объяснил Таннер.

— Нет, почему ты не высадил меня?

— Подумал, что ты захочешь искупать Сэмми, почитать ему на ночь и помочь мне уложить его спать, — сказал Таннер, припарковав грузовик возле маленькой версии большого дома. Окна грузовика были лишь немногим ниже крыши.

Правда была в том, что я хотела сделать все это и даже больше. Мне

не нужно было много времени на осознание желания оставить Сэмми со мной. Укладывать его в моей комнате, будить по утрам и укачивать перед сном.

Но я не собиралась давить. Потому что еще оставалась девушкой с травмированным мозгом. Никто не доверил бы мне его, ведь я даже не помнила, что у меня есть ребенок. Но мне и не нужно помнить, кем я прихожусь Сэмми, чтобы на самом деле стать ему мамой.

Он помнил меня. Я посмотрела в зеркало заднего вида и увидела в глазах Сэмми свое отражение, в тот момент пришло понимание, что нет ничего важнее, чем быть для этого

мальчика тем, кем он меня хотел видеть.

Кем мне самой хотелось быть.

— Даааааааа, — согласился Сэмми, расположившись в своем детском сидении. — Сссказззкууу.

— Значит, я искупаю его и почитаю на ночь. — Не буду спорить, даже если бы и хотела.

Но не хотела.

— Приятно видеть твою улыбку, — сказал Таннер, обошел машину и открыл пассажирскую дверь.

Внутри домик у бассейна напоминал комнату отеля, кровать стояла прямо в гостиной. Маленькое пространство главной комнаты было разделено стеной, чтобы сделать

комнату для Сэмми.

Таннер набрал воды в ванную, и поначалу я стояла там и чувствовала себя беспомощной и ненужной, даже не знала, куда деть руки. Но вдруг Сэмми бросил в меня мочалку, капли с которой попали мне в лицо, после этого я взяла ее и подошла к ванной. Опустилась перед ним на колени, и буквально за секунду все встало на свои места. Я помыла его, словно делала это раньше не меньше тысячи раз.

Потому что я делала это раньше тысячи раз.

После купания я одела Сэмми в пижаму, которую приготовил Таннер, и мальчик взобрался мне на колени,

пока слушал историю «Леопардик Ларри изучает свои пятна» доктора Нелленбаха. Он уснул, опустив голову мне на плечо, и я отнесла его в другой конец комнаты и уложила в низкую кровать с перилами по бокам, чтобы Сэмми не выпал во сне. Уже собралась уходить, когда тихий голос сына вернул меня в комнату.

— Мамочка? — позвал он.

— Я здесь, — ответила ему, опустившись на колени перед кроватью.

— Мамочка, а песенку про солнышко? — спросил Сэмми, засунув большой палец в рот и зевнув. — Песенка про солнышко, когда мне нужно идти спать.

Я открыла рот, чтобы сказать, что не знала, о какой песне он говорил, но вместо этого с моих губ слетели слова песни. Под мое пение Сэмми закрыл глаза и мычал в такт.

*Ты мое солнышко, мое
единственное солнышко,*

*Ты меня радуешь, когда сереет
облачко,*

*Ты никогда не узнаешь,
солнышко, как сильно я тебя люблю,*

*Пожалуйста, не отнимайте у
меня мое солнышко.*

Когда я закончила, Сэмми открыл глаза.

— Мамочка, обнимешь меня? — он поднял маленькое одеяльце.

Это было предложение, от

которого я не смогла отказаться. Села на матрас и взяла Сэмми на руки. Оперлась спиной в изголовье кровати и укачивала его, накинув одеяло на нас обоих.

Долгое время я просто сидела там и вдыхала запах его волос. Впитывала ощущение от его мягких пухленьких пальчиков, с которыми неосознанно играла. Меня накрыло умиротворение, которого я не испытывала с момента ухода Кинга. Эти чувства к Сэмми были самыми захватывающими и знакомыми моему сердцу. Словно каждая часть меня принадлежала ему. Как будто все причины, по которым я ходила по земле, заключались в том, чтобы

быть его матерью.

— Мамочка, — произнес Сэмми, прижавшись к моей груди. — Я так сильно люблю тебя.

Мне пришлось прикрыть рот ладонью, чтобы не дать вырваться появившемуся из ниоткуда рыданию. Убрала волосы с его глаз и наклонилась поцеловать в лобик.

— Я тоже люблю тебя, малыш. Сильно-сильно, — ответила ему.

И я любила.

Возможно, мой мозг и забыл его, но сердце помнило.

Я долго сидела там и обнимала сына. Намного дольше того момента, когда его дыхание выровнялось, и стало понятно, что он уснул.

Осторожно вылезла, потому что старалась его не разбудить. Когда я ногами коснулись пола, Сэмми заерзал, заставив меня замереть до того момента, пока он не перекатился на живот и закинул руки над головой.

Сын крепко спал.

Я посмотрела на него и тихо вышла из комнаты, но наткнулась на стоявшего в дверях Таннера.

— Ты был здесь все это время?
— прошептала я.

— Ага, — признался Таннер и отступил на шаг, дав тем самым мне пройти. Он закрыл дверь. — Не мог оторвать от вас глаз. Чтение, купание — даже подумать не мог, что увижу

ЭТО СНОВА.

— Это было... удивительно, — прошептала я.

Таннер улыбнулся и плюхнулся на кушетку.

— Его комната в твоём доме больше, но после того, как я построил этот домик, он живет со мной. Но должен признаться, что иногда его купает моя мама, — он похлопал по месту на диване рядом с собой. — За эти несколько месяцев мама с папой ужасно избаловали его.

— Две комнаты в двух домах, — сказала я, но не сдвинулась с места.

— Он ночевал со мной пару раз в неделю, — сказал Таннер и снова похлопал по дивану, предложив мне

присесть. Я опустилась, но на противоположный край дивана у подлокотника.

— Я не кусаюсь, Рэй, — засмеялся Таннер.

Мне нужно было расслабиться, но я собиралась кое-что сказать и не могла предвидеть его реакцию.

— Не хочу спешить, Таннер. Знаю, что не помню его как своего сына. Но чувствую его. Он же часть меня. Я это знаю. — Пауза. Я начала с причин, по которым Таннер не должен разрешить мне желаемое, поэтому продолжить не решилась.

Но все же закрыла глаза, сделала глубокий вдох и выдала на одном дыхании:

— Хочу проводить с Сэмми как можно больше времени. Думаю, ему тоже этого хочется, — я отвернулась и приготовилась к отказу.

Таннер хмыкнул.

— Ты его мама, Рэй. Тебе не нужно мое разрешение, чтобы проводить с ним время, — он вытянул руку на спинке дивана. — Давай не будем спешить. Вы с Сэмми можете видеться чаще, но будет лучше, если делать это постепенно. Ему было тяжело без тебя, поэтому мне не хочется толкать его во что-либо очень резко.

Я почувствовала, как загорелось мое лицо. Было приятно снова улыбаться.

— Спасибо, правда. Это было бы здорово, — вздохнула я с облегчением. — Могу попросить еще об одном?

— О чем угодно, — ответил Таннер, и по блеску в его глазах стало понятно, что именно он имел в виду.

— Если мы встречались, то почему не жили вместе? С Сэмми? Между нашими домами меньше мили, и это кажется немного странным, не находишь?

— Знаю, что сейчас так не делают, но после рождения Сэмми мы решили сделать все правильно и подождать до выпускного, как и планировали изначально, — Таннер

рассмеялся и сморщил нос. — На самом деле, это ты решила, что нам стоит подождать. Не буду врать, я пытался переубедить тебя огромное количество раз. Но получилось так, как получилось. Мы собирались съехаться после... — он замолчал и хлопнул себя по бедру. — Не важно, мне не стоило это говорить. Просто забудь.

— Нет, скажи мне. Ты обещал помочь, рассказать все о моей жизни, не забыл? — напредила я ему.

Таннер встал и пошел на кухню. Открыл один из ящичков и что-то вытащил оттуда. Спрятав это в своих руках, он вернулся и сел на диван, но на этот раз прижавшись бедром к

моему.

Он убрал руку, и я увидела маленькую коробочку.

— Мы не собирались съезжаться, пока не... — Чистая паника. Вот что я почувствовала, когда Таннер открыл крышку и показал золотое кольцо с маленьким круглым алмазом.

Еще несколько воспоминаний появилось в моем сознании. И одно из них сбило меня с ног, словно вышедший из-под контроля автобус.

* * *

15 лет

Таннер болен. По-настоящему.

Все хуже, чем он позволяет увидеть. Темные круги под его глазами разбивают мое сердце. Радостный оттенок розовой рубашки-поло не помогает улучшить настроение перед тем, что он собирается мне сказать.

Таннер подходит к краю моей кровати и садится, но морщится от соприкосновения с мягким матрасом. Он — ходячий сгусток боли, и это продолжается уже долгое время. Не имеет значения, сколько раз я спрашивала о его состоянии, каждый раз он отмахивается от меня и говорит, что в порядке. Но больше нельзя это игнорировать. Он пришел все выяснить, но я не знаю,

выдержит ли это мое сердце.

— Ты же знаешь, что некоторое время я болею, — начинает он, тянется к моей руке и переплетает наши пальцы. Держаться за руки для нас естественно. Мы делаем это с тех пор, как нам исполнилось пять лет. Мой лучший друг. Он и Никки. И всегда ими были. Играли в свадьбу в лодочном домике, когда были младше. По желанию Таннера Никки всегда была священником, а мы с ним — женихом и невестой.

— Ты такой властный. Всегда указываешь, что нам делать. Это нечестно, — всегда говорила ему Никки. — Почему я никогда не была невестой мистера Делайте-как-я-

сказал? — ныла она.

— Потому что, — отвечал Таннер, — мы с Рэй по-настоящему когда-нибудь поженимся.

Он всегда был уверен в нашем совместном будущем. Только его уверенность сдерживает меня от признания, что для меня он всего лишь друг. Но и это ложь, потому что несмотря на то, что я и не любила его как жена мужа, или девушка любила бы парня, но мы с Таннером были настолько близки, что он на самом деле является для меня не просто другом.

И я на самом деле люблю его.

Он — моя семья.

Мой мир.

Он и Никки.

Я всегда думала, что мне стоило начать чувствовать к нему то же, что он чувствует ко мне. У нас есть время. Мы еще молоды.

У нас вся жизнь впереди...

С недавних пор все разговоры Таннера о будущем прекратились.

— Да, конечно, я знаю, что ты болен и проходишь лечение, верно? Тебе становится лучше. — Прежде, чем слова слетают с моих губ, я уже знаю, что это неправда, и мысленно надеюсь, что он продолжит лгать, как делал на протяжении последних несколько месяцев. Что ему становится лучше. И все будет в порядке.

Я не вижу в его глазах ни единого признака, что услышу новость о том, что он чудесным образом идет на поправку, но эта надежда умирает прямо передо мной.

— Рэй, лечение мне больше не помогает.

У меня было такое чувство, словно кто-то ударил меня в живот.

Точнее в сердце.

— Но ведь они могут предложить что-то иное, так ведь? Какое-нибудь другое лечение? Вот, — говорю я, хватая ноутбук с тумбочки и открывая его. — Давай поищем в интернете то, что еще можно попробовать. Может, из

восточной медицины или холистической. — Мои пальцы летали по клавиатуре, пока я пыталась найти что-то, чего не существовало. Таннер, возможно, и прекратил мне врать, но я не перестала лгать самой себе.

— Рэй, — мягко произнес Таннер, закрыл мой ноутбук и приподнял подбородок, чтобы я посмотрела ему в глаза. — Других вариантов нет. Поверь мне, они испробовали все. — Таннер лежал в больнице несметное количество раз с тех пор, как заболел этой болезнью. В какой-то момент он практически перестал находиться дома, потому что летал с родителями по всей стране в

поисках специалистов. — Но у нас есть время. Нет ничего, что они могут для меня сделать, но развитие болезни не такое быстрое. Я не доживу до выпускного, они дают мне полгода или год. Возможно и больше.

Полгода. Год. Еще один день рождения с Таннером и Рождество. Нам по пятнадцать. Жизнь не должна заканчиваться в этом возрасте. Она должна только начинаться. Так много вещей, которые Таннер не узнает. Выпускной бал. Окончание школы. Дети.

У нас вся жизнь впереди...

Раньше я думала, что вся жизнь

— это больше, чем шесть месяцев.
Или год.

— Времени нет абсолютно, — звучит признание, горячие слезы выступают на глазах и стекают по щекам. Таннер наклоняется и стирает их. Его глаза, возможно, и потеряли надежду, но в них все еще теплилась жизнь. Не будет никаких кареглазых малышей с кудряшками, которые назовут его «папочка».

— Кажется, меня сейчас стошнит, — говорю я и поднимаюсь с кровати. Мне с трудом удается успеть в ванную прежде, чем содержимое моего желудка выплескивается в унитаз. Меня выворачивает до тех пор, пока

ничего не остается.

В тот момент, наклонившись над унитазом, я даю обещание, что выжму максимум из оставшегося у нас времени. Сделаю все возможное, чтобы перед тем, как уйти, Таннер прочувствовал всю гамму ощущений. Затем смываю воду и чищу зубы. Я возвращаюсь в комнату, где Таннер опирается на изголовье и смотрит в окно. Там собираются тучи, закрывая солнце и бросая страшную тень на его тело.

— Как ты чувствуешь себя в данный момент? — спрашиваю я и подхожу к нему. — Физически.

— Сегодня утром мне дали какое-то лекарство. Сначала было

больно, но сейчас уже гораздо лучше. Если бы я не знал, что через год стану кормом для червей, то было бы вообще прекрасно, — он дарит мне слабую улыбку, но я морщусь от его слов, потому что это ложь, но моя решимость дать ему все за оставшееся время настолько сильна, что позволяет сосредоточиться на сидящем на моей кровати кудрявом парне. — Ты в порядке? — спрашивает он меня, чем вызывает мой смех.

— Ты спрашиваешь, все ли у меня в порядке? — фыркаю я.

Таннер, наконец, улавливает юмор в моем вопросе и тоже начинает смеяться.

— Ага, кажется, так и есть.

Именно его улыбка годами вытаскивала меня из каждой неприятности, в которую я попадала, и несмотря на то, что ситуация в моей семье была далека от идеальной, Таннер всегда заставлял меня почувствовать себя самой счастливой девушкой на свете.

— Можно кое-что попробовать? — спрашиваю я. Он смотрит на меня и приподнимает бровь.

— Конечно. Что именно?

Я не отвечаю. Вместо этого стягиваю футболку через голову и расстегиваю лифчик.

— Что ты делаешь? — шепчет он, его глаза широко распахиваются, пока он впервые в жизни рассматривает мою голую грудь.

— Скажи, если тебе станет больно, — произношу я и стягиваю джинсовые шорты вниз, оставаясь лишь в хлопковых трусиках.

— Рэй, ты не должна этого делать. Я не хочу, чтобы ты занималась сексом со мной только потому, что испытываешь жалость. Такой секс мне от тебя не нужен.

— Жалость? — я рычу в ответ настолько громко, что в доме могут услышать. — Секс из жалости? — повторяю я шепотом. — Таннер

Редмонд, это не секс из жалости. Это называется брать от жизни максимум. — Я сажусь на него и ищу признаки боли на его лице. Их нет. Хватаю Таннера за запястья и кладу его ладони на свою грудь.

— Я не хочу делать это вот так, Рэй, — говорит он, но кое-что затвердевшее в его штанах говорит об обратном. Это читается на моем лице. — Нет, я хочу. Конечно, бл*дь, хочу. — Таннер никогда не ругается, но в его голосе звучит возбуждение. — Перекатись. — Помогает мне лечь на спину, встает и снимает рубашку. Его некогда мускулистое и загорелое тело изменилось, осталась бледная кожа на выпирающих

костях. Но он все еще красив для меня.

И всегда будет таким.

Поднимаю бедра и стягиваю трусики. Его боксеры натягиваются, пока он смотрит на меня.

— Под одеяло, — произносит он. Я ерзаю и залезаю под одеяло. Он стягивает боксеры по ногам и приподнимает одеяло, чтобы присоединиться ко мне. Я раздвигаю ноги, и он ложится на меня, вжимаясь эрекцией в мой живот.

Впервые в жизни мы так соприкасаемся.

— Нервничаешь? — спрашивает Таннер. Наверное, он чувствует, как быстро, словно молот, бьется мое

сердце. Потому что я чувствую то же самое у него.

— Нет, — лгу я.

— И я, — лжет он.

Таннер целует меня, и через несколько долгих минут медленно входит в меня своим членом. Сначала я чувствую дискомфорт. Небольшой укол боли, которая быстро исчезает. Не очень приятное ощущение, но меня радует, что мы разделили его именно с Таннером.

Все заканчивается через несколько минут. Он падает на меня сверху и целует в шею.

— Я люблю тебя, Рэй. Так сильно люблю тебя, что мне становится больно.

Это и было очень больно.

Безумно.

— Святое дерьмо!

От неожиданности я закрываю рот руками.

— Что? Ты что-то вспомнила?

— спросил Таннер и в поисках ответа посмотрел в мои глаза.

Я медленно кивнула, не в силах объяснить ему то, что только что пережила.

Он схватил меня за плечи и встряхнул в попытке узнать ответ.

— Рэй! Что ты узнала? Что? Скажи мне!

— Я только что увидела...

— Что? Что это было?

— Я только что вспомнила...

что люблю тебя.

Глава 12

Кинг

Я сначала услышал Медведя, а только потом увидел. Его приглушенный крик пронзил воздух, легкий ветер пронес его над озером и бросил мне в лицо так, словно он стоял рядом и орал на меня.

В одном из домиков Преппи в лесу мне удалось найти именно то, что было нужно.

«Центр снабжения на случай зомби Апокалипсиса», — поправил Преппи.

Я даже нашел заряженный одноразовый телефон в сарае, но

когда позвонил в МК и попросил позвать отца Медведя, подошедший к трубке парень сказал, что Чоп не отвечает на звонки. А когда набрал его личный номер, звонок тут же был перенаправлен на голосовую почту. Затем начал звонить каждому члену МК Медведя, чей номер смог вспомнить, но как только они узнавали меня, то сразу вешали трубку, не дав даже возможности объяснить, что Медведь был в беде.

Я оставлял голосовые сообщения. И отправлял их.

Ничего.

Члены МК «Пляжные Ублюдки», за исключением Медведя, заняли первое место в моем списке

долбое*ов, которых стоило обучить манерам.

Уважению.

Долбаному братству.

«Нам не нужны эти отбросы, босс», — вмешался Преппи. — «Мы сами разберемся. Ну, разобрались бы, если бы у меня был пистолет, тело или долбаная жизнь. Вот тогда бы мы точно разобрались».

— Но тебе, мать твою, нужно было умереть, — зашипел я, продолжив злиться на Преппи из-за его отсутствия, и на себя за то, что разговаривал вслух со своим мертвым другом, который выводил меня из себя фактом своей, бл*дь, смерти.

Я собрал в сумку все, что только можно. Поднял ее над головой и по воде начал пробираться обратно, постаравшись держаться поближе к берегу, потому что, несмотря на темноту, центр водоема всегда подсвечивался, потому что отражал свет от луны и звезд.

Я выбрался в лес и не мог не заметить отблески костра высотой почти с дом. Крик Медведя вновь пронзил воздух. Мне, наконец, удалось его увидеть и осознать то, что они делали с ним, и это было гораздо хуже моих предположений.

Он был привязан в нескольких местах. Одна веревка прижимала его руки к бокам. Вторая был обвязана

вокруг головы, а ее концы запихнули в рот в качестве кляпа. Медведь так сильно впивался в нее зубами, что почти сомкнул челюсть. Слезы боли стекали по его лицу. Он лежал на животе поперек нескольких поставленных в ряд стульев. Его штаны были спущены до лодыжек, задница вздернута вверх. Люди Эли стояли позади и толкали в него какую-то деревяшку. Они смеялись над каждым его криком. Один из них удерживал ягодицы Медведя раскрытыми, пока второй жестко вводил и выводил этот предмет.

Эли сидел рядом в одном из стоявших вокруг ямы складных кресел, в которых обычно на

вечеринках отдыхали байкеры. Он откинул голову на скрещенные руки, вытянул ноги перед собой и закинул их на кирпичное ограждение перед ямой.

Эли словно слушал оперу и наслаждался чем-то прекрасным и чудесным, хотя внимательно наблюдал за жестокой сценой, происходившей перед его широко распахнутыми глазами. Я так сильно сжал кулаки, что захрустели кости. Это издевательство продолжалось, а еще один парень веселился, посыпая спину Медведя тлеющими ярко-оранжевыми углями.

Лысый ублюдок с
вытатуированной на голове

свастикой вытащил член из штанов и сделал шаг к Медведю, его голова теперь свисала так низко, что почти касалась подбородком травы. Мужчина вынул веревку изо рта Медведя и дернул его за волосы, подняв голову. Затем сжал член у основания и провел по губам Медведя. Скорее всего, он потерял сознание, потому что даже не пошевелился. И только когда ублюдок насильно втолкнул свой член в рот Медведя, я понял, что мой друг не только был в сознании, но и приготовился сражаться. Его глаза распахнулись, и парень, держась за свой пах, с криком отпрянул от Медведя и попытался остановить

кровь, которая струилась сквозь его пальцы.

Медведь выплюнул то, что осталось от члена этого ублюдка, и широко улыбнулся красной улыбкой, кровь стекала по его лицу.

И он рассмеялся.

Сейчас или никогда.

Я вытащил пистолет и взял гранату из сумки. Сделал глубокий вдох и очистил разум от всего, оставив лишь план действий.

Присел на корточки как можно ниже и подобрался ближе к костровой яме. Зубами вытащил чеку из гранаты и бросил ее в огонь.

Одна секунда.

Две.

Три.

ВЗРЫВ.

Костровая яма взорвалась ослепительной стеной белого света. Картина, на которой спящая в моей постели малышка обнимает меня, вспыхнула перед глазами, и я рванул в этот хаос.

К Медведю.

Прямым к возможности того, что следующим утром я окажусь именно там, где мне и место.

В аду.

Глава 13

Доу

За три недели от Кинга не было ни слова. Я начала сомневаться в том, что он когда-либо вернется за мной.

Таннер по-прежнему пытался помочь мне вернуть воспоминания о прошлом, уцепившись за мое признание о том, что я любила его еще в детстве. Мои попытки объяснить ему, что это лишь воспоминание, а не настоящее чувство, были бесполезны, потому что он расценивал это как шаг к тому, чтобы вернуть наши отношения

как пары.

— Как проходят встречи с доктором? — спросил сенатор и разрезал свой не до конца прожаренный стейк, сочившаяся из него кровь заполняла тарелку. Он обмакнул кусочек мяса в эту жидкость, прежде чем положить его в рот.

Я впервые обедала по-настоящему со своим отцом, мама опять была в «SPA», или как бы она не называла это место. Но, несмотря на уговоры моего рассерженного разума о том, что мне не стоило нервничать, я по-прежнему вытирала свои потные ладони о джинсы каждые несколько минут. Сэмми

спал на кушетке всего в нескольких футах от столовой, где мы сейчас обедали.

— Кажется, нормально. Хотя я не знаю, как это должно работать. — На самом деле доктор почти не задавал мне вопросы, а на двух сеансах и вовсе заклевал носом.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты продолжила. Нас ждет несколько торжественных мероприятий, на которых мне хотелось бы тебя видеть. Через пару недель пройдет благотворительный вечер в поддержку моей кампании. Мы принимаем гостей в доме Редмондов, родителей Таннера, — тон сенатора говорил о том, что мероприятие

больше связано с бизнесом, чем с обычной вечеринкой.

Я сморщила нос и поковырялась вилкой в своем обеде.

— Не думаю, что это хорошая идея. Предполагаю, что все присутствующие там люди должны быть мне знакомы. Разве не очевидно, что как только они заговорят со мной, я уставлюсь на них, словно у них по тридцать голов? — спросила я.

— Рэй, тебе никогда не нравилось то, чем я зарабатываю на жизнь. Ты никогда на самом деле не считала себя дочерью сенатора, — ответил мой отец и наклонился вперед. — Для тебя в порядке вещей

не знать, кем являются все те люди.

— И это поможет вернуть воспоминания. Тебе стоит пойти, — мягко вмешался Таннер.

Восстановление моей памяти — это единственная причина, по которой я соглашусь сыграть роль «послушной дочери».

— Мама тоже там будет? — спросила я.

Сенатор опустил глаза в тарелку.

— Да, она посещает все торжественные мероприятия. Это часть... соглашения.

Я фыркнула.

— Она посещает все торжественные мероприятия, а про свою собственную жизнь забывает,

— пробурчала я.

Сенатор вздохнул.

— Твоя мать... она винит меня в... ну, во всем, — ответил сенатор.

— Ей тяжело находиться рядом со мной долгое время. Это ее изматывает.

И на крохотную долю секунды я почувствовала к нему сожаление. Еще на более короткое мгновение я увидела в нем мужчину, который был абсолютно не сенатором, а обиженным мужем с несчастной женой.

Он казался почти... человеком.

Но его глаза вновь сосредоточились на моих, и он продолжил:

— Видишь ли, Рэй, когда ты была беременна Сэмюелем, мы прибегли ко всем мерам предосторожности, чтобы не дать прессе узнать о твоём «положении». И тогда я не понимал всей значимости этого так, как понимаю сейчас. Оставить все в тайне казалось лучшим вариантом. Но я всех убедил, что ты провела лето в Париже, и сейчас, после твоего «возвращения», неплохо было бы появиться на публике. Они узнали о Сэмюеле, и множество изданий уже звонили в мой офис, задавая о нём вопросы. Какой-то репортер из «Таймс» зашел так далеко, что откопал его свидетельство рождения.

Поэтому сейчас у нас есть проблема, требующая... деликатного рассмотрения.

Он промокнул губы льняной салфеткой и отложил ее на середину своей пустой тарелки.

— Ты, естественно, не помнишь, но между нами состоялся разговор о том, что будет лучше для нашей семьи. И для твоей новой семьи. — Сенатор указал на Таннера, а затем на кушетку. — Сейчас лучшее время, чем когда-либо. Тебе не нужно устраивать шоу, всего лишь визит вежливости. А также нечто узаконенное и записанное на бумаге, что позволит прессе увидеть вашу связь и Сэмми. Вам не обязательно

жить вместе, если ты не готова. Это формальность необходима для спасения моей кампании от провала.

— Ты хочешь... чтобы мы поженились? — спросила я. Моя рука крепко сжала лежавшую на моих коленях салфетку. Таннер накрыл мою руку своей под столом.

Сенатор прочистил горло.

— Если ты этого не сделаешь, то появится большая вероятность того, что я проиграю выборы, потому что кампания в значительной степени основана на ценностях консервативной семьи. Годами мной тратилось большое количество времени на обретение поддержки, потому что я лично отстаивал эти

ценности. Если ты не узаконишь свою новую маленькую семью, то я рискую стать обманщиком и подвести всех людей, чьи задницы целовал с первого дня кампании. Это может стать самым стремительным политическим падением, которое этот штат когда-либо видел.

— Не понимаю связь между моим решением и твоей кампанией. Это не твоя жизнь, а моя, — возразила я.

— Нет, конечно, не понимаешь, — ответил сенатор, сжав переносицу. — Но пойми следующее. Даже если моя кампания выживет после скандала из-за твоей подростковой беременности, то никогда не

переживет бурную интрижку с осужденным преступником, старше тебя на десять лет. Я потеряю положение раньше, чем окончится мой срок, не говоря уже о выборах, — он положил руки по обеим сторонам тарелки. — Но если ты это сделаешь, выйдешь замуж за Таннера, то им не придется копать глубже, и, возможно, имя Брэнтли Кинга не станет частью уравнения.

Вот где наши с сенатором мнения разошлись. Я не хотела ничего другого, лишь бы Брэнтли Кинг стал частью моего уравнения.

— А чего хочет Таннер? Ты даже не спросил его, — заявила я.

Таннер молча гонял пасту по

тарелке.

— Просто подумай об этом, — сказал сенатор и встал из-за стола. Он кивнул и покинул комнату без единого слова.

Таннер все еще держал меня за руку под столом. Я потянулась за водой, чтобы освободить ее. Трясущейся рукой я подняла стакан, и стекло зазвенело, ударившись о мои зубы.

Внезапно меня охватила паника, так сильно сжалось что-то в груди, и было трудно дышать, что я выронила стакан. Сжав горло руками, смотрела, как стакан отскакивает от деревянной поверхности стола и разлетается на полу на миллион

маленьких острых осколков, а вода затекает в каждую трещинку пола.

Сенатор хотел нашей с Таннером свадьбы только для того, чтобы помочь его кампании и карьере. Таннеру было это нужно, потому что он хотел начать оттуда, где мы закончили до потери мною памяти.

А чего хотела я?

Я хотела Сэмми. Хотела Кинга. Также хотела Таннера в своей жизни, но не была уверена в качестве кого хочу его видеть.

Но ничего из этого не имело значения. Потому что если я выйду замуж за Таннера, даже формально, то не было сомнений в том, что он не доживет до нашей первой

Годовщины.

С Кингом у меня была сила, воля и решительность. Мне нравилось то, кем я была с ним.

Но в доме, где я выросла, окруженная людьми, которых знала всю свою жизнь, не было понимания того, кто я.

Глава 14

Доу

Возможно из-за разговоров о свадьбе. Или из-за постоянного ощущения одиночества даже в окружении людей. Но, мать вашу, я начала теряться.

Четыре недели, и ни единого слова. Ни знака. Никаких действий от Кинга. Я расхаживала по напольному ковру в своей комнате, стирая его до дыр, пока одна безрассудная идея не пришла мне в голову.

Кинг сказал, что для нас опасно контактировать. Но если бы мне

удалось передать ему пару слов через членов МК Медведя, тогда это не связало бы меня напрямую с Кингом в глазах любого наблюдавшего за мной человека.

Я помчалась вниз по лестнице сразу же после того, как эта идея появилась в моей голове. Схватила ключи с вешалки у двери и побежала в гараж, запрыгнула в большой бежевый Лексус, который пах цветочными духами.

Этот аромат был мне знаком.

Запах, который вызывал чувство ненависти.

Я вставила ключ в зажигание и повернула. Затем замерла.

*Бл*дь, я не знаю, как водить*

машину!

Врезала кулаком по рулю, а затем от разочарования опустилась на него лбом. Почти потеряв надежду, подняла голову от руля и увидела кое-что у стены гаража. В ту же секунду я знала, что мне удастся уехать.

Когда я остановилась возле клубного дома «Пляжных Ублюдков», то задыхалась от тревоги, но не потеряла ни капли уверенности.

Спрыгнула с мопеда и позволила ему упасть в грязь. Подбежала к воротам, где у калитки на входе сидел тощий мальчуган. На его жилете огромными буквами было написано «Проспект». Нашивки с

именем не было.

— Что-то потеряла? — спросил он.

Я уперлась руками в колени, а потом подняла палец вверх, переводя дыхание.

— Нужно поговорить с Медведем, если он здесь, — пропыхтела я, — а если нет, то мне необходимо пообщаться с тем, через кого можно передать сообщение ему или Кингу.

— О, а я тебя помню. С вечеринки, которая была перед всем этим произошедшим дерьмом. Рад, что на тебе нет дыр от пуль, — он спрыгнул со своего табурета. — Жди здесь. — Парень открыл калитку и

исчез за ней.

Мне показалось, что его не было целую вечность. Хоть солнце и село, влажность окутала меня подвешенным в воздухе влажным облаком, поэтому все мое тело покрылось потом. Я выглядела так, словно мчалась сквозь грозу, но на небе не было ни облачка.

В ожидании я присела на брошенный проспектом табурет и начала пинать камешки, лежавшие под ногами. Когда он появился, на его лице застыло извиняющееся выражение. Мужчина с седой бородой — взрослая версия Медведя, только короче ростом и круглее — следовал за парнем к воротам.

Нашивка на его жилете гласила «Президент». Он поднес зажигалку к сигарете и затянулся, а после убрал ее в карман своей рубашки. Его лицо покрывали линии глубоких возрастных морщин, но веснушки под глазами невозможно было спутать ни с чем. Такие же были и у Медведя.

— Хорошо. Вы, наверное, отец Медведя. Мне нужно поговорить с ним... — я колебалась, не зная имени его отца.

— Чоп, — мужчина заполнил пробел, указав на имя на нашивке. — Ты та, кого заклеймил Кинг?

— Заклеймил? — я замерла и вспомнила, что Медведь использовал

подобный термин на пристани несколько месяцев назад. — Эм, думаю, да.

— Это из-за тебя в моем доме был открыт огонь, — сказал Чоп и языком сдвинул торчавшую из его рта зубочистку. — У нас и без твоего дерьма хватает проблем.

— Нет, это был Айзек. Он загнал нас в угол, попытавшись... — я покачала головой. — Пожалуйста, мне всего лишь нужно поговорить с Медведем, только минуту...

— Здесь его нет, — Чоп пожал плечами.

Мои плечи поникли от разочарования.

— Тогда могли бы Вы передать

мое сообщение ему или Кингу? — с надеждой спросила я.

Чоп сузил глаза, словно я только что наступила ему на ногу. Он указал на меня пальцем в обвинительном жесте.

— Как я говорил своему сыну миллион раз, Брэнтли Кинг не являлся членом МК, поэтому не моя забота.

Являлся?

Чоп обернулся и посмотрел на меня через плечо.

— Кинг мертв. Они с Медведем погибли. — И не дожидаясь моей реакции, он исчез за воротами.

Я упала на колени на гравий, пока мой мир распадался.

Преппи. Медведь.

Кинг.

Все мертвы.

Все. Мертвы.

— *Нееееет!* — взвыла я.

Проспект закурил и с жалостью посмотрел вниз на меня. Затем отвернулся и сфокусировал взгляд на пустой улице.

— Мне жаль, девочка.

Глава 15

Доу

Я больше никогда не смогу посмотреть на галстук-бабочку, мотоцикл или человека с татуировками, не задыхаясь при этом.

Только Сэмми сдерживал мое желание умереть следующей. Он стал единственной причиной, по которой мне было необходимо вставать по утрам.

Я любила сделанную Кингом татуировку на моей спине, потому что она воплощала нечто такое, что будет всегда со мной. Частичка его.

В моей голове возникла и укоренилась идея, которую я не собиралась отпускать, а, напротив, была готова сделать все для ее воплощения. Потому что впервые с момента новости о смерти Кинга маленький лучик надежды пробился через облако отчаяния.

* * *

Целую вечность я вспоминала местонахождение дома, в который меня возил Кинг, когда припарковался в ожидании встречи со своей малышкой.

Тогда мне был виден только торец дома, и я лишь смутно

помнила, где он находится. Большую часть утра заняли поиски.

Пришлось напомнить себе, что приемные дети периодически переезжали. Возможность того, что ее здесь не будет, довольно высока.

Так или иначе, но я должна была попробовать.

Мое ожидание на противоположной стороне улицы на пустом парковочном месте заняло, кажется, несколько часов на сильной жаре. Открылась входная дверь, и вышла женщина с короткой стрижкой, держа за руки двух маленьких девочек одного возраста.

Несмотря на то, что видела фото на столике Кинга всего мгновение, я

сразу узнала ее.

Макс.

Женщина повела детей в ожидавший их минивен. Я последовала за ним до дома, куда другие мужчины и женщины приводили своих детей. Едва читаемый деревянный знак, потускневший под флоридским солнцем, гласил, что место называлось «Учебная академия и детский сад Марии». У женщины, которая завела Макс внутрь, не было своих детей. Я ждала ее отъезда, чтобы сделать свой следующий шаг.

Из всех сил попыталась разгладить свою мятую юбку, но это все, что мне удалось сделать после

нескольких часов езды на мопеде. Пробежала руками по волосам и сделала глубокий вдох.

Колокольчики зазвенели, когда я вошла внутрь. Звуки смеха и детского крика заполнили воздух. Здесь пахло дезинфицирующим средством и сахаром.

— Я могу вам помочь? — спросила пухленькая женщина с выразительными глазами.

Мне удалось нацепить самую широкую и ослепительную улыбку.

Ты можешь это сделать.

— Конечно, можете. Я собираюсь посещать занятия в университете осенью и ищу хороший садик для своего сына. Хотела бы,

чтобы мне провели экскурсию по
вашему заведению, — мило сказала
я.

Женщина оценивающе меня
рассматривала, словно ждала, что я
раскрою, в чем заключалась шутка.

— Ты же сама еще ребенок, —
кратко ответила она. — И
недостаточно взрослая, чтобы иметь
своих детей, — в ее глазах светилась
мягкость и доброта.

— Мне это известно, —
согласилась я. — Так Вы покажете
мне территорию? — пришлось
продолжить мне.

Она покачала головой и
переложила бумаги на столе.

— О, мне жаль, дорогая. Марии,

директора, сейчас нет, а только она может проводить экскурсию. Это мера безопасности, а мы здесь чтим в первую очередь именно ее. — Еще одна сотрудница в такой же бирюзовой рубашке, как и женщина в приемной, вошла в зону ожидания. Она помахала, и Одри, судя по имени на бейдже, нажала на кнопку. Гудящий звук разнесся над дверью, которая соединяла маленькую зону ожидания с оставшейся частью здания. Женщина прошла через открывшуюся дверь, после чего та закрылась со щелчком.

— Видишь? — она указала на дверь. — Безопасность в первую очередь.

— О, — поникшее выражение моего лица хорошо гармонировало с опущенными плечами.

Одри продолжила объяснять:

— В это время она обычно на месте, поэтому возвращайся завтра, если хочешь. Если она не будет посещать общественные фондовые собрания и у нас не будет приемных детей, то нам придется положиться на семьи, которые могут позволить себе детский сад, — она вдохнула. — А это означает, что я потеряю работу, потому что сейчас таких немного.

Моя уверенность внезапно возросла, я наклонилась к окну и мило улыбнулась.

— Как вас зовут? — спросила я.

— Меня зовут Одри, мисс, — ответила она с милой улыбкой.

— Что ж, Одри, у вас проблемы со спонсорами, но я знаю сенатора, который может вам помочь...

Пять минут спустя я следовала за ней по детскому саду. О спонсорстве я не врала. Поговорю с сенатором и посмотрю, что можно сделать.

Просто не знала, сработает ли это.

Одри привела меня в главную комнату, заполненную низенькими кофейными столиками с такими же крошечными стульчиками возле них.

— Мы кормим их завтраком и обедом, плюс пара перекусов.

Комнаты обустроены согласно возрастным показателям. Младенцы в одной комнате, годовалые находятся в другой, и так дальше... — Одри продолжала свой рассказ, а я уже заметила Макс всего лишь в футах от того места, где стояла. Поэтому притворилась, что рассматриваю информационный стенд над столом, за которым она сидела.

— Здесь представлена информация о нашей деятельности, — сказала Одри и встала рядом со мной. — Здесь расписания уроков музыки, математики... — ее голос затихал на фоне другого.

— Ты такая красивая, — пропел тоненький миленький голосок. Я

посмотрела на знакомые ярко-зеленые глаза, которые буквально отняли у меня весь воздух. Они были такого же цвета, как у него, но если глаза Кинга были строгими и тронуты горькой реальностью жизни, которой он жил, то ее невинные глазки были лишены любого сожаления.

Я опустилась на колени перед ней.

— Спасибо. И ты тоже, — ответила я. Она захихикала, ее маленькие квадратные зубки напомнили мне о Сэмми. Она грызла кончики пальцев.

— Он мне нравится, — сказала Макс и протянула руку к браслету,

который я надела утром в попытке стать более похожей на Рэйми Прайс, увиденной мной в рамке в своей комнате.

Я указала на малюсенький пластиковый браслет на ее руке.

— Мне твой нравится больше.

Одри прочистила горло.

— Я бы хотела показать вам игровую площадку. Она модернизирована, и мы уверены, что поступаем правильно, позволяя детям минимум полчаса играть на улице, если солнце не слишком печет.

— Мне нужно идти, — сказала я Макс, после чего девочка разочаровано опустила голову. — Но

мы снова увидимся, — прошептала я, и она подняла голову и встретилась со мной глазами, такими же, как и у ее отца. Мое сердце заболело, но мне пришлось разорвать зрительный контакт, чтобы не развалиться на части прямо здесь в комнате перед Одри и тридцатью детьми.

Я встала, чтобы уйти, но она маленькой ручкой схватила меня за пальцы и потянула вниз.

— Вот, — прошептала Макс. Она сняла свой фиолетовый браслет и надела его мне на запястье.

Мое сердце взорвалось потоком тепла.

Я испытала любовь с первого взгляда, потому что уже знала о ней.

За три минуты я снова потеряла свое сердце.

Мне не хотелось уходить от нее. Было желание поднять Макс, быстро убежать и забрать их с Сэмми в дом на сваях.

Шаг за шагом, сказала я себе.

Расстегнула свой серебряный с золотом браслет. Снова опустилась перед ней на колени спиной к Одри и осторожно намотала изящный браслет на маленькое запястье Макс. Дважды.

Я не осталась, чтобы увидеть ее реакцию на мой подарок. Боялась, что если проведу с ней еще секунду, то не смогу уйти отсюда.

Встала и повернулась к Одри,

понадеявшись, что она не заметила боль в моем голосе и слезы на моих глазах.

— Теперь покажите мне эту великолепную игровую площадку, — сказала я, шмыгнув носом

Одри продолжила экскурсию, и пока я следовала за ней, спиной чувствовала наблюдавшие за мной зеленые глаза. Затем вышла за дверь на ослепительный дневной свет.

Глава 16

Доу

Когда я сказала отцу о смерти Кинга, он в первую очередь занервничал из-за того, что тот смог выбраться из тюрьмы. У меня не было ни времени, ни желания объяснять, как это произошло на самом деле, потому что мне действительно нужна была его помощь.

— Я хочу удочерить девочку Кинга, — сказала я ему, стоя перед столом, пока он что-то печатал на своем компьютере.

Сенатор закатил глаза.

— Ты лишь подросток без источника дохода. Суд не даст тебе разрешение на удочерение, — ответил он мне, щелкнув по клавиатуре.

— Ты сказал, что знаешь судью. Можешь договориться, — заявила я.

— Да, могу помочь с этим. Но это всего лишь рекомендация, Рэйми. Даже с благосклонностью судьи тебе все равно придется следовать единой процедуре. Мать-одиночка не рассматривается в качестве приемлемого заявителя.

— Тогда я это исправлю.

* * *

— Это увеличит мои шансы на удочерение, — закончила я, сидя на кушетке Таннера в домике у бассейна, пока укутанный в свое любимое одеяло Сэмми смотрел телевизор. Иногда он оборачивался и проверял мое присутствие, затем улыбался и поворачивался назад к Элмо.

— Ладно, — согласился Таннер слишком быстро.

Я покачала головой.

— Нет, Таннер. Это не так легко. У тебя есть время подумать об этом. Это формальный брак, но он тоже может повлиять на твою жизнь. Ты должен обдумать перед принятием решения, потому что в нем нет

никаких плюсов для тебя, и ты, пожалуй, должен быть сумасшедшим, чтобы согласиться на это.

Таннер помахал указательным пальцем из стороны в сторону.

— Вот поэтому тебя никогда не брали в команду по дебатам, Рэйми, — сказал Таннер. — Ты приводишь неверные доводы, — добавил он.

— Я серьезно, — ответила я. — Это все не шутки.

Таннер улыбнулся.

— Знаю. И понимаю, что мои сожаления по поводу смерти Кинга ничего не значат. — Это впервые, когда Таннер назвал его по имени.

— Спасибо. Я хочу сделать это не только для него, но и для себя.

Может, это и эгоистично, но я хочу удержать кусочек его возле себя.

— И именно поэтому я принимаю твое предложение, — сказал Таннер, — потому что хочу удержать тебя возле себя.

— Но это не будет...

Таннер поднял руку, чтобы остановить меня.

— Тебе не стоит продолжать говорить это. Я полностью понимаю. Но у меня есть условие.

— Какое? — спросила я.

Таннер закинул ногу на ногу.

— Я приму твое предложение и соглашусь жениться на тебе при условии, что ты попытаешься. Не сразу, я знаю, что ты еще скорбишь,

но в итоге мне хочется, чтобы ты попыталась и сделала этот брак настоящим. Мы вместе попытаемся. Для нас. Для Сэмми, — он потянулся и сжал мою руку. — Обещаю, что если через год ты ничего ко мне не почувствуешь, то я отойду на задний план так далеко, как только смогу, если тебе этого захочется.

— Я... — мне хотелось начать спор. Но Сэмми обернулся и улыбнулся мне. Я была готова как шлюха продать себя байкеру в обмен на защиту, так почему тогда не могу отдать частичку себя ради единственной семьи, которая у меня осталась?

— Ладно, — согласилась я. —

Но мне нужно время, Таннер. Серьезно. Не знаю, когда буду готова, — прозвучал мой ответ.

Он поцеловал тыльную сторону моей ладони и ушел на кухню за коробочкой с кольцами, которую показывал мне в день, когда мы с Сэмми ездили в парк с аллигаторами.

— Тогда это снова твое. — Он не пытался встать на одно колено. И надеть кольцо мне на палец. Просто бросил мне коробочку.

И это было самое лучшее, что Таннер мог сделать, потому что именно тогда у меня родилась настоящая надежда на то, что он на самом деле понимал, почему я

делала это. И из-за его понимания важности Макс для меня, я могла бы попытаться дать нашему браку шанс, потому что это было важно для него.

После чего я открыла коробочку и уставилась на маленький бриллиант.

— Да, мое.

Глава 17

Доу

Утром в день благотворительного приема мы с Таннером пошли в суд и подали заявление, чтобы начать процесс удочерения Макс.

Это было то же утро, когда я стала миссис Таннер Редмонд.

Мысль о том, что Сэмми и Макс будут со мной, давала мне способность дышать, несмотря на то, что внутри я умирала. Только эти двое толкали меня вперед.

Кинг сделал бы все, чтобы забрать свою дочь. Он доказал это,

отпустив меня. Теперь была моя очередь сделать это для него.

Выбор свадебного платья оказался устрашающим сам по себе. Мне не хотелось притворяться, что брак — это нечто важное. Это было не так. Я прошла мимо платьев до колен, задержавшись на мгновение на белом с закрытым верхом, но оно было слишком «свадебным», а это была не свадьба.

Лишь бумажная работа.

Бизнес.

Семейный бизнес.

Я решила пропустить все платья, и взамен им выбрала пару черных джинсов и приталенную футболку с V-образным вырезом.

Это делалось для Кинга. Я не была готова идти на поводу как послушный пони. Кингу бы понравился мой выбор одежды. Может, сенатору и удалось сдержать меня, но не усмирить.

Я не собиралась надевать белое и притворяться ангелом, будучи влюбленной в дьявола.

Существовала дикая часть меня, которая расцветала рядом с Кингом. Мне нравилось быть той, кем я была с ним. Я *знала*, кем являюсь, когда он рядом. Та часть, часть которую нельзя взять под контроль, принадлежала Кингу, и неважно, где я была, или где был он, или что каждый из нас делал, никто не

сможет отнять это у меня.

В суде я хотела только подписать бумаги. Подписи, печати. И все. Но когда мы с Таннером подписали свидетельство, то женщина за столом передала нам наши удостоверения личности, встала и отодвинула свой стул. К моему великому удивлению и ужасу она начала произносить речь.

— Берете ли вы, Таннер Редмонд...

— Стоп, — сказала я. — Мне казалось, что это будет лишь формальность.

Женщина посмотрела на меня через толстые очки так, что я почувствовала себя девятилетней девочкой.

— Мисс, церемония длится менее минуты, в штате Флорида она должна быть проведена, чтобы узаконить брак, а с учетом того, что вы хотели бы получить удостоверение сегодня... мне продолжать?

— Да, — ответила я.

Таннер взял мою руку и сжал. Я устала от его потребности убеждать меня. Мне не нужно было убеждение. Просто хотелось прекратить проходить через эту необходимость. Я кивнула, и женщина продолжила. Она была права, церемония оказалась короткой. Меньше минуты.

— Вы берете Таннера в

законные мужья... — слова были лишены романтики, но, тем не менее, это обещания. Обещания, произнесенные вслух перед клерком и любым слышавшим это. Я словно робот повторила свои обеты, произнося ложь в каждом фальшивом обещании. Чтобы усмирить желание упорхнуть отсюда и умчаться вниз по ступенькам здания суда с криками, я представила, как буду играть с дочкой Кинга. Раскачивать ее на качелях. Строить с ней домик на дереве. Затем картинка изменилась, и я стояла именно там, где стояла — в зале суда, произнося клятвы. Только давала их не Таннеру. Кингу.

И в обетах для него не было лжи. Они правдивы. Мое сердце болело, а я улыбалась, представив, что обещала любить Кинга в болезни и здравии, в горе и в радости до скончания дней.

Когда клерк произнесла: «Вы можете поцеловать невесту», я настолько прониклась своей воображаемой картинкой, что наклонилась вперед, и лишь в последнюю секунду отвернулась, поэтому Таннер поймал лишь уголок моих губ. Когда он отстранился, то улыбался, словно я на самом деле стала его женой, хотя сама испытывала лишь отвращение к его поцелую.

Затем до меня дошло.

Я на самом деле ею стала.

Должно быть, я выглядела, словно у меня сейчас случится сердечный приступ, потому что клерк продолжала спрашивать меня, все ли было в порядке

— Миссис Редмонд, вы в порядке? — я кивала и улыбалась. Таннер заплатил сорок два доллара за свидетельство и заполнение бланков. Я не произнесла больше ни слова. Не могла. Потому что если бы я ответила на ее вопрос, если бы открыла рот, то боялась, что правда сорвется с моих уст. Поэтому и молчала, пока мы выходили из здания суда и направлялись домой. Я даже не попрощалась, когда он

высадил меня у моего дома.

Я молчала, пока не осталась в своей одинокой кровати в комнате, которую не помнила, в жизни, которую не хотела, в семье, построенной на лжи. Потом перекатилась на бок и прижала подушку к лицу.

И как миллионы других невест, я плакала в день своей свадьбы.

Глава 18

Доу

Меня стошнило трижды за это утро, и, несмотря на слабость, желудок был готов вернуть миру все свое содержимое, если таковое еще осталось. Несомненно, все мое тело находится в состоянии отрицания происходящих событий.

Вечеринка для привлечения спонсорских денег проводилась на заднем дворе дома Таннера — в последнем месте, где я хотела находиться.

Сенатор чувствовал себя как

рыба в воде, пожимал всем руки, называл гостей по именам и вспоминал род деятельности каждого из присутствующих на вечеринке гостей, словно они были лучшими друзьями. Бассейн Олимпийского размера покрыли органическим стеклом для создания иллюзии хождения по воде.

Как уместно, подумала я, увидев отца по другую сторону бассейна.

Мама стояла у бара в компании нескольких женщин, одетых в летние платья различных оттенков, у всех были массивные украшения, а их волосы были заплетены во французские косы. Они даже не пытались притворяться трезвыми.

Как и отец, они играли свои идеально отрепетированные роли в мире политиков. Я поняла, что моя мать в совершенстве овладела искусством того, как правильно подать себя публике, будучи нетрезвой.

Мой девятый день рождения. Мама идет по двору в своем голубом платье с низким вырезом и спотыкается на золотых каблуках. В ее руке бокал вина, когда она прямо на наших глазах сталкивается со столом, на котором лежат все подарки от моих школьных друзей. Надин разрезает праздничный торт, а мама говорит всем, что мы не должны его есть, потому что там

много калорий, от которых у нас будут толстые задницы, а мужчины таких не любят. Вино выплескивается через край, и фокуснику, которого Надин наняла для праздника, приходится схватить маму за локоть, чтобы она не упала в бассейн, когда ее каблук застревает между плиток у края бассейна.

Чудом ей удается ухватить ускользающий бокал.

— Я спасла его! — кричит мама, поднимая его над нашей маленькой группкой, как трофей. — Полностью спасла, — снова повторяет она, прежде чем уйти в дом, не произнеся больше не единого слова.

Думаю, она не всегда была так хороша.

Было слишком жарко для надетого мной белого кардигана, но сегодня вечером нужно было играть по правилам отца, а это означало, что я должна была прикрыть все признаки того, что у сенатора далеко не идеальная дочь. Несколько людей подошли меня поприветствовать дружеским рукопожатием. Я вежливо улыбалась и спрашивала, как прошло их лето, какие у них планы на осень. Сенатор поведал мне секрет — если не знаешь лица или имени человека, то сама задавай им вопросы.

— Рэйми! Так приятно тебя видеть! — низкий полный мужчина в

белом льняном костюме появился в поле моего зрения. Он схватил бокал шампанского у мимо проходившего официанта и передал мне. — Как тебе Париж? — спросил он.

— Париж? — переспросила я. Его смех был похож на взрыв или короткий залп пушки.

— Вижу, ты переняла французское чувство юмора. Это тяжело сделать. Французы прославились далеко не юмором, — сказал он. — Ты все еще подумываешь о школе искусств? Франсин сказала, что твои рисунки весьма впечатляют. Как давно ты ее видела?

Дерьмо.

Отец подошел и встал рядом со мной. Улыбка не покидала его лица, даже когда он махал проходившим мимо гостям, которые хотели с нами поздороваться.

Незаметным движением он забрал бокал шампанского из моей руки и стоял с ним так, словно напиток принадлежал ему.

Проклятье. Мой возраст. Никакого алкоголя. Я мысленно отчитала себя.

— Джордж, друг мой, как дела? Рэйми рассказывала мне, что им с Франсин нужно наверстать упущенное. Школа искусства весьма не близко, в Род-Айленде. У нее теперь есть своя семья, и, наверное,

она захочет быть как можно ближе к дому.

— О, значит, ты присоединишься к кампании? — спросил он меня.

— Мы еще не обсуждали это, — ответила я максимально вежливо.

— Ну, думаю, тебе стоит подумать на эту тему. Видеть этого мужчину за кафедрой — великолепное зрелище, — сказал Джордж и поднял свой бокал в честь моего отца.

— О, ты так добр, Джордж. Давай встретимся за ланчем на этой неделе, если не возражаешь, конечно.

— Всегда за, — ответил Джордж. — О, я вижу Нэйтана. Он должен мне двадцать фунтов

клешней каменного краба за проигрыш с «Рейз». Упс... — Сказал он, прикрыв рот. — Мне не стоило говорить будущему президенту о своем участии в ставках?

— Я политик, а не полицейский. И каменные крабы у Нэйтана — самые лучшие, поэтому мне сложно винить тебя за это пари.

— С нетерпением жду твоей речи, — сказал Джордж. — Хорошо было снова увидеть тебя, Рэйми. Скажу Франсин, чтобы позвонила тебе.

— Будет круто, — ответила я. Когда Джордж отошел достаточно далеко, отец с приклеившейся к лицу улыбкой наклонился ко мне, чтобы

его могла слышать лишь я.

— Шампанское? — спросил он сквозь стиснутые зубы.

— *Он* дал его мне. Я не подумала, — пришлось извиниться мне. — Я стараюсь, поэтому будь снисходителен. Я сделала то, что ты просил. Кроме того, у меня есть ребенок и, технически, муж, а мне нельзя бокал шампанского? Возможно, тебе стоит добавить это к своей политической платформе.

— Ага, а потом сделать шаг вперед и легализировать проституцию, позвонить картелям и спросить, может, они захотят открыть магазины по продаже кокаина. Типа круглосуточной лавки

с нелегальными наркотиками.

— Святое дерьмо. Если бы ты не был таким подонком, в тебе можно было бы даже рассмотреть чувство юмора, — ответила я. В толпе раздался громкий смех, и сенатор направил свой взгляд туда, где моя мать с другими женщинами, напоминающими Степфордских жен, пили, словно «Пляжные Ублюдки», без ограничений.

— Если ты действительно непоколебим в вопросе выпивки, может, тебе стоит подумать об установлении лимита?

— Запомню, — ответил он и начал двигаться к матери. Я наблюдала, как он использовал ту же

технику присвоения бокала, что и сомной. Мама стрельнула в него взглядом, и когда никто не смотрел, неожиданно ущипнула его за руку так сильно, что было видно, как отец поморщился.

В одном я была уверена — такая жизнь превратит меня в яростную суку.

— Шампанское, мэм? — спросил знакомый голос позади меня. Я обернулась, и мои глаза оказались на уровне черной рубашки и желтого, как школьный автобус, галстука-бабочки с розовыми полосками. Я посмотрела на поднос, который этот парень держал в руках, и могла поклясться, что видела

разноцветные татуировки на запястьях.

А потом затаила дыхание.

Препти?

Мои руки задрожали.

В тот миг, когда я собралась поднять глаза и посмотреть на лицо официанта, динамики закрипели из-за проверки микрофона. Я прикрыла уши и повернула голову в сторону отца, поднимавшегося на сцену, построенную слегка в стороне от домика Таннера у бассейна.

Сенатор стучал по микрофону и давал стоявшему внизу сцены человеку распоряжение настроить микрофон, а когда я снова повернулась к официанту, его уже не

было. Осмотревшись вокруг, я увидела несколько человек в таких же черных рубашках и желтых бабочках, все держали одинаковые подносы с шампанским с розовыми пузырьками.

Мне мерещится. Разум и тело просто-напросто отрицают фарс моей жизни.

— Мамочка! — детский голосок донесся из толпы. Сэмми подбежал и крепко вцепился в мою ногу. Я улыбнулась и подняла его на руки, придерживав на бедре движением, которое показалось мне очень естественным. Надин, преследовавшая его в этой толпе гостей, появилась рядом,

запыхавшись.

— Твой малыш очень и очень резвый, — сказала она, опустив руки на колени. — Не позволяй этим коротеньким ножкам одурачить тебя. Он действительно быстро двигается! Или так, или я потеряла форму. Хотя возможно и то, и другое, — пропыхтела Надин. Она сменила свою обычную футболку поло и штаны цвета хаки на застегнутый на пуговицы черный топ и черные брюки. Вместо ортопедических кроссовок на ней была пара черных лакированных балеток с круглыми носами.

— Потрясающе выглядишь, Надин, — сказала я. Она закатила

глаза, таким образом ответив на комплимент.

— Безумно рада, что надела черное, — сказала она, обмахиваясь. — Потому что я потею так, словно мы находимся в центре ада рядом с самым дьяволом.

Дьяволом я считала Кинга. Но была уверена, что в этом аду его нет. Я взглянула на сцену и убедилась, что дьявол голосовал за республиканцев и носил костюмы от Хьюго Босс.

— Мамочка, Надин не смогла меня поймать! — вскрикнул Сэмми. — Я быстлый! Быстлый как это! — Он поднял красный Корвет размером со спичечный коробок и поводил им

по воздуху.

— Да неужели? А ты хорошо себя вел с мисс Надин? — спросила я, взъерошив его идеально причесанные волосы, отчего его естественные кудряшки ожили, а смех вырвался из его груди и прорвался через маленькие зубки.

— Неа, — ответил он, все еще глядя на машинку. Кудряшки упали на лоб.

— Вот так лучше, — сказала я, убрала их и прижалась своим носом к его носику. Я была слишком занята Сэмми, когда Надин прочистила горло. Посмотрев на нее, я заметила, что множество гостей побросали свои занятия и смотрели на наше

общение с сыном.

Отец вернулся к микрофону, тем самым привлекая к себе внимание, и люди повернулись к нему. Мама послушно стояла слева от него, рядом с длинным американским флагом. Он начал свою речь с приветствия гостей на мероприятии и упомянул, что деньги от анонимного аукциона и пожертвований, полученных на протяжении вечера, пойдут на благотворительные цели.

— Что я пропустил? — спросил Таннер, протиснувшись сквозь толпу, чтобы встать рядом со мной и Сэмми. — Эй, малышня! Дай пять! — Сэмюель поднял ладошку и

Таннер прислонил к ней свою. — Хорошо, малыш, в этом ты уже преуспел.

— Не сильно. Он только начал, — сказала я.

Сенатор сделал паузу и окинул толпу взглядом. Он взял карточки с кафедры и положил их в карман рубашки.

— Я приготовил все эти заметки. Хотел поговорить с вами о кампании и о том, чего мы собираемся достичь на протяжении нескольких следующих месяцев. Но прямо сейчас не могу этого сделать. — Публика зашепталась, а кто-то даже выкрикнул *«Почему?»*, чего сенатор, видимо, и ждал.

— Не секрет, что семья и традиционные американские, христианские ценности одни из самых важных для меня, именно их я придерживаюсь на протяжении этой кампании. — Толпа зааплодировала, но он поднял руку, прося тишины. — Но как вы знаете, семья не всегда предсказуема. Вы не сможете ее контролировать, — сказал он. — И как вы все уже знаете из сплетен, или из недавних газет, несколько лет назад я стал дедушкой.

Это было впервые, когда я услышала, что он называет Сэмми не только моим сыном. «Дедушка» — это не совсем то название, которое я ему бы дала.

— Моя дочь Рэйми и ее парень Таннер решили вступить в отношения, к которым не были готовы в юном пятнадцатилетнем возрасте. Я не оправдываю их действия или их поведение, но многие из вас не знают, что Таннер был болен...

— О, Боже мой, он расскажет им все, — прошептала я, прикрыв рот. Таннер схватил меня за руку и удержал.

— Я не удивлен, — пробурчал он. — Ты действительно считала, что он позволит им думать, что мы всего лишь два возбужденных подростка, трахающихся под одной крышей? Подобное попадет под слишком

строгое обвинение. Теперь он будет винить мою болезнь. Для него это искусство. Больше, чем твои наброски для тебя. Он создает эмоции, варианты. Говорит то, что им нужно думать, без возможности выйти и высказаться. Если подумать, то это даже красиво.

— Ты не кажешься расстроенным, — ответила я. — Скорее впечатленным.

— Я не огорчен. Он прав. Это мы. Ничего, что касается нас, никогда не расстроит меня, Рэй. Кроме того, это самая честная вещь, прозвучавшая из его уст за весь день, — сказал Таннер и посмотрел на сцену с интересом, от которого мне

стало некомфортно.

— Мы думали, что потеряем его,
— продолжал сенатор. Моя мать
потянулась за носовым платком,
который один из охранников передал
ей, и промокнула уголки глаз.

— Хороший ход, мама, —
прошептала я.

— Врачи говорили одно и то
же... что нет надежды. Они сказали
его родителям, Чаку и Рене, сделать
последние приготовления. —

Сенатор поискал их в толпе и кивнул.

— Рад видеть здесь вас обоих, —
сказал он с улыбкой, когда нашел их.

— Мы готовились к смерти лучшего
друга моей дочери. — Толпа ахнула.
Он кормил их с ладони, и толпа

подпрыгивала, чтобы съесть еще хотя бы кусочек. — Это было страшно, особенно потому что мы с Марго хорошо знали родителей Таннера и всегда думали, что наши сумасшедшие детки вырастут, поженятся и заведут свою собственную семью. — Глаза сенатора затуманились. Ему стоит дать статуэтку «Эмми». Мама подошла к нему и промокнула его глаза носовым платком. Нет, им стоит дать «Оскар». — Простите за это, — сказал он, шмыгнув носом. Затем замолчал на минуту, прежде чем посмотреть в толпу. — Деяния Божьи не лишены юмора. Вы никогда не узнаете, каков его план. Чак и

Рене оставили надежду стать дедушкой и бабушкой. Наши сердца болели за дочь и будущее, которое для нее больше не было возможно. В день, когда Таннер узнал, что его дни сочтены, они с моей дочерью приняли решение, с которым я не согласен и которое не поддерживаю. Но теперь я вижу это как часть большего — великий Божий умысел, который мы, как его последователи, не имели никакой возможности понять. Это решение привело мою дочь и Таннера в офис ко мне и моей жене. Они рассказали мне о беременности, и я открыто расплакался. Моя родная дочь. Дочь, которую я растил с четким

пониманием ценностей семьи Прайс и верой в них, пришла ко мне и сказала, что ослушалась меня и закона Божьего. Лишь позже бессонной глубокой ночью на меня снизошло. Это и есть Божий умысел. Они подарят Чаку и Рене внука, которого те и мечтали получить, и это дало мне причину. Причину обратиться к каждому врачу не только в этой прекрасной стране, но и во всем мире, чтобы увидеть, смогу ли я спасти надежду своей дочери на будущее, на ее собственную семью.

Половина публики стояла со слезами на глазах, а Таннер наклонился к моей шее.

— Это все звучит намного

лучше, чем «моя дочь занялась сексом из жалости с больным парнем без презерватива». — Отец кивнул и бросил на нас взгляд, словно знал, что эти слова адресованы ему.

— С помощью доктора Рейнольдса в Теннесси нам удалось спасти Таннера от смерти. — Публика снова начала аплодировать, и сенатор вновь поднял руку. — Я испытываю чувство гордости, говоря, что у Таннера полная ремиссия и признаки лейкемии, которая чуть не отняла его у нас, до сих пор не появились. — В этот раз он позволил толпе аплодировать. — Поднимитесь сюда, вдвоем. Принесите Сэмюеля.

— Сотни пар глаз повернулись в нашу сторону, и у нас не было выбора, кроме как пройти к сцене. Сэмюель хлопал в ладоши вместе с публикой и смеялся. Я отдала бы все, чтобы оказаться в таком же сладком забвении, как он.

Мы встали рядом с моей матерью, которая показательно забрала у меня Сэмми и придержала его у бедра, как и я. Она повернулась к толпе и помахала, пока Сэмми повторял за ней, чтобы раззадорить их еще больше.

— Вы еще не знаете о самой радостной части, — сказал сенатор, жестом попросив толпу замолчать. Он был дирижером, а они —

оркестром, игравшим под каждый его взмах. Это был великолепный финал, потому что мне было известно, что произойдет дальше, но не было ни единой возможности остановить это. — Сегодня утром на маленькой церемонии, в окружении семьи и их сына, моя дочь и Таннер Редмонд поженились. — Аплодисменты от сотни или около того людей оглушили. Сенатор прокричал в микрофон поверх толпы. — Поэтому я хотел бы воспользоваться этой возможностью и представить вам миссис и мистера Редмонд, а также их прекрасного сына, моего внука, Сэмюеля. Пусть Бог благословит этот союз. — Он подошел, взял мое лицо

в ладони, тем самым притянув в объятие, от которого у меня скрутило живот.

— Ты ублюдок, — сказала я. — Это не должно было стать достоянием общественности или политическим инструментом. — Я была удивлена, хотя понимала, что этого стоило ожидать. Сенатор заботился в первую очередь о кампании, во вторую — о спонсорах, и только в третью — о последователях.

— Это политический инструмент. Все это, — сказал сенатор. — Ты. Я. Таннер. Сэмюель. Твоя мать. Все ради высшего блага. — Я думаю, что он поверил в это

дерьмо. Затем сенатор меня отпустил и обнял Таннера. И если на моем лице было презрение, то Таннер широко улыбался и выглядел, словно наслаждался, принимая поздравления в честь нашего брака.

Я полная дура.

Внезапно меня окатило волной дикой злости. Я не могла дышать. Была зла на себя, на сенатора и на Кинга из-за того, что он оставил меня с Таннером, из-за того, что ничего мне не объяснил.

Мои руки задрожали, а глаза заволокла красная пелена.

Сенатор помахал толпе. Затем Надин подошла к сцене, взяла Сэмми, ерзающего на незнакомых

руках матери, и показала мне, что собралась уйти назад в дом. Я кивнула. У Надин было отлично развито чувство понимания того, когда дерьмо должно достичь вентилятора, и я была рада этому.

Потому что дерьмо только что достигло вентилятора.

Я сделала шаг между отцом и Таннером и вместе с ними начала махать толпе. Сенатор посмотрел на меня с подозрением, а Таннер до сих пор улыбался, словно только что выиграл в лотерею и принимал огромный чек.

— Жарковато здесь, вам не кажется? — сказала я, наклонившись к отцу, который нахмурил брови, а

затем поправил костюм, когда понял, что выражение его лица видят все.

— Это Флорида, летом здесь всегда жарко, — сказал Таннер прежде, чем его глаза расширились от понимания. — Не смей, — предупредил он, но я уже не слушала.

— Если захотел выставить меня напоказ, то тебе придется показать все полностью.

Я разыграла шоу, словно обмахиваюсь от жары, а затем расстегнула кардиган и сняла его. Мой отец не нашел в этом ничего необычного. Он был прав. Это Флорида, лето. Здесь было жарко. Но он не знал о том, что скрывал кардиган. Настало время увидеть. Я

держала его в руках, когда услышала вдох позади меня, предположительно от моей матери.

— Не смей, — повторил Таннер, но в этот раз в его словах была слышна злость. Я заметила стул и повернулась к отцу.

— Можно положить кардиган туда? — спросила я.

— Что ты задумала, Рэйми? — спросил он обеспокоенно.

— Ничего, *папочка*, — ответила я. Повернувшись спиной к толпе, я наклонилась и повесила кардиган на стул.

Татуировка Кинга была выставлена на всеобщее обозрение публики.

Никто не мог ничего сделать. Отец мог бы прикрыть мою спину, но это выглядело бы так, словно он не одобрял это, но все стало бы только хуже. Я повернулась и посмотрела на них взглядом, который говорил, что со мной шутки плохи. Махнув последний раз толпе, которая громким шепотом обменивалась между собой сплетнями, словно кучка бешеных сук, я покинула сцену.

Прошла по дорожке к задней части дома, не желая иметь дело ни с кем, кто мог бы пристать ко мне по пути в дом.

— Какого хера это было? — спросил Таннер, догнав меня у дуба. — Что это было, Рэй? — повторил

ОН.

Я остановилась и повернулась к нему лицом.

— Это я и мое нежелание быть той, кому наступают на горло! Ты сказал, что даешь мне время. Однако выражение твоего лица сказало, что ты уже думаешь, что это по-настоящему. Но этого не будет, Таннер. Не со мной. Я не готова. Возможно, когда-то у меня были к тебе чувства, вообще-то, я знаю, что когда-то любила тебя, но мне непонятно, была ли это романтическая любовь. Мне нравится то, что ты добр к нашему сыну, я чертовски уважаю тебя за все пройденное и ненавижу то, что

являюсь источником твоей боли. Но я не хочу быть с тобой сейчас. Не тогда, когда мое сердце принадлежит другому.

— Чего ты ждешь от меня, Рэй? Сожаления из-за того, что я счастлив быть твоим мужем? Потому что мне не жаль. Не жаль, что я женился на тебе по какой бы там ни было причине. Ради всего святого, ты — любовь всей моей жизни, и всегда ею была. Мы давно были вместе. Поэтому я ухватился за возможность сообщить об этом миру, потому что это должно было случиться. — Глаза Таннера смягчились, и он сделал шаг ко мне и сжал мою руку.

— Нет, Таннер, — произнесла я

и освободила руку. — Не надо.

Он проигнорировал меня и наклонил голову к шее, притягивая меня к себе. Затем мягко прижался своими губами к моим, а я просто стояла и позволила этому случиться. Его губы были мягкими и теплыми, дыхание прохладой отдавалось на моей коже. Я представила, что Таннер действительно был тем, кого я хотела, но вместо того, чтобы вспомнить чувства к нему, злое лицо Кинга заполнило мой разум. Таннер открыл рот, и я неохотно последовала за его движением, наши языки танцевали. Как же я хотела, чтобы вернулись воспоминания. Хотелось почувствовать то же, что и он

чувствовал ко мне. Во время нашего поцелуя его руки скользнули на мою талию, но я чувствовала, что все это было... ошибкой. Запредельной.

Я толкнула его в грудь, но он застонал в мой рот и сжал еще сильнее. Потом попыталась еще раз, и когда он не поддался, укусила его. Таннер тут же отпрянул, прикрыв рукой окровавленную губу.

— Ты рушишь все то, что я к тебе чувствую. Не превращай в херню все воспоминания о нас.

— Я превращаю все в херню? — засмеялся он. — ТЫ разрушила все, когда ушла с Никки. Ты просто не смогла ее отпустить. Я сотни раз говорил не впутывать ее бардак в

свою жизнь, но нет же, тебе нужно было вытащить ее. Ты поставила ее выше семьи, уйдя с ней и навредив сама себе этим исчезновением. Это ты все разрушила в ту ночь. Не я. Я пытаюсь спасти нас, пока ты чертовски настроена и дальше рушить нас! Так что пошла ты к чертям, Рэй! Ты разбила мне сердце, когда ушла. И искромсала его на кусочки, когда вернулась. Не знаю, кем ты себя возомнила, но ты не та Рэй, которую я знал. Эта особа передо мной? Я ненавижу ее сейчас, — бросил Таннер. Затем развернулся и унесся в темноту.

Я открыла рот, чтобы позвать его, но не знала, что сказать. Ему

было больно, а мне больше не хотелось причинять кому-то боль. После своего возвращения я только и делаю, что принимаю неверные решения одно за другим. Было глупо с моей стороны показать всем тату. Меня обуяла злость. Но это не давало ему право относиться ко мне так, словно я была товаром, который он мог купить, обменять... или на котором мог жениться.

Так или иначе, это я.

Глава 19

Доу

Я закрыла дверь в свою комнату и прижалась к ней лбом. Слово «опустошение» даже близко не описывало мои чувства. Кинг был мертв, а я потеряла единственного друга, потому что поступила глупо, подумав, что смогу использовать брак как инструмент для получения того, чего так отчаянно хочу.

Семью. Настоящую семью, которую выбрала сама, как Кинга и Преппи.

Я закричала от отчаяния, сжала

кулаки и колотила ими в дверь до тех пор, пока не устала с ней сражаться. И терла губы, пока не истребила с них вкус Таннера.

— Сними свою е*аную одежду,
— прорычал глубокий голос.

Понимание окутало меня словно статическое электричество.

Я ахнула и отвернулась своим залитым слезами лицом от двери. Могло пройти сотни лет без его голоса, но мне никогда не забыть, кому он принадлежал.

Кинг появился из угла комнаты, и тень, падающая от его тела, тянулась за ним словно одеяло.

— Ты знаешь, что я не повторяю дважды, но для тебя сделаю

исключение, щенячьи глазки. — Он остановился передо мной и посмотрел вниз, его глаза горели от похоти и ярости. — Сними свою е*аную одежду.

— Ты жив, — прошептала я под гулкий грохот моего сердца о ребра.

Мне это мерещится?

— Сейчас ты ощутишь насколько я жив. — Он двинулся ко мне. — Мы с тобой общаемся лучше, когда я нахожусь внутри тебя, а мне многое нужно высказать. Поэтому вместо херни в стиле «вопрос-ответ», которая не приведет нас, мать ее, ни к чему, давай сделаем это по-другому.

— Я думала, что ты мертв. — Моя грудь вздымалась от страха и

желания. Кожу покалывало, а соски затвердели.

— Ты скорбела, когда язык того мальчика был в твоей глотке? — Кинг потянулся к моей руке и поднял палец, на котором было кольцо Таннера. — Скорбь — причина, по которой ты носишь это?

Я вырвала палец из его хватки и положила руки на его грудь. Мне хотелось толкнуть его, но это прикосновение изменило мои планы, я не смогла.

Не захотела.

Вместо этого сжала его рубашку в кулаках. Облегчение, которое я почувствовала от осознания того, что он жив, заменило злость.

— Я думала, что ты мертв, —
пришлось мне повторить.

Кинг заговорил в мои волосы, а
его дыхание подарило мне тепло.

— О, малышка. Я очень даже
уверен, что смерть не смогла бы
удержать меня от тебя.

Я вдохнула, втянув в себя запах
сигарет и ветра. Скучала по этому
узнаваемому аромату так же, как и
по его обладателю.

— Не думала, что увижу тебя
снова. Я ходила в МК Медведя.
Именно его отец рассказал мне о
твоей смерти.

Кинг медленно покачал головой.

— Он об этом пожалеет. — Кинг
прищурил глаза. — Как и ты, —

сказал он так медленно и таким глубоким голосом, что его слова достигли самой моей сердцевины.

— Что?

— Ты правда думала, что от меня будет так легко избавиться? Ради Бога, бл*дь, я до сих пор помню, как это — быть в тебе. Думаешь, мне удастся забыть? Думаешь, не пытался неделями убедить себя, что это всего лишь мой член скучает по тебе? Потому что я скажу тебе, что ничего не сделает меня счастливее, чем возможность избавиться от этой боли. Прямо сейчас. — Кинг ударил себя в грудь сжатым кулаком. — Иногда я просто хотел забыть все, но не получилось.

И не получится. Потому что я не хочу когда-либо тебя забывать. Меня устраивает эта боль, потому что она напоминает о том, что ты была реальной. — Я прикусила губу так сильно, что почувствовала привкус меди во рту.

Говоря все это, Кинг надвигался на меня, и я пятилась в тень до тех пор, пока моя спина не вжалась в комод. Он прижался руками к стене по обе стороны от моего тела, захватив тем самым меня в ловушку, и наклонился таким образом, что наши глаза оказались на одном уровне.

— Я не знаю, почему ты так стойко держишься, щенячьи глазки,

но твое тело буквально кричит о том, что ты все еще моя. — Кинг вдохнул мой запах, а я его. Он закрыл глаза и провел носом вдоль линии моей нижней челюсти. — Ты любишь его? — зарычал он, укусив меня за шею.

— Да, — призналась я. Кинг отстранился в недоумении. Поэтому мне пришлось пояснить. — Это никогда не было той любовью, которой он хотел. Я любила его как лучшего друга, и никогда так... — наши глаза встретились, Кинг явно ждал ответа. — От тебя неделями не было никаких новостей, и вот ты неожиданно появляешься, пробираешься в мою комнату и требуешь, чтобы я сняла с себя

одежду в день, когда я... — Но закончить предложение я не могла, потому что не хотела, чтобы оно стало реальностью.

Потому что Кинг был *жив*.

А я была замужем.

— Вышла, мать твою, замуж, — закончил Кинг за меня. Его ноздри дрожали. Он развернулся с сжатыми кулаками, словно искал то, что можно ими ударить. Схватился за голову в отчаянии. — Я наблюдал за всей этой катастрофой из машины. Мне все известно.

— Святое дерьмо! — выкрикнула я.

Кинг презрительно прорычал.

— Кажется ты забыла, кто я,

бл*дь, такой, малышка! По-моему, самое время тебе напомнить. — Он прижался ко мне бедрами. — Я — мужчина, который взял тебя против твоей воли и приковал наручниками к моей же е*аной кровати. Я — тот, кто хотел тебя, и поэтому, бл*дь, оставил себе. — Он приподнял бровь. — Ты правда думаешь, что у тебя есть выбор, когда речь идет о тебе как о моей собственности?

Кинг поднял меня на комод и толкнулся между моих ног, заставив их раздвинуться. Он удерживал мои запястья за спиной, тем самым прижимая меня грудью к себе. Платье поднялось вверх по бедрам. Кинг заправил прядку волос мне за

ухо и наклонился, его губы остановились на расстоянии вдоха от моих. В комнате становилось жарко. Я не могла дышать. Мне нужно было... не знаю, что.

— Больше никаких вопросов.

Я открыла рот, чтобы поспорить.

— Прекрати нахрен болтать, —

зашипел он.

Кинг поднял меня с комода и понес к большому зеркалу, висевшему на двери шкафа. И встал позади меня. Он был на голову выше и на сотню фунтов тяжелее, поэтому разница между нами казалась очевидной как никогда. Его темные джинсы и майка резко контрастировали с моим светлым

крохотным платьем. Моя бледная кожа сильно отличалась от его загорелой. А светлые волосы бросались в глаза на фоне его черных. От этого вида мои колени подогнулись. Отражение в зеркале делало нашу разницу очевидной, но помимо этого оно помогало понять, насколько мы подходили друг другу.

— Ты видишь это? — спросил Кинг у нашего отражения, пока руками обнимал меня за талию. — Видишь, как чертовски восхитительно мы друг другу подходим? — Он стащил кардиган с моих плеч и позволил ему упасть на пол. Повернул меня и схватил небольшое зеркало со стола, вытянул

его передо мной таким же образом, как и когда показывал тату клиентам.

— Видишь это? Что там написано? — спросил он, указав на сделанное им тату, которое я показала всем, наплевав на Таннера и своего отца.

— Там написано, что я не хочу возвращать свою невинность. Что снова и снова хочу наслаждаться ощущением ее потери. Это цитата Ф. Скотта Фитджеральда, — ответила я.

— Нет. — Он подтолкнул меня в затылок, изменив ракурс. — Скажи мне еще раз. Посмотри на корону, приглядиись к лозам. Что написано на этой херне?

— *Кинг*, — прошептала я. — На

ней написано «*КИНГ*».

Глава 20

Кинг

— Ты моя. Всегда была, — произнес я, не ощутив ни капли вины.

Малышка посмотрела в зеркало широко распахнутыми глазами, продолжив всматриваться в татуировку с моим именем.

— Ты вписал свое имя в мою татуировку, — сказала она, до конца не веря в произошедшее.

Наши взгляды в зеркале пересеклись.

— Пометил тебя при первой же возможности. Жалею лишь о том,

что не сделал ее больше, иначе тот парень не полез бы к тебе своими е*аными губами.

— Это не его вина, — ответила она с такой злостью, словно метала в меня взглядом кинжалы.

Как же меня бесило то, что она его защищала. Он мог называть себя ее мужем или кем угодно, но я понял все, когда ее дыхание ускорилося от моего приближения. Понял, когда она провела языком по губам, чтобы увлажнить их, как в ожидании меня затвердели ее соски под тканью короткого и горячего как ад платья. Дело было не только в физическом контакте, воздух вокруг нас потрескивал от практически

ощутимой связи. Я почти мог почувствовать ее на своем языке.

И хотел попробовать языком *ее*. Хотел погрузить лицо между ее ног и ощутить, как она ерзает под моим ртом, царапает мою голову своими ногтями до тех пор, пока не кончит.

Я был чертовски тверд, и мне пришлось использовать весь свой самоконтроль, чтобы не нагнуть ее над комодом, не задрать платье и не трахнуть мою девочку до потери сознания.

Я провел пальцами по ее губам, и она раскрыла их. Эти красивые розовые губки сделали бы меня твердым в одно мгновение, если бы мой и без того жесткий член не

упирался в джинсы.

— Мне и так хотелось перерезать горло сенатору за то, что он проделал с Макс. Тем более после того, как я увидел его здесь в костюме, кричавшем о его превосходстве, и в смехотворных часах а-ля «член клуба», а после услышал, как он объявил всем о твоей сраной свадьбе с кем-то помимо меня. Еще мгновение, и я был готов выпустить в его голову всю обойму своего пистолета, а затем перезарядить и сделать то же самое с головой того парня.

Возможно, мои слова и были грубыми, но олицетворяли собой истину.

Я забрал зеркало у своей малышки и положил его на комод.

— На секунду мне показалось, что все, что между нами происходило, было миражом. — Я развязал бант на шее и позволил платью упасть на пол, показав скрытый под ним бежевый комплект белья, состоящий из трусиков и лифчика без бретелек. Это был стандартный повседневный набор, но моя девочка смотрелась в нем так же, как и в трусиках с отверстием на промежности и плеткой в руках, эффект был бы такой же, потому что она была самой сексуальной женщиной, которую я когда-либо видел. Мой член забился в агонии,

когда я медленно рассматривал ее тело.

— Меня остановил твой взгляд,
— сказал я.

— Какой взгляд? — спросила она и повернулась ко мне лицом.

— Взгляд, не суливший ничего хорошего. И я оказался прав. Потому что ты сняла свой свитер. И показала всем татуировку. — Я пробежал пальцами от основания ее шеи к ягодицам.

— Всего лишь показала им, что не являюсь обезьянкой, и несмотря на условия сделки, плясать под их дудку я не собираюсь, — ответила она, не в силах сдержать волнение от того, что смогла поставить их на

место.

— Ты показала им больше, чем это, — сказал я, обойдя вокруг нее. Закончив оценивать ее тело, по которому так сильно скучал. Впитав ее образ. — Ты показала им, что принадлежишь мне. — Я снова встал позади нее и провел рукой между ее ног. Трусики уже промокли. Она закрыла глаза, пока я ласкал ее через материал. — Но важно другое, — произнес я, ускорив движения, отчего ее рот открылся, когда она потерялась в удовольствии от моих прикосновений. — Ты показала *мне*, что до сих пор моя.

Я развернул малышку и набросился на ее губы. Она

вздрогнула от моего прикосновения.

— Даже не пытайся найти аргументы, чтобы начать спорить со мной, щенячьи глазки. Время споров закончилось. Прямо сейчас я, мать твою, скажу тебе, что твои дальнейшие слова не имеют значения. Ничего из сказанного тобою не изменит этого. Я заклею тебя и не стану извиняться за это дерьмо.

— Я должна объяснить... — начала она, но я прервал.

— Мы можем поговорить позже. Мне нагнуть тебя и трахнуть как животное, чтобы напомнить, чья это киска? — сказал я, прикусив мочку. А затем грубо перевернул ее на

живот. Толкнул между лопаток, чтобы она нагнулась над кроватью и оперлась на локти. Я расстегнул ее лифчик и позволил ему упасть на кровать. Стянул с нее трусики одной рукой и бросил их на пол. И не мог отвести взгляда от самого потрясающего вида моей девочки, обнаженной и готовой для меня. Расстегнул ремень и снял джинсы, пока она вставала на локти и колени. Залез позади нее на кровать и снял майку, чтобы касаться ее кожа к коже. Она подняла голову, и я коснулся губами ее уха.

— Тебе напомнить, кому ты принадлежишь, малышка?

— Да, — выдохнула она. Я

направил член к ее входу и грубо толкнулся внутрь, минуя сопротивление ее тугой киски. Каждый сантиметр ее жаркого центра напоминал мучительную комбинацию пытки и наслаждения.

Я замер, полностью войдя в самую что ни есть великолепную киску. Теплую. Влажную. Готовую.

— Скажи, что скучала по этому, — сказал я. Доу простонала и прижалась маленькой круглой попкой ко мне, попытавшись заставить меня двигаться, но я оставался непреклонным. — Нет, детка. Пока не скажешь мне то, что я хочу услышать.

— Я... — Я вознаградил ее

медленным вращением своих бедер, и она застонала в подушку.

— Ты что? — спросил я, снова замерев без движения.

— Я скучала... — Еще одно вращение бедрами, но на этот раз я добавил небольшой толчок. — Я скучала...

— По кому ты скучала? — спросил я.

— По тебе. Я скучала по тебе! — ответила она.

И в этот момент я потерял контроль. Потянулся вперед и одной рукой схватил ее за горло, а второй придерживался за кровать. И вбивался в нее с силой безумца, коим и являлся на тот момент.

— Я тоже скучал по тебе, детка. Так чертовски сильно. — Снова и снова я вколачивался в нее, словно вновь пробивал себе путь в ее жизнь. — И то, что я сейчас внутри тебя. Одно это уже сказало все, что мне нужно было знать. Я не оставлю нас. Не сейчас. И никогда впредь.

Малышка застонала, сжав киску вокруг моего члена. Мне пришлось замедлиться, чтобы не кончить в нее в ту же секунду.

Тень за открытым настежь окном привлекла мое внимание, заставив повернуть голову в ту сторону, я увидел пару глаз, смотревших на нас снаружи. Возможно, он был уверен, что

спрятался за ветками и листьями, но как лев может учуять самцов поблизости, так и я точно знал, кто это был.

Таннер.

Я мог остановиться в тот же миг. Вытащить из нее свой член. Прикрыть нас обоих. Или, по крайней мере, закрыть окно к чертям собачьим.

Но я не сделал ничего из вышеперечисленного.

Наклонившись к моей девочке, я провел языком по ее шее, заставив стонать мое имя снова и снова. Она не знала о зрителе.

— Кому принадлежит эта киска?

— спросил я, посмотрев в

напуганные глаза незваного гостя.

— Тебе. Всегда. Это всегда был только ты, — выдохнула она. Ее киска снова сжалась вокруг моего члена, и я начал борьбу за контроль. Потому что еще не закончил. Этот малец должен без сомнений запомнить, что эта девочка принадлежит мне.

Она — моя.

— Люблю тебя, малышка. Безумно, — произнес я, вбиваясь сильнее и сильнее. — Ты любишь меня? — спросил я, убеждаясь, что коснулся чувствительного комочка нервов на передней стенке ее киски, от чего она закричала.

Я соскучился по ее е*аным

крикам.

— Да. Так сильно. Я чертовски сильно люблю тебя! — сказала она. И ее накрыл оргазм, от которого она начала стонать все громче и громче, поэтому пришлось заглушить ее крики подушкой, чтобы их не слышали все присутствующие в доме.

Но кое-кто все-таки их услышал.

Когда я почувствовал покалывание у основания позвоночника, в моей голове зародилась идея, от которой меня словно пленили первобытные инстинкты. Эти мысли мешали мне думать о чем-то другом.

Я дважды толкнулся в нее и

вытащил член из ее тугого жара. Сжал его в руке и показательно излил на ее голую спину. Доу упала на живот от истощения, но я не закончил. А посмотрел в окно прямо туда, где так неудачно прятался Таннер. Провел руками по созданному мною беспорядку, размазывая его по спине и попке, тем самым помечая ее как мою. А затем дернул ее за волосы к себе и положил два покрытых спермой пальца в рот своей малышки.

Она застонала и жадно обхватила их.

Мое послание было четким и ясным.

Таннер встал на ветке, больше не

пытаясь скрыть своего присутствия. И продолжал смотреть еще в течение долгого времени, пока, наконец, не повернулся и не спрыгнул с дерева.

Щенячьи глазки, так же как и Таннер, знала, кому она принадлежала.

И точно не ему.

Глава 21

Доу

Кинг лег на меня, вжимая в матрас, пока мы оба переводили дыхание. Его вес был неподъемным, но мне не хотелось двигаться. Я боялась пошевелиться, потому что думала, что это сон. Но просыпаться не хотелось.

Кинг сел и откинулся на изголовье кровати, притянув меня к себе.

— Теперь можно рассказать тебе, почему? — спросила я, все еще переводя дыхание.

Кинг кивнул.

— Мне показалось, что ты мертв, — начала я. — И я запаниковала, потому что от тебя долгое время не было новостей. А затем поехала к клубному дому Медведя в надежде, что получится передать тебе сообщение. Отец Медведя сказал, что ты умер. — Кинг сжал меня, попытавшись утешить и побудить продолжить разговор. — И я соскучилась по тебе. Так сильно, — слеза скатилась по моей щеке от воспоминания о той ужасной новости. Он наклонился вперед и остановил слезу губами, поймав ее прежде, чем у нее хотя бы появился шанс достичь челюсти. — Мне захотелось увидеть Макс.

Кинг замер.

— Что? Ты видела Макс? —

спросил он в неверии.

Я кивнула.

— Да. И она такая красивая. У нее твои глаза и улыбка. Она дала мне это, — я вытянула руку, чтобы показать ему пластиковый фиолетовый браслетик, и Кинг провел пальцами по нему, словно рассматривал драгоценности королевы. — Тогда и приняла решение, что она должна быть со мной. Я захотела удочерить ее.

— Детка... — прошептал Кинг.

Я стерла еще одну слезу с другой щеки.

— Мне необходимо было

увеличить свои шансы. Сенатор сказал, что матерям-одиночкам редко дают разрешение. — Я повернулась, чтобы посмотреть ему в глаза. — Я не могла этого допустить. И сделала бы все. Ради нее. Ради тебя. Но если быть честной, то все это делалось по большей части ради меня, потому что она — часть тебя, а мне хотелось иметь кусочек тебя рядом с собой всегда, — и рассмеялась. — Поэтому и пришлось сделать все возможное.

— Ты вышла замуж за Таннера... ради меня, — сказал Кинг. В его голосе больше не было злости. И осуждения. В его голосе звучало восхищение. Он потянулся и нежно взял мое лицо в ладони, а потом

поцеловал меня. Если раньше наши поцелуи в основном были полны жара и страсти, то этот был полон нежности и любви. Кинг медленно отстранился, смотря на меня так, словно что-то искал.

— И ради себя, — напомнила я. — Ненавижу, что говорю это, но я влюбилась в нее быстрее, чем в тебя.

Кинг рассмеялся.

— Я люблю тебя. Никогда не говорил этого никому, кроме Макс. С момента твоего появления на моей вечеринке это была только ты. — Он поцеловал меня снова, а затем прижался лбом к моему. — Только ты. — Это было именно то, что мне нужно было услышать. Тепло

распространялось в моей груди, и я почувствовала, как колотится сердце, пока красивый мужчина боготворил меня своим взглядом.

— Никогда не любила его. Хочу, чтобы ты это знал, — сказала я, напомнив Кингу то, что он так хотел услышать. — Я вспомнила его, но это была не любовь. Во всяком случае, не для меня.

— Ты любила его достаточно, чтобы позволить трахнуть. И сделать ребенка, — заявил Кинг. В его голосе не было горечи, и, несмотря на то, что это не было вопросом, он ждал ответа.

— Таннер был болен, — сказала я. — Смертельно. Мне казалось, что

это позволит ему почувствовать настоящую любовь, но сейчас я понимаю, что это было только дружбой. Он, возможно, не протянул бы до окончания школы или выпускного, или... Ну знаешь, не встретил бы девушку. Это была моя идея, — я покачала головой. — Но у нас родился Сэмми. Какими бы молодыми и глупыми мы не были, какой бы душой я не была, жалеть об этом я не буду, — и положила руку на его грудь.

Кинг захохотал.

Мне нравился его смех, но в этот момент злость начала переполнять меня.

— Что смешного ты в этом

нашел? — зашипела я, сев и пристально на него посматрив.

Кинг потянулся и прижал меня обратно к себе.

— Потому что, щенячьи глазки. Я чувствовал, как закипает моя кровь от мысли, что ты собираешься описать то, как трахалась с другим. Но вместо этого моя сладкая девочка говорит мне, что преподнесла свою девственную киску другу. — Кинг потерся носом о мою шею. — Самый сладкий трах из жалости, — сказал он, взорвавшись смехом. Я схватила подушку и ударила ею Кинга по голове. Но он перехватил ее и отбросил на пол, схватив меня за бедра и усадив на себя.

— А теперь говори, где тебя, бл*дь, носило весь месяц? — потребовала я, злясь на него за то, что он был живой и находился здесь. А затем скрестила руки на груди. Он убрал их с дороги и провел губами от уха до сосков, от чего моя голова откинулась назад. Я толкнула его голову, чтобы он откинулся назад и ударился об изголовье.

— То дерьмо с Эли. С ним покончено, — сказал Кинг с облечением. Он опустил свои руки на мою талию. — Не все прошло гладко, щенячьи глазки. Он нашел нас первыми. Началось такое дерьмо, что тебе лучше не знать. Медведю досталось.

— Что с ним случилось? — спросила я, почувствовав панику.

Кинг сжал мои бедра, чтобы привлечь внимание.

— Он жив. Исцеляется. Пожизненных увечий ему не нанесли, но после того, через что ему пришлось пройти, не думаю, что он останется в здравом рассудке надолго. Есть предел того, что может выдержать мужчина. Медведь пережил очень многое, а потом еще немного. Те ублюдки пытали его. — Челюсть Кинга окаменела, а пальцы до боли впились в мои бока.

Мое сердце болело за них обоих.

— Но теперь все позади, — сказал Кинг и обхватил мою щеку

ладонью. — Могу признаться, что пару минут я думал, что не выйду оттуда живым, но я сейчас здесь и хочу увезти тебя домой.

— А что с Сэмми? — спросила я.

— Могу поговорить с Таннером, если хочешь, — предложил Кинг. — Объяснить ему, что мы хотим забрать Сэмми. Как ты скажешь.

Он хотел увезти Сэмми домой с нами.

Я покачала головой.

— Думаю, что мне самой стоит поговорить с Таннером. Я все это разрушила, мне и исправлять.

Кинг кивнул.

— Хорошо. Буду здесь завтра

ночью с фургоном. Собери вещи. И вещи Сэмми тоже. Если Таннер не поступит благоразумно, то дай мне знать.

Кинг потянулся к джинсам и достал телефон.

— Вот. Он твой. В нем забит только мой номер. Любые проблемы — звонишь мне. Захочешь, чтобы я приехал раньше, и я буду здесь.

— Так просто? — спросила я, почувствовав, что жизнь преподнесла мне второй шанс. Каким-то образом так и было. Потому что Кинг был жив, и я по-прежнему принадлежал ему.

— Не-а. Не все так просто. Ты скажешь ему, что хочешь

аннулировать брак, и сделать это нужно было уже вчера. Если он хотя бы подумает раскрыть свою пасть, то направишь его ко мне, — Кинг прижался ко мне губами и глубоко вдохнул. — В этом мире я мало во что верю, щенячьи глазки. Но знаю, что наше место рядом с друг другом.

— Ты не веришь в Бога? — спросила я.

— Нет, малышка. Единственная моя вера — это ты.

Кинг ушел после того, как я уснула в его руках. Утренний свет наполнил мою комнату, и я перекатилась в кровати, чтобы избежать его лучей. А когда, наконец, открыла глаза, то увидела кое-что на

ночном столике, от чего сердце в груди затрепетало и заболело. На лице растянулась смехотворно широкая улыбка. Я тут же полюбила ее. Она была такая же, как и та, что он оставил для Грейс в коридоре долгие месяцы тому назад. На моем прикроватном столике поверх телефона, оставленного мне Кингом, стояла крохотная керамическая статуэтка белого кролика.

Глава 22

Доу

В то утро, когда ушел Кинг, я чувствовала себя воодушевленной и подавленной одновременно.

Он вернулся. Живой, и я была так благодарна, что во вселенной кто-то был ответственен за сохранность этой жизни. Но при таком раскладе я подводила Таннера. Не только тем, что совершила роковую ошибку, выйдя за него замуж, но и тем, что пока он помогал мне вспоминать, я иногда позволяла ему сидеть близко ко мне на диван и держать меня за руку.

Это была моя вина. Во всем, что касалось Таннера, была моя вина и я снова собиралась причинить ему боль.

Мне нужно было поговорить с ним, еще оставалась надежда, что каким-то образом он поймет. Я ополоснулась в душе и надела пару спортивных шорт. Схватила майку из мягкого хлопка и надела ее. Вскрикнула от прикосновения ткани с сосками, словно это терка для сыра, а не мягкий хлопок...

Какого черта мои соски настолько...

Я подбежала к календарю на письменном столе и начала лихорадочно считать в уме, но с

дрожью в руках и головокружением даже самое простое математическое сложение оказалось невозможным.

Отодвинула калькулятор и достала листок бумаги. Может, выразив проблему словами, мне удастся в ней разобраться.

Частая тошнота

+

Отсутствие месячных в этом месяце, а, может, и в прошлом тоже

+

Гиперчувствительные соски

+

Секс с Кингом в воде у лодочного домика

+

Отсутствие *каких-либо*
контрацептивов

=

ТВОЮ. МАТЬ.

Глава 23

Доу

Я нашла Таннера сидящим на крыше лодочного домика.

— Знаешь, начинаю думать, что именно ты заставил сенатора не сносить это ржавое корыто, — обратилась я к нему. — Ты всегда здесь.

Он обернулся. В его глазах отражалась не только грусть, там было что-то еще. Нечто такое, чего я не могла понять.

— Сэмми хотел увидеть тебя, но мы долго добирались, поэтому он

устал, и Надин предложила уложить его спать. Я подумала, что рано или поздно ты сюда вернешься.

Таннер вздохнул.

— Знаешь, это, наверное, мое самое любимое место во всем мире. Мы втроем постоянно здесь пропадали, когда были детьми.

Единственное, что я могла сделать для него сейчас, это выслушать. Потому что последние несколько месяцев он делал для меня то же самое.

— Хочу извиниться за вечеринку. Это было ошибкой. Я был не прав. — Он положил руки на голову и выдохнул. — Мне не стоило подыгрывать сенатору хотя бы

потому, что я знал, что ты была против. — Таннер поднял глаза к небу и закрыл их, словно собирался с мыслями. А затем повернул голову в моем направлении. — Я просто хотел быть настоящим. Меня занесло. Прости, Рэй.

— Тебе не нужно извиняться. Такое чувство, словно мы только и делаем, что просим друг у друга прощения.

— Наверное, потому что так и есть. — Он спрыгнул с крыши. Встал передо мной, засунув руки в карманы джинсов. — Я знаю, почему ты здесь.

— Знаешь?

— Ты уезжаешь, — сказал

Таннер, переступая с ноги на ногу.

— Да, ты прав, — ответила я. —
Никогда не чувствовала, что
принадлежу этому месту, и вместе с
воспоминаниями приходит
понимание, что для меня это будет
наилучшим решением.

— Он жив. Ты возвращаешься к
нему, — сказал Таннер. Это был не
вопрос. Утверждение.

— Откуда ты знаешь? —
спросила я.

— Видел его вчера ночью.

Я прикусила губу.

— Да, возвращаюсь к нему.

Таннер покачал головой и
уткнулся лбом в ладони.

— Думаю, это все меняет.

— За последние полгода я уяснила, что понятие семьи многогранно. То, что мы не вместе, вовсе не означает, что мы не можем быть семьей, Таннер. Семья — это то, что ты сам в нее вкладываешь, чем ты хочешь быть.

— Это не правда, потому что я хочу, чтобы ты была моей семьей, — сказал он, потянулся за моей ладонью и приподнял ее, словно хотел изучить. Таннер был готов смотреть куда угодно, только не в глаза.

— Это возможно. Я буду присутствовать в твоей жизни. Только не так, как ты думаешь, — пришлось напомнить ему.

— Я думаю, что он придет за вами обоими? — спросил Таннер. — Если ты, конечно, волшебным образом не научилась водить машину.

— Тебе стоило сказать мне об этом раньше. Я пыталась завести мамину машину, и единственное, что смогла сделать, это повернуть ключ, после чего поняла, что это все, на что я способна. — После этих слов я посмотрела на него с вопросом в глазах. — Ты слишком спокойно воспринимаешь это, Таннер.

Парень обнял меня и опустил подбородок на мою макушку, тем самым прижав мое лицо к своей груди.

— Я люблю тебя, Рэй, — сказал

он. Из моих глаз полились слезы. Таннер был хорошим другом, и мне будет его очень не хватать, но я не хотела скучать по Кингу.

— Держи, — сказала я, сняла кольцо со своего пальца и вложила его в руку Таннера, после чего сжала его пальцы вокруг этого символа.

— Бл*дь, — сказал Таннер, его глаза заблестели. — Так это все станет еще более настоящим, да? Ты действительно уезжаешь?

— Думаю, да, — ответила я.

Таннер разжал пальцы и изучил кольцо, прежде чем спрятать его в карман.

— Я могу попросить тебя об услуге? О последней перед твоим

отъездом?

— Конечно, — ответила я.

— Поцелуй меня.

— Таннер, не могу... — начала спорить я.

— Всего один раз, Рэй. Прощальный поцелуй. Дай мне понять, что это конец. — Таннер посмотрел на меня большими каштановыми глазами, которые я помнила по своим снам. Я знала, что это было единственным воспоминанием, оставшимся у меня. Они были такими выразительными и практически склонили меня на сторону Таннера, умоляя меня уступить парню и поцеловать его.

— Один быстрый поцелуй, —

согласилась я, мечтая поскорее покончить с этим. Было видно, как разрывается его сердце, и из-за этого чувство вины усилилось. У меня был шанс показать ему, что это конец, поэтому я решила им воспользоваться.

— Никогда не думал, что у меня будет последний поцелуй, — прокомментировал Таннер, шагнул вперед и взял мое лицо в ладони.

— Ты очень настойчивый. И очень властный.

Это всего лишь Таннер. Он всего лишь хочет попроситься.

— Меня не просто так называют Тираном, — ответил Таннер, наклонившись настолько близко, что

я смогла почувствовать прохладное дыхание на щеках, прежде чем его губы мягко коснулись моих.

Не верь Тирану. Именно это сказала мне Никки, когда появилась у моего окна.

А затем это произошло.

Сначала словно маленькие разряды молний, пронзавшие мой мозг. Мерцающие искры света, словно флуоресцентная офисная лампочка, которая пытается не погаснуть. Затем мой мозг превратился в площадку для карнавала, на которой резко включили свет, музыку, карусель и все остальное.

Мое воспоминание.

Понимание всего.

Таннер отстранился в тот момент, когда вернулось очень четкое воспоминание, буквально пронзившее мой мозг.

Память показала картинки другой стороны Таннера.

Сэмми отказывался закрывать глазки, пока не услышит от меня минимум три сказки. Он смотрит на меня своими покрасневшими щенячьими глазками и трет их тыльной стороной ладошки. Сын прилагает максимум усилий, но, несмотря на это, проигрывает битву со сном. Спустя три истории и две песенки мой мальчик засыпает, сжимая свое любимое одеяльце с

мотоциклами всех видов, которые только существуют.

— Сладеньких снов, — говорю я и целую его в лобик.

После чего как можно тише закрываю дверь и сталкиваюсь с Надин в коридоре. Она несет корзину с уже сложенным бельем.

— Рэй, почему бы тебе не сходить к Таннеру сегодня? Я возьму радионяню к себе в комнату. Вы уже давно не проводили время вдвоем. Будет полезно вспомнить, что вы тоже все еще дети.

— Ты уверена? — спрашиваю я. Надин права. Я могла бы больше времени проводить как ребенок. Но между уходом за Сэмюелем и

волнением за Никки на что-либо другое времени почти не остается. Я скучаю по Таннеру. Мы уже долго не зависали вместе.

— Конечно, — отвечает Надин.

— Я могла бы устроить музыкальный фестиваль в этом коридоре, но Сэмми даже не пошевелится. — Это правда. Он часто просыпается в том же положении, в каком засыпал.

Благодарю Надин и бегу переодеваться, не жалея времени на то, чтобы выглядеть более похожей на девочку-подростка и менее на мамочку, которая провела день, пытаясь выяснить, как в волосах Сэмюеля оказались раскрошившиеся

стержни цветных карандашей.

У нас с Таннером были планы на эту субботу. Он только что переехал в домик у бассейна возле дома его родителей. И собирался приготовить мне ужин. Обещал, что все планы будут воплощены в жизнь. У нас не было секса с тех пор, как мы зачали Сэмюеля. Наши жизни стали такими запутанными, а мы были так молоды, поэтому и решили подождать. Но я, наконец, готова, и суббота была выбрана тем самым днем.

Но на тропинке к домику Таннера мое мнение изменилось.

Сегодня тоже прекрасный день.

Звоню Таннеру, но никто не

берет трубку. Затем отправляю ему сообщение, но он не отвечает. Когда подхожу к его дому, то замечаю, что в домике у бассейна горит свет. Это вызывает улыбку. Возможно, он заснул за книжками. Представляю, как залезу в постель и прижмусь к нему, но тут я слышу голос.

Злой голос.

— Что я говорил тебе о похождениях к ней? — спрашивает Таннер. Я никогда не слышала, чтобы он повышал голос, поэтому мне кажется, что это не он. Тихо приближаюсь к углу дома и аккуратно заглядываю в окно. И понимаю, что голос принадлежит Таннеру. Он ходит вперед-назад

перед кроватью, руки сжаты в кулаки.

— Ты сказал не ходить, — отвечает женский голос. Я сразу узнаю его, несмотря на то, что он едва ли громче шепота.

Никки.

Поднимаюсь на мыски и вижу, что она сидит на углу кровати Таннера, спрятав голову в ладонях. И выглядит даже хуже, чем на прошлой неделе, когда я видела ее в последний раз.

Что она делает у Таннера?

— Если тебе что-то необходимо, то ты должна приходить ко мне. Но вместо этого ты пошла к ней, и теперь мне

приходится выслушивать, как ее терзает тот факт, какой е*аной наркоманкой ты стала, а спасти тебя у нее получается. Знаешь, насколько сильно меня заботит то, что ты стала наркоманкой? Ни капли. Мне абсолютно насрать. Бесит, что Рэй расстраивается из-за этого, и в течение трех следующих лет мне не удастся засунуть в нее свой член, потому что она хочет подождать.

— Ты же все равно не соблюдаешь целибат, придурок, — отвечает Никки, глядя на него снизу-вверх сквозь пряди своей грязной челки.

— Нет, мне нравится твоя

развратная задница! — кричит Таннер, огибает кровать и встает перед ней.

— Что ты для меня приготовил? — спрашивает Никки, протягивая к нему заметно дрожащие пальцы.

Таннер поднимает руку, и его ладонь со свистом обрушивается на щеку Никки, от этого удара она отлетает назад на кровать.

— Ты, бл*дь, вообще слушаешь меня? — шипит он.

Я понятия не имею, кого вижу в окне. Это не тот Таннер, которого я знаю, и он бьет Никки, которая мне тоже мало знакома.

Кто, мать их, эти люди, и куда

делись мои друзья?

Никки стонет, но не произносит ни слова.

— Если ты помешаешь мне оказаться по самые яйца в Рэй в эту субботу, то я перережу тебе глотку. Поняла меня? — Таннер забирается на кровать и толкает Никки вниз, сядясь ей на плечи. Затем вытаскивает маленький пакетик из кармана рубашки и машет им в воздухе. Никки оживает, словно ей вкололи адреналин. Она пытается выхватить пакетик, но Таннер убирает его из ее зоны досягаемости. — После, — произносит он и прячет то, что находится в его руке, обратно в

карман.

После чего наклоняется вперед и упирается руками в изголовье кровати, пока Никки расстегивает его штаны. Но я больше не хочу смотреть. Это как фильм ужасов. Но я не могу оторвать взгляд. Когда Никки вытаскивает член Таннера из штанов и берет его в рот, мой желудок сжимается. Я отворачиваюсь в сторону, и меня тошнит на траву.

— Какого черта это было? — спрашивает Таннер. Никки выпускает его, но он хватает ее за затылок и начинает насаживать ее рот на свой член. Глаза Никки слезятся, она давится каждый раз,

когда он толкается в нее. — Разве я разрешил тебе остановиться?

Я беззвучно плачу, становясь свидетелем происходящего с двумя людьми, в которых больше ничего не осталось от детей, с которыми я выросла. Девочка, которая была мне как сестра, и парень, за которого мне хотелось однажды выйти замуж, разрушают все, что я знала о них. Знала о дружбе.

Все было ложью.

Абсолютно все.

— Так не пойдет, — произносит Таннер, выходя из горла Никки, а потом переворачивает ее на живот и достает что-то из заднего кармана. — Давай проверим, как

сильно растянута твоя задница, осталась ли она до сих пор такой же тугой, как в двенадцать лет.

Святое дерьмо.

Вся моя жизнь была ложью.

И этот монстр — отец моего ребенка.

Я не могу дышать. Желудок снова сжимается. Никки задирает кусок ткани, едва прикрывавший ее задницу, до талии и показывает отсутствие трусиков. Таннер раскатывает по своему члену презерватив, грубо хватая ее за бедра и резко толкается в нее. Никки вскрикивает, сжимая простыни в кулаках.

— Я преподам тебе этот

гребаный урок, илюха. Тебе нужна доза? Значит, ты приходишь сюда и сосешь мой член, принимаешь меня в задницу как сейчас, а взамен получаешь то, что хочешь, а я получаю то, что, по мнению моей будущей жены, она никогда мне не даст.

Вот и все. Больше не могу терпеть. Желчь поднимается по моему горлу. Я отворачиваюсь, чтобы уйти, но внезапно чувствую головокружение. С глухим стуком падаю на колени и упираюсь руками в дом. Пытаюсь услышать признаки того, что меня заметили, но ничего подобного не замечая. Снова встаю и с трудом начинаю переставлять

ноги. Каждый шаг — мучительная
пытка. Три квартала до дома
кажутся невыносимой прогулкой по
пустыне, которую невозможно
пересечь. Я успеваю сделать лишь
пару шагов, когда слышу за спиной
голос.

С трудом разворачиваюсь и
теряю равновесие, падая на траву.
Поднимаю глаза вверх и замечаю
возвышающегося надо мной Таннера.

— Ты... ты монстр, —
произношу я, используя все
оставшиеся силы, чтобы отползти
подальше от парня, которого, как
мне казалось, я любила всего пару
минут назад.

— О, Рэй. Ты и понятия не

имеешь.

— Ты в порядке, Рэй? — спросил Таннер, когда я резко отпрянула от него и вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Да, все хорошо, — солгала я. — Мне пора уходить, нужно упаковать вещи. — Я нервно теребила край рубашки в руках. А затем нацепила фальшивую улыбку и сделала шаг назад.

— Ты уверена, что все нормально? — спросил Таннер, шагнув ближе ко мне.

Я вскинула руку вверх.

— Конечно. Меня просто поглотил шквал эмоций, — ответила я и попыталась отойти подальше. —

Сенатор еще не в курсе моего отъезда, хотя ему все равно.

— Он уехал. Дома осталась только Надин, — напомнил Таннер.

— Тогда мне нужно ему хотя бы позвонить, так ведь? — тон моего голоса предательски повисился.

Почему из меня такая паршивая лгунья?

— Сэмми скоро проснется. Иди, пакуй вещи, я отвезу вас, — предложил Таннер.

— Нет. В этом нет необходимости. Кинг...

— Ой, да брось, — сказал Таннер, приближаясь ко мне. — Ты же сказала, что мы до сих пор семья, помнишь? Из-за совместной поездки

не случится ничего страшного.

Уже случилось.

Я споткнулась в месте, где док переходил в мягкий грунт, и упала на задницу.

— Такая неуклюжая. —

Самостоятельно встать я не успела, потому что Таннер быстро добрался до меня и резко поднял с песка.

— Держу тебя, — сказал он, но когда наши взгляды встретились, я увидела Таннера из моего воспоминания. Потом сделала успокаивающий вдох.

— Спасибо, — сказала я и начала стряхивать песок с ног. — И да, ты прав. Отличная идея о совместной поездке. Только дай мне

время привести себя в порядок и собрать вещи Сэмми.

Таннер улыбнулся и убрал прядь волос мне за ухо. Даже самые маленькие волоски на моей шее встали дыбом, но причина была не та же, что с Кингом. Нечто ледяное скрывалось за его словами. Даже навязчивое.

Зловещее.

Глава 24

Доу

Соседского мальчика больше не было. После поцелуя он превратился в монстра из моего прошлого. От нахлынувших воспоминаний меня начало трясти.

— Я сбегая домой и возьму грузовик. Встретимся на крыльце у главного входа в твой дом минут через тридцать.

— Тридцать минут. Да, — кивнула я. Слабо махнула рукой, повернулась и побежала к дому, и снова чуть не упала, споткнувшись о порог за стеклянной дверью. Меня

качало, пока я поднималась в свою комнату. Оказавшись наверху, я с такой силой дернула ящик комода на себя, что почти вырвала его, а носки и телефон, подаренный мне Кингом, полетели через всю комнату. Я подняла телефон и нажала клавишу быстрого набора. Прошло несколько гудков.

— Давай же, возьми трубку, — взмолилась я, нервно постучав пальцами по ковру. Но никто не ответил, поэтому мне пришлось положить телефон в задний карман. Я собиралась найти рюкзак и забросить туда несколько необходимых вещей, но после осмотра комнаты не нашла ничего

нужного.

Мне ничего не было нужно. Для меня имели значение только Сэмми и Кинг. И один из них спал в комнате, расположенной дальше по коридору. Попробую позвонить Кингу еще раз после того, как заберу Сэмми.

— Надин! — выкрикнула я, выйдя в коридор. Снизу были слышны звуки гудения холодильника и вращения барабана стиральной машины. — Надин! — повторила я. — Мне необходимо, чтобы ты подогнала машину. Объясню по дороге, мне нужно уехать немедленно!

Я открыла дверь комнату Сэмми.

Повернула ручку так тихо, как смогла, и закрыла ее за собой с тихим щелчком. Надеюсь, Надин услышала меня и уже подготавливала машину. Я на цыпочках подошла к колыбельке Сэмми.

После чего нагнулась над перилами кровати, ожидая увидеть спящего человечка с волосами, разбросанными в разные стороны и сжимающего свое одеяльце с изображением мотоциклов.

Но Сэмми там не было.

Колыбель была пуста.

Включился свет, и каждый волосок на моей голове и руках встал дыбом.

— До чего же слабым оказался

этот сраный прощальный поцелуй,
— раздался голос, напугав меня и
заставив подпрыгнуть и врезаться в
гору игрушек Сэмми, которые тут же
начали мигать и проигрывать музыку.

— Таннер. Я думала, ты
встретишь нас у крыльца? Где
Сэмми? — Я попыталась спрятать
грусть в голосе. При падении назад я
приземлилась на что-то мягкое и
неподвижное. А когда повернулась и
посмотрела, что это было, то
встретилась взглядом с
неестественно застывшей Надин. Ее
глаза не были сфокусированы, она
смотрела прямо перед собой в
никуда. Рот был приоткрыт, словно
она была застигнута врасплох.

Мертва.

Надин была мертва.

— Какого черта ты сделал?! — закричала я. Таннер встал с кресла-качалки — моего обычного места для укачивания Сэмми. — Где, черт побери, мой сын?!

Он опустилсЯ передо мной на колени и улыбнулся. Но это была не та белоснежная улыбка, которую я видела прежде. За этим угрожающим взглядом и выражением лица в целом скрывался не тот идеальный мальчик.

— Ты целовала меня так, словно я был самым важным человеком в твоей жизни, — сказал он, потянулся вперед и провел большим пальцем по

моим губам. Я отшатнулась от него, но он схватил мой подбородок и дернул на себя. — Ты любила меня, — выплюнул Таннер.

— В какой-то момент, наверное, любила, — я покачала головой, а затем солгала. — Но не помню этого.

Таннер отстранился и в наказание вlepил мне пощечину.

— Лгунья! — Боль была такая, что у меня застучали зубы, и зазвенело в ушах. — Никакого «наверное» быть не может! Мне известно, что ты вспомнила. Хочешь узнать, как я догадался?

— Где Сэмюель? — снова спросила я. — Дай мне встать, Таннер! — попытка опереться на

ноги была безрезультатна.

— Нет! — закричал Таннер, схватил меня за плечи и прижал к полу. — Ты будешь лежать здесь, пока я, бл*дь, разговариваю с тобой. Повторю свой вопрос. Хочешь знать, откуда мне известно про то, что ты вспомнила? — зашипел он сквозь стиснутые зубы.

Я медленно кивнула, решив сдаться и подыграть в его адской игре «вопрос-ответ».

— Потому что, Рэй, я почувствовал твой страх. Ощутил, как задрожали твои губы под моими. И единственная причина, по которой это могло произойти — воспоминание о нашей последней

встрече.

— Ты имеешь в виду ночь, когда я застукала тебя, трахающего Никки? Ночь, когда узнала, что это ты даешь ей наркотики? Бьешь ее? Ту е*аную ночь ты имеешь в виду?! — кричала я, приподнявшись с пола. Злость и ярость выливались из меня. Таннер прижал мои запястья к бокам и рассмеялся мне в лицо.

— Да, ту самую ночь, — он потянулся к моему горлу. — Но я называю это ночью твоего убийства. По крайней мере, мне именно так казалось.

Он сжал мое горло, перекрыв воздух, но затем случилось неожиданное. Это началось как

вспышка белого света, после которой последовал каскад из обрывков воспоминаний той ночи, когда я потеряла память.

Таннер стоял надо мной, нанося удар за ударом по моему лицу и телу, а Никки кричала, прося его остановиться.

Я чувствовала себя так, словно меня протащили по шершавому бетону и бросили. Взгляд сфокусирован на задней части ног Таннера и том, как он уходит обычной походкой.

Ощущение того, как в поисках признаков дыхания под мой нос подносят палец. Сказанные шепотом слова извинений от Никки.

Синие и красные огни, мигающие на расстоянии. Сирена, звучащая все громче и громче по мере приближения ко мне.

Последние слова Никки перед тем, как ее худая фигура снова исчезает.

Укладывание меня на носилки, и крики людей вокруг.

А затем более позднее воспоминание, уже через несколько недель после того, как я проснулась в больнице. То, которое могла теперь рассмотреть с другой стороны.

Я просыпаюсь и открываю глаза, вижу Никки, стоящую надо мной. Она хмурит брови в смятении.
— Рэй?

— Хм? Извини, мы знакомы? —
В течение нескольких секунд я
думаю, что она из моего прошлого,
но затем выражение ее лица
становится раздраженным, почти
холодным.

— Нет, ты меня не знаешь... Но
лежишь на моей гребаной лавке.

И после этого все стало на свои
места.

Почему тогда Никки не сказала
мне, кем я была на самом деле. И
зачем мы отправились на вечеринку
Кинга в ту ночь. С какой целью она
сказала, что защита байкеров станет
решением всех наших проблем.

Все это время она не врала мне.
Никки пыталась меня защитить.

Поэтому меньшее, что я могла сейчас сделать — это бороться, чтобы защитить себя.

Поэтому подняла колено и со всей силы ударила Таннера между ног. Когда он потянулся вниз, чтобы прикрыть свои яйца, я так сильно ударила его голову своей, что раздался треск. Кровь, теплая и густая, затекла в уголок моего глаза. Мне удалось встать на шатких ногах.

— Ты е*аная сука! — завыл Таннер. Я схватилась за колыбельку Сэмми и поднялась на ноги, сделала несколько шагов и уже почти добралась до двери, однако этого оказалось недостаточно.

Таннер успел схватить меня за

лодыжку, и вместо следующего шага я приземлилась подбородком на ковер, прикусив язык. От этого в моем рту появился привкус меди.

— Было бы лучше, если бы ты меня любила, но страх тоже подходит. — Таннер перевернул меня на спину. Я ударилась головой о плинтус, а щекой прижалась к комоду Сэмми. И закачалась из стороны в сторону, пытаюсь приглушить звон в голове.

— Ты всего лишь е*анный возбудитель для члена, Рэй. Мне лишь однажды удалось трахнуть тебя, но тогда я был больным пятнадцатилетним мальчишкой. И решил, что общий ребенок свяжет

нас вместе, сблизит. Думал, что тогда ты начнешь пускать меня в свою киску на регулярной основе. Вот почему я проколол презерватив в тот день. У меня был шок вселенских масштабов, когда все наконец-то вышло. И поверь, что тебе повезло. Ты оказалась единственной, кто был достоин выносить моего ребенка... потому что я заставил Никки избавиться от него. — Таннеру хватает наглости подмигивать при этом. — Но даже тогда, нося моего ребенка, ты не надела кольцо. И потом тоже не надела. Сказала, что у тебя планы. Планы, в которых ты... — Таннер показал мнимые кавычки в воздухе, — не знала, буду ли я для

тебя кем-то большим, чем друг и отец твоего ребенка, — повысил он голос, рассмеялся и покачал головой. — Что ж, святоша Рэй, можешь на меня рассчитывать, это звучит чертовски шикарно.

— Пошел ты, — выплюнула я. — Слезь с меня! Больной на голову монстр!

— Теперь ты это осознаешь! Давно пора! Знаешь, как утомительно притворяться тем, кем я не являлся? Е*анный соседский парнишка? Мне удалось сделать невозможное — понравиться твоему отцу! Он даже не разозлился, когда ты от меня залетела! Представляешь, как тяжело это было?

— А твои родители знают, что ты моральный урод? — бросила я, пытаясь оказать сопротивление. Затем осмотрелась вокруг, но не нашла ничего, что можно было бы использовать в качестве оружия.

— Лучше не знать. Им плевать на меня даже в большей степени, чем сенатору на тебя.

Таннер задрал мою майку, и я пнула его ногой в попытке сбросить с себя, но он сжал мои колени вместе и оседлал меня, обездвижив тем самым ноги.

— Вот для чего мне нужна была Никки. Она позволяла наполнять все свои дырки с двенадцати лет. И когда мы начали экспериментировать с

наркотиками, это было похоже на выигрыш в лотерею, потому что за дозу эта сука позволяла мне делать все, что угодно. Резать ее, жечь, душить, связывать до тех пор, пока запястья не начинали кровоточить.

Никки.

Я вспомнила. Как она появлялась с этими отметинами на своем теле в моем доме. И всегда находила причину повреждений. То порезалась о гвоздь в лодочном домике. То наткнулась на дверь. То ее лягнула лошадь у двоюродной сестры. Никки всегда была неуклюжей. У нее даже не было парня, которого можно было подозревать. А ее родители были

образцовой семьей.

Не было ничего, что заставило бы меня усомниться в ее словах, но я видела знаки, что было что-то не так.

И подвела ее.

Подвела, потому что была слишком занята своей идеальной жизнью и не замечала происходящего с ней. Я поморщилась, вспомнив все те разы, когда жаловалась ей на Таннера. О том, какой внимательный он ко мне был. Как заботливо вел себя с Сэмми. Она была единственной, с кем я могла поговорить о своей жизни.

— Тебе стоит поблагодарить Никки, потому что из-за нее у тебя было личное пространство. По этой

причине я был таким идеальным парнем. Она принимала все то, что я хотел дать тебе. Но этой е*аной шлюхе нужно было пойти и все испортить. Когда я поволок тебя в туалет, она побежала за помощью. — Таннер закатил глаза. — И когда они не нашли твое тело, а Никки перестала приходить за дозой, я понял, что ты до их пор жива, а эта пи*да с тобой. И вы обе прячетесь от меня. — Таннер улыбнулся порочной и злобной улыбкой, сжал ладони на моем горле, словно играя в свою извращенную игру с удушением. — Но в итоге я поймал Никки в странном мотеле. И когда она не сказала, где ты... — он посмотрел в сторону,

потерявшись в воспоминаниях. Его лицо покраснело. Лоб наморщился, словно парень злился. На шее вздулись толстые вены. Таннер снова обратил внимание на меня и так сильно сжал мое горло, что я больше не могла дышать. — Я убил эту шлюху. — Он резко отпустил мое горло, и я попыталась наполнить легкие воздухом.

— Пошел. Ты, — прохрипела я, как только мне хватило на это сил. Таннер убил Никки. Она не умерла от передозировки. Мой отец не убивал ее. Нет, ее убил соседский парень.

Мой парень.

— Думаю, мне нравится твой

страх, это делает мой член твердым, — Таннер схватил меня за руку и прижал к своей жесткой эрекции, спрятанной под шортами. — Может, я ошибался, и это тебя стоило трахать в задницу, — сказал он, хватая мою грудь и впиваясь ногтями в нежную плоть. Я попыталась не реагировать. Не кричать. Глупо тратить энергию на то, что не даст результата.

Я научилась этому, борясь с Кингом.

— Думаешь, ты внушил мне страх? — рассмеялась я, покачивая головой из стороны в сторону. — Мне известно все о настоящем страхе. О таком дерьме, от которого ты попросту обмочил бы свои шорты.

Думаешь, я тебя боюсь? Подумай хорошенько. Я знаю, как выглядит самый главный кошмар, и он намного больше тебя, у него зеленые глаза и множество татуировок.

— Ты говоришь о том гребаном преступнике? — с горечью спросил Таннер. — Тот ублюдок заплатит за все, что сделал со мной в ночь вечеринки.

Что ему сделал Кинг на вечеринке?

— О, он не рассказал тебе? — спросил он. — Я пришел к твоему окну, чтобы преподнести очередное фальшивое извинение всемогущей Рэй Прайс, но увидел вас двоих. — Мои глаза заслезились. — Тот

ублюдок знал о моем присутствии, поэтому устроил шоу, трахнув тебя на моих глазах и заставив сказать, что ты любишь его. — Таннер согнулся, словно его должно было вот-вот стошнить, но сделал глубокий вдох и продолжил. — Он кончил тебе на спину, буквально втирая себя в твою кожу, словно ты принадлежала ему! — Таннер схватил мою голову с обеих сторон и начал бить меня затылком о ковер, будто хотел донести до меня значение сказанных им слов. Снова, снова и снова, пока у меня в глазах не начало двоиться и расплываться. Два взбешенных Таннера кричали на меня, слюна вылетала из их ртов, пока они

продолжали вбивать мою голову в пол. — Но ты не принадлежишь ему! Ты не его, бл*дь, Рэйми! Не его! Ты моя! — рычал Таннер. Потом замахнулся кулаком и ударил меня прямо в живот.

Весь воздух покинул мои легкие. Резкая боль ударила по позвоночнику. Я повернулась на бок и сложилась пополам, обнимая живот. И молилась, чтобы он не отнял жизнь, которую создали мы с Кингом.

— Теперь ты боишься меня, сука?!

— Хватит! Прекрати! Я... — удалось прохрипеть мне, после чего я замолчала. Глаза Таннера широко

распахнулись. Его грудь поднималась и опускалась. Он не моргал. Его рот был открыт, но из него не выходило ни слова. Затем Таннер понял, что я хотела сказать, потому что встал с пола и ударил ногой комод, от чего радио-няня Сэмми и все содержимое столика для смены подгузников полетело вниз, мне на голову.

Он пересек комнату и встал надо мной, глядя с такой яростью, что мне стало жарко. Я поморщилась, когда Таннер нагнулся, но его интересовало нечто, лежавшее на полу.

Телефон, данный мне Кингом. Порочная улыбка заплясала на его лице. С гортанным рыком он поднял

ногу.

Последнее, что я увидела, был его каблук.

Последнее, что почувствовала, — удар по моему лицу.

Глава 25

Кинг

— Поэтому я и решила, что не умру, — объявила Грейс, подав мне пиво. С момента нашего возвращения из конспиративного дома было заметно, насколько сильно она изменилась. Двигалась с большей легкостью. На ее коже появился легкий румянец, исчезли мешки под глазами.

— И ты можешь решать такие вопросы? — спросил я, сделал глоток пива и поставил бутылку на стол. Грейс подошла, взяла ее и

переставила на лежавшую на столе подставку, о существовании которой я забыл.

Почти уверен, что если вернуться в мой дом и обыскать его сверху донизу, то ни одной подобной подставки там не найдется.

— Да. Могу. — Грейс потянулась и положила руку на мое предплечье. — Ты так много пережил, мой мальчик. Я не хочу, чтобы ты волновался еще и по этому поводу. Кроме того, я, ребятки, вам нужна. Это же очевидно. Поэтому и не собираюсь умирать. Я остаюсь.

— А что говорит доктор о твоих планах на дальнейшую жизнь? — спросил я, снова взяв пиво. Теперь,

когда Эли больше не является угрозой и горизонт чист, я могу вернуть свою девочку домой и расслабиться.

— О, да что он знает? Я чувствую себя прекрасно, и это главное. Возвращаться к нему неделю за неделей и тратить впустую свою жизнь, чтобы слушать его рассказы о том, сколько мне осталось? Абсолютно бесполезно. Поэтому я решила, что никуда не пойду, и все.

— Честно говоря, — начал я, — если кто-то и может избежать встречи с Создателем только потому, что решил жить... Полагаю, это будешь ты. — И это правда. Грейс была не просто старушкой с

изобилием керамических кроликов. Она являлась сильной личностью, с которой приходилось считаться, и если ей захотелось использовать эту силу для борьбы с лодочником, готовым переправить ее на тот свет, то кто я такой, чтобы спорить?

— Значит, мне больше не нужно приносить тебе травку?

— А вот этого я не говорила, — пропела Грейс. — Мне нужно быть рядом с тобой как можно дольше, особенно сейчас, когда у моего мальчика будет малыш. Бабуля Грейс уже приготовила свою шляпу со сладостями, и хочу тебя предупредить, что после того, как ты ее наденешь, снять будет очень

тяжело.

— У малыша есть папа, Грейс. Я просто буду его... — Я замялся. Никогда не давал статус нашим с Доу отношениям. Она была просто моей. Поэтому при необходимости сказать это вслух, возникла такая заминка.

— Типа приемного отца, — предложила Грейс. Ее губы вместо улыбки сложились в прямую линию. Она оторвала этикетку с бутылки и произнесла: — Я сожалею о Макс. Мне хотелось бы сделать все возможное. Сама бы ее удочерила, если бы это было возможным.

Я кивнул. Вчера ночью, перед тем, как уйти от Доу, я сказал ей, что подписал отказ от прав на Макс. Я

мог бы бороться за нее. Но она заслуживала лучшего, а не битву, из-за которой ей пришлось бы жить в приемных семьях до восемнадцати лет. Я надеялся, что однажды она решит найти меня и позволит объяснить, что причина моего отказа не в том, что она мне не нужна, а в том, что я очень сильно любил ее.

— Ты можешь стать его отчимом, если решишься жениться на девушке, — сказала Грейс.

— Не могу. Она уже замужем, — напомнил я ей.

— Сейчас — да. Но это не навсегда. И если у тебя мозги работают хотя бы наполовину от возможного потенциала, то ты

должен понять, что брак — это не просто комичная зарисовка. Если у вас двоих есть хотя бы небольшая часть того, что было у нас с Эдмондом, то лучше не затягивать с решением. Тебе нужно держать ее крепче и никогда не отпускать.

— Она подросток.

Грейс покачала головой.

— В этой девушке нет ничего незрелого, кроме возраста. Она уже прожила две жизни. Думаю, тебе нужно убедиться, что жизнь номер три стоит того.

— Таков план.

— Итак, когда ты ее забереешь?

— нетерпению Грейс не было предела.

— Сегодня вечером, — сказал я, скрыв улыбку, которая угрожала появиться на моем лице. За весь прошлый год я помню так мало своих улыбок, что с легкостью могу сказать их количество, так же, как и то, что все они появлялись благодаря моей девушке.

В кармане завибрировал телефон, оповестив о входящем текстовом сообщении. Я собирался проигнорировать его, но потом вспомнил, что на всякий случай дал этот номер малышке. Затем вытащил его из кармана и взглянул на экран. Пропущенный звонок, от нее.

— Черт, — выругался я. Даже не почувствовал вибрацию и не слышал

звонка. Щенячьи глазки отправила сообщение.

Это был ее номер.

Я нажал на иконку.

Увиденное заставило мое сердце замереть, а кровь закипеть.

На экране было изображение сломанной, окровавленной и избитой версии моей малышки. Волосы, закрывающие ее лицо, были красными. Она сидела на стуле с широко раскрытым ртом и была привязана. Ее челюсть была сдвинута в одну сторону, словно малышку многократно били. Одежда была разорвана и свисала на ее теле.

Затем я заметил, что это было видео.

— Что это, черт возьми? — вырвалось у меня вслух. Грейс встала за моей спиной, чтобы понять причину происходящего. Я нажал на воспроизведение, и ужасная сцена, которую была принята мной за простое фото, превратилась в видео.

Щенячьи глазки, которую снова и снова бил кулаком мужчина. Она кричала, плакала, и умоляла о том, чтобы ее прекратили избивать. Она уже не двигалась, но удары продолжались. Их наносили сжатой в кулак рукой, с безвкусными золотыми часами с красным ободком из бриллиантов.

Сенатор.

Пришло еще одно сообщение.

Оповещение появилось поверх
воспроизводимого видео.

«ЛОДОЧНЫЙ ДОМИК. 11
ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

ОДИН. БЕЗ ОРУЖИЯ. ИНАЧЕ
ОНА УМРЕТ».

Глава 26

Кинг

Самое страшное чувство в мире — понимание того, что ты не можешь помочь человеку, которого любишь. Ее криков от причиняемой боли и вида того, как она истекает кровью из-за нанесенных ударов, вполне достаточно для того, чтобы свести любого нормального человека с ума.

А я с самого начала не отличался особым благоразумием.

Сенатор, возможно, и хотел моей смерти, но мне и в голову не могло

прийти, что он способен причинить вред собственной дочери. Я причинял людям боль. И будучи отцом, я бы в первую очередь позаботился о безопасности своей дочери, чтобы никому и в голову не пришло обидеть ее.

Надежда, что сенатор соблюдал негласный кодекс чести преступного мира, рухнула, я недооценил силу его желания разрушать жизни.

Я отправлюсь за ней, и не имеет значения, удастся ли мне остаться в живых. Плевать, даже если он прострелит из пушки мою голову, лишь бы это спасло Доу. А если я все еще буду дышать, то убью сенатора, но перед этим он вынесет боль и

страх, которых еще не испытывал.

Забавное случается, когда вы боитесь худшего. Некоторые люди поддаются панике и становятся беспомощными из-за подобной ситуации. Другие остаются и сражаются, даже если выхода нет.

Тюремный психолог называл это термином «борись или умри».

А я тот еще долбаный борец.

Всегда был им, начиная с детской площадки и заканчивая тюремным двором.

Я должен был появиться там в одиночку, но это не означало, что мне не понадобится помощь. Мой взгляд упал на телефон. Восемь вечера. Слава Богу, у меня еще было

время, сейчас дорога каждая секунда. Я позвонил Медведю. Ответа не было. Ударил кулаком по рулю и прислонился к нему лбом. Конечно, нет. Он стал еще более двинутым на голову после того, как Эли с ним так дерьмово поступил. Медведь, вероятно, свихнулся окончательно и в данный момент по самые яйца был погружен в киску «Пляжных Ублюдков». Я поднял голову и прямо перед собой увидел дорожный указатель на Корал Пайнс.

Это было знаком свыше.

Потому что в Корал Пайнс я знал того, кто мог мне помочь.

Шины скользнули по мокрой траве. Я помчался по склону к

единственному человеку, который моментально придет на помощь.

Нет, к тому, кто мог *убить* в одно мгновение.

* * *

Джейк Данн был наемным убийцей. Или, по крайней мере, *являлся* им до женитьбы. Но немногие знали об этом. На первый взгляд он казался очередным чисто выбритым парнем с пляжа, но его татуировки и поведение говорили о другом.

Джейк Данн был живым воплощением ангела смерти.

Я сам узнал об этой части его

жизни от нашего общего знакомого, который нас познакомил в тюрьме. Голландец по имени Джейк Морденар. Убийца.

Как тонко подмечено.

Я подъехал к его небольшому жилищу и даже не успел по-настоящему осознать абсурдность того, что Джейк Данн живет в домике с маленькими розовыми ставнями и качелями во дворе.

Тут же выскочил из грузовика, поднялся по ступеням парадного входа и постучался в дверь.

— Минуточку! — раздался женский голос. Я постучал громче. — Одну гребаную минуту! — снова закричала она.

Дверь резко распахнулась, и появилась небольшая рыжая девушка, которая собиралась что-то сказать, как будто знала, кто ждет на крыльце, но затем она подняла глаза и закрыла рот.

Она не ожидала увидеть меня.

— Полагаю, что ты здесь не для того, чтобы проверить состояние сделанной тобой татуировки, — сказала она, решительно скрестив руки на груди и прислонившись к дверному косяку. На ней были маленькие шорты для бега и облегающая майка, не скрывающая факт отсутствия на ней лифчика.

— Мне нужен Джейк, — сказал я. Хотелось отодвинуть ее в сторону

и ворваться в дома, чтобы найти его, но Эбби была единственной, кроме его дочери, о ком Джейк действительно заботился. И если я сделаю то, что хочу, то шанс получить его помощь ничтожно мал, а моя жизнь закончится на дне болота.

— Ага, так я и подумала. Он за домом. — Она посмотрела на мою грязную одежду. — Обойди там, — сказала девушка и показала на угол дома. Я развернулся, но ее слова заставили меня задержаться. — Ты в порядке?

— Нет. Совсем не в порядке. Моя девушка в беде, — честно ответил я. У меня не было времени для игр

разума. Не было времени ни на что. Только время до одиннадцати вечера, чтобы придумать, как спасти свою девушку.

— Я отведу тебя. — Эбби вышла на крыльцо, закрыла за собой дверь и повела меня к берегу моря, где сидел Джейк. Рядом с ним стояла бутылка «Короны», между губ была зажата сигарета. Розовая удочка в стиле Барби находилась в руках.

— Малыш, я куплю ей настоящую удочку, потому что этим дешевым куском дерьма даже нельзя подсечь. Я знаю, что она ей нравится из-за цвета, но, бл*дь, Боже, этой штукой не поймаешь даже самую маленькую рыбку.

— Джейк, — сказала Эбби, после чего парень поднял глаза и заметил мое приближение. — Ему нужна твоя помощь.

Джейк сделал глоток пива и отложил удочку.

— Посмотри это видео, — сказал я и бросил ему свой телефон.

Эбби встала рядом с ним, и они в полном молчании уставились на экран. Девушка выглядела испуганной, а Джейк никак не среагировал, зато я ощутил, словно еще одна частичка меня умерла.

— Тебе нужен солдат. Это не мой профиль, — сказал Джейк.

— Если я верну ее, а ублюдок все еще будет жив, то ты можешь забрать

его себе. Сделать все, что захочешь, но итог будет только один — он должен перестать дышать.

Джейк сморщил нос.

— Не-а, мужик. Не могу отнять это у тебя. От подобной жажды мести у тебя не только закипает кровь, но и встает член.

Джейк бросил мне телефон, я зашел в галерею и выбрал фотографию, сделанную одним прекрасным утром. Она была нужна только для моего ненормального удовольствия, без умысла, что может пригодиться для чего-то другого. После чего я поднял телефон и показал ему экран.

— У тебя также может быть это,

— сказал я.

— Джейк, — обратилась Эбби, подталкивая его бедром. Его взгляд прилип к экрану, зрачки расширились до размера блюдца. — Джейк, — снова сказала она, уже сильнее толкая его.

Он посмотрел на нее, а затем повернулся ко мне.

— Хорошо. Я сделаю это. Тем более, что моя девушка смотрит так, словно я не получу секса в этом столетии, если не соглашусь на это. И так как я, черт возьми, снова пытаюсь заделать ей ребенка... — Джейк прижал руку к спине Эбби и улыбнулся. Между ними была глубокая связь, и, несмотря на то, что

он забирал жизни ради удовольствия, в его взгляде читалось почтение.

Словно он поклонялся ей.

Джейк отвел взгляд от своей жены, и я увидел, как его глаза изменили синий цвет на черный. Его голос прозвучал по-другому, более глубоко. Вибрировал сильнее.

— У тебя есть солдат, — сказал он, выдувая дым через нос в ночной воздух, как огнедышащий дракон.

— Принесу тебе куртку, — сказала Эбби и убежала домой. Джейк проследил за ней взглядом до того момента, пока она не исчезла за раздвижными стеклянными дверями.

— Твоя девушка? — спросил Джейк, вернув мне телефон, на

экране которого было лицо Доу крупным планом. — Она что-то в этом роде? — Он указал на место, где исчезла Эбби.

— Как что?

— Она лучше тебя, но по какой-то глупой причине не понимает этого?

— Типа того, — прозвучал мой ответ.

Джейк бросил свою сигарету в розовое ведро с надписью: «ПАПОЧКА, БЛОСАЙ СВОИ ПЛОТИВНЫЕ СИГАЛЕТЫ СЮЮЮЮДА, СТОБЫ У ТЕБЯ НЕ ПОЛТИЛИСЬ СУБЫ».

— Просто запомни мои слова, что когда все это закончится, и ее

сердце все еще будет биться, а легкие качать воздух, сделай все дерьмо законным. Женись на ней. Заделай ей ребенка. Все, что можешь, чтобы привязать ее к себе на всю жизнь, как бы эгоистично это не было.

Эбби вернулась и вручила ему кожаную куртку.

— Ключи в кармане, — сказала она. Джейк подошел к ней и схватил за затылок, прижавшись к ее лбу своим.

— Проверь Джи. Скажи ей, что папочки не будет некоторое время. — Он коснулся подвески на ее ожерелье, а Эбби накрыла его руку своей. Через минуту они расстались, Джейк надел куртку и направился к

передней части дома.

— У меня грузовик, — сказал я, когда мы дошли до подъездной дорожки.

— В сообщении сказано, что тебе нужно быть там к одиннадцати?

— Да.

Джейк покачал головой.

— Я возьму свой байк. Проедусь немного. Очищу разум.

— А я съезжу в клуб, поищу Медведя. Не могу дозвониться до него. Встретимся у меня через час, — сказал я и повернулся к грузовику.

Джейк закурил сигарету. Оседлал свой байк и повернул ключ, оживив тем самым двигатель. Попрощался резким рывком

подбородка в мою сторону и поехал
вниз по дороге к трассе, подняв
белую пыль в черный ночной воздух
и набирая скорость.

Я посмотрел на свой телефон.

Девять вечера.

Два часа.

Два часа до того момента, как я
увидю свою девушку.

Живой или мертвой.

Глава 27

Кинг

Когда я подъехал к клубу, то увидел худого проспекта, охранявшего ворота. Маленький говнюк, которого они называли Тором, встал с потрепанного барного стула и начал их открывать. Я припарковался рядом с байком Медведя, оставил ключи в замке зажигания и не стал закрывать дверь.

— Кинг! — окликнул меня Тор. Когда я обернулся, то увидел, что этот тощий парень бежал от ворот ко мне. — Остановись! — крикнул он и

встал передо мной, переводя дыхание и положив руки на колени. Тор поднял указательный палец.

— У меня нет времени ждать, пока ты снова научишься дышать, малыш. Какого черта ты хочешь? — резко выпалил я.

— Я забыл. Мне больше нельзя пускать тебя. Тебе запрещено здесь находиться, — сказал Тор.

— Кто это, черт возьми, сказал?

— През. Сказал, что ты не один из нас, поэтому больше не можешь появляться здесь, а я выкурил косяк и облажался, чертовски облажался. Он убьет меня к чертям собачьим.

— А что твой долбаный ВП думает об этом приказе? — спросил

я, скрестив руки на груди. Глаза парня широко распахнулись из-за того, что я пристально посмотрел на него.

— Не знаю, мужик. Он заперся в своей комнате, впуская к себе только шлюх «Пляжных Ублюдков». И выходит только затем, чтобы взять очередную бутылку или купить дурь у Волка. Ни с кем не разговаривает. Но серьезно, тебе нужно уйти. През грохнет меня, но в худшем случае я никогда не получу свою нашивку!

— Чего ты боишься больше? Смерти? Или отсутствия нашивки?

— Второе, конечно, — фыркнул Тор, сморщив нос.

— Тупой говнюк, —

пробормотал я и направился к комнате Медведя.

— Серьезно, мужик, если ты не повернешь назад, то я буду вынужден выстрелить в тебя, иначе През меня прикончит.

— Так, мать твою, пристрели меня! — выкрикнул я через плечо.

— Бл*дь, мужик! — застонал он. — Только недолго. И чтобы никто тебя не видел! БЛ*ДЬ!

«The Lynyrd Skynyrd», грохотавшая из комнаты Медведя, сменилась на Джонни Кэша, и в минимальный промежуток тишины между песнями я услышал легкую суету внутри, словно звук мебели, передвигаемой по полу. Я постучал

кулаком в дверь.

— Медведь, тащи свою чертову задницу сюда. — Оглянувшись, я не заметил никого, кроме нескольких сучек «Ублюдков» на балконе с другой стороны двора, которые подмигнули и поманили меня к себе. Мне пришлось снова постучать в дверь. Мне до сих пор не открыли, поэтому я прошел в конец коридора к старой пустой лифтовой шахте и дернул за разрушенную стену, вырвав достаточно большой кусок бетона, чтобы выполнить задуманное. Затем подошел к комнате Медведя с другой стороны, замахнулся и запустил этот кусок в его окно.

Внутри раздался женский крик,

когда я шагнул через оконную раму, пригнувшись, чтобы не пораниться об острые осколки. Медведь лежал на кровати. Обнаженный, на нем был надет только жилет, а источником крика оказалась сидевшая на нем миниатюрная азиатка.

— Пошла нахрен отсюда, — прозвучал мой приказ. Девушка спрыгнула с Медведя и опустила вниз по своему телу клочок материала, едва державшийся над грудью и плохо прикрывавший ее задницу. Она пробежала мимо меня, на ходу схватила пару туфель с прозрачной платформой и пятнадцатисантиметровыми шпильками и вылетела за дверь.

— Тебе нельзя здесь находиться,
— сказал Медведь. Синяки на его
лице были такими жуткими, словно
его избили всего пару часов назад.
Двигался он не лучше.

— Ага, Тор сказал мне тоже
самое сразу после того, как впустил.

— Мы тут управляем чертовым
кораблем, — Медведь расстроенно
выдохнул и провел рукой по грязной
гриве светлых волос. — И я должен
стать капитаном этого СС под
названием «Пиз*ец», который тонет
быстрее, чем сраный «Титаник». —
Прозвучал сигнал тревоги. Звук
приглушенных голосов достиг
комнаты Медведя.

— О, сигнал тревоги, — сказал

Медведь. — Кавалерия на подходе. — Он перевернулся на бок и вытащил сигарету из пачки, лежавшей на тумбочке. Зажег ее и откинулся на кровать, после чего снял презерватив и бросил его в мусорное ведро.

— Папаня сказал, что мне больше нельзя с тобой играть, — засмеялся Медведь, сделал глоток из бутылки виски, которую поднял с пола рядом с кроватью.

— Я так и подумал, когда он перестал отвечать на мои звонки. Когда мы были в терках с Эли. — Медведь вздрогнул от упоминания этого имени. — И мне насрать, что думает твой старик прямо сейчас, потому что у нас дохера проблем и

нет времени, поэтому прячь свой гребаный член и садись в грузовик. Расскажу все по дороге.

— У нас всегда были проблемы, — пробормотал Медведь. — Что, черт возьми, нового в этот раз? — Он перекинул ноги через край кровати и потер глаза руками.

— Вот что нового, ублюдок, — сказал я и бросил ему телефон.

— Ты проделал весь этот путь сюда, практически сорвал с моего члена прекрасную азиатскую киску, и, скорее всего, лишил Тора нашивки из-за того, что захотел показать мне свой новый телефон? — спросил Медведь, растягивая слова. Он поднял сигарету над полом и

стряхнул пепел прямо на ковер. Нетронутая пепельница стояла меньше чем в метре на маленьком столике рядом.

— Посмотри видео, — сказал я язвительным тоном. Медведь посмотрел на меня и щелкнул по экрану. Подсветка телефона позволила мне увидеть выражение его лица в момент просмотра видео, и оно говорило само за себя. Я сделал несколько глубоких вдохов, чтобы задвинуть подальше желание протянуть руку и задушить что-то, что угодно, или кого-то.

КОГО УГОДНО.

Медведь наблюдал за ситуацией, воспроизводимой гаджетом в его

ладони, и по мере того, как приходило понимание происходящего, его поведение менялось. Тело стало жестким, плечи напряглись, а глаза смотрели в одну точку. Сначала он нахмурил брови, находясь в замешательстве, но к моменту завершения видео его кулаки были сжаты от гнева.

— Если она небезразлична тебе, тогда подними задницу, засунь свой член в штаны и сядь в долбаный грузовик. — Медведь встал с кровати и поднял штаны. Подошел к комоду, оттолкнул его от стены и открыл отверстие в гипсокартоне. Пошарил внутри и достал два пистолета, затем убедился, что они оба заряжены,

прежде чем положить их в кобуру под жилетом.

— Пойдем, мать твою, — сказал он, надев сапоги, стоявшие у открытой двери в крошечную ванную. Завязывать шнурки никто не собирался.

Медведь оттолкнул меня в сторону и вышел из комнаты первым, пошел к задней лестнице, противоположной той, по которой я пришел. Топот сапог, поднимающихся по лестнице на другом конце внутреннего двора, эхом отдавался под непрочными навесами.

— Что, послал к чертям все установленные мною правила,

мальчик? Ты все равно ни одно из них не соблюдаешь. — Чоп стоял у подножья лестницы. — На тебя были возложены большие надежды. Но как, черт возьми, мне передавать молоток вице-президенту, который не уважает своих братьев, Президента и законы, по которым мы живем?

— Можем поспорить обо всем этом дерьме позже, папаня, — небрежно бросил Медведь. — Девушка Кинга может сыграть в ящик примерно через час, если мы не доберемся до нее, поэтому мы с тобой можем поговорить по душам после того, как я удостоверюсь, что этого не случится.

— Опять в беде? Девушка выглядела испуганной, когда приезжала сюда несколько недель назад, — сказал Чоп, выпятив нижнюю губу наружу.

— Она была здесь? — спросил Медведь, сделав шаг к Чопу. Пара человек прикрывала его сбоку, а когда увидели мое приближение, то приоткрыли свои жилеты, показывая, что вооружены.

Но я, черт возьми, тоже стоял не с пустыми руками.

— Да, она была здесь. Хотела поговорить с Медведем, — подхватил Волк, стоявший рядом с Чопом. Его руки исписаны цветными татуировками Джека Потрошителя, а

также проституток разных степеней расчленения, за убийство которых тот стал известен. Только больной ублюдок захочет нанести такое дерьмо на свою кожу, но работа была проделана хорошая.

Одна из моих лучших.

— Почему никто не сказал мне, что она меня искала? — спросил Медведь, его грудь вздымалась от гнева.

— Во-первых, потому что мы были в режиме изоляции, пока ты занимался хрен знает чем с вот этим, — он махнул рукой на меня. — И, во-вторых, потому что я отдал такой приказ. Это все еще мой клуб, — сказал Чоп. — Истина в том, что она

не относится к делам клуба, сын. Девушка не является нашей старухой и не приезжает сюда, чтобы сосать чей-то член. Поэтому я послал ее.

— Да, а еще соврал ей о моей смерти, — вмешался я, почувствовав прилив ярости.

Чопу хватило наглости рассмеяться.

— И что такого, мать твою? Я сказал ей, что вы оба мертвы.

— Пошел ты! — взревел Медведь и набросился на отца. Если бы моя малышка не была в опасности, то я бы послал осторожность к чертям и вырубил бы их. Байкера за байкером. Но это был не мой бой, и даже если бы это было

не так, то у меня все равно не было времени для этого.

— Это не тебе решать.

— Нет, мне! Это именно то, чего ты, кажется, не понимаешь! Каждое решение, что затрагивает интересы клуба, принимаю я! Я, мать твою, Президент, но ты, по-моему, забыл, что в наши дни означает этот титул! Мне хочется передать тебе гребаный молоток, но ты плюешь мне в лицо каждый раз, когда отвергаешь его.

Медведь отказался стать Президентом?

Я схватил Медведя за плечи прежде, чем ему удалось добраться до Чопа. Он избавился от меня, но остановился. Я оглянулся на стоящих

рядом байкеров, которые наблюдали за развернувшимся противостоянием.

— Большинство из вас я знаю всю свою долбанную жизнь, — сказал я. — Знаю вас, ублюдки, дольше, чем большинство из вас знают друг друга. Но никогда не просил вас об особых услугах. Ни о чем, что не вернул после в десятикратном объеме. Но моя девушка приходит сюда в поисках помощи, и вы отворачиваетесь от нее, потому что През разозлился, что я не принял нашивку, когда был ему нужен? — Я покачал головой и посмотрел на Чопа. — Если так ты относишься к тем, кого знаешь

десятки лет, тогда я принял правильное решение, мать твою. Ты злишься на меня из-за того, что на твоём пороге пролилась кровь? Злишь. Но это оказалась не твоя гребаная кровь. А моя. Моего друга. Моей семьи. Поэтому можешь взять свое самодостаточное братство и пойти трахнуться с ним. Мне известно, что такое настоящее братство. — Я в последний раз взглянул на мужчин вокруг себя. — Когда кто-то из вас когда-либо нуждался в чем-то, я никогда не закрыл дверь *своего* дома у вас перед носом. Преппи знал, что такое братство. Медведь знает, что такое братство. Ты? — Я указал на Чопа. —

Не знаешь ни черта.

— Тебе лучше следить за своим гребаным языком, мальчик, — прошипел он в ответ и указал на Медведя. — Во что бы не ввязалась эта девушка, это не твоя проблема и не наша. И он тоже. — Чоп повернулся ко мне. — У тебя была возможность стать «Пляжным Ублюдкой», мальчик. Много шансов. Но ты не захотел этой жизни. И отвернулся от возможности получить преданность и защиту этого клуба. — Чоп повернулся к Медведю. — Но ты все еще относишься к нему так, словно он ходит в проклятом невидимом жилете! — Чоп осмотрел меня с головы до ног так, словно я

вызывал у него отвращение, а потом повернулся к сыну. — Он не заслуживает твоей преданности, мальчик. Твои братья могли встретиться со своим Создателем, а ты либо не понимаешь этого, либо тебе насрать, и, честно говоря, я, бл*дь, даже не знаю, что меня злит больше! — Чоп встал почти вплотную к Медведю. Они без малого соприкасались плечами, глядя в голубые глаза друг друга, оба выпятили грудь и сместили центр тяжести в одну сторону.

— Айзек был здесь, потому что кто-то из клуба впустил его. Один из наших братьев, из тех людей, которым я должен быть предан,

убедился, что отморозок оказался здесь, чтобы убрать нас всех. Не только Кинга или Преппи, но и меня. Кто бы ни позволил ему войти, он был одним из наших братьев, и этому человеку было насрать на то, что конечным результатом могла стать пуля в моем черепе. — Чоп открыл рот, чтобы высказаться, но Медведь еще не закончил. — И не смей, мать твою, говорить со мной о преданности. Просто спроси маму. О, подожди, ты же не можешь. Она же, бл*дь, мертва из-за тебя.

— Ты неблагодарный сукин сын,

— Чоп сморщил нос, словно собрался выдохнуть огнем.

— Сомневаешься в моей

гребаной преданности этому клубу!? Я принял пулю за тебя. Убивал без вопросов. И был предан на сто пятьдесят процентов с того дня, как надел этот жилет. Это тебя нужно проверить, папаня, — Медведь сделал шаг назад. — Преп и Кинг были большей семьей для меня, чем ты когда-либо. И если действительно хочешь поговорить о преданности, тогда давай сделаем это. Потому что, если бы Преп все еще был здесь, я бы принял за него ту пулю. И с радостью отдал бы за него свою жизнь. А теперь девушка Кинга в беде, может быть, уже мертва, и я, ни секунды не думая, поменялся бы с ней местами только для того, чтобы ему не

пришлось жить без нее.

Чоп сделал еще один шаг вперед, они фактически соприкоснулись лбами с Медведем.

— Я говорю не о них. А о твоих гребаных братьях.

— Как и я, черт тебя дери, старик, — ответил Медведь, обошел отца и направился к воротам. — Как и я. — А затем он кивнул мне. — Пойдем, черт возьми.

— Это твое решение, мальчик, — крикнул его отец. — Но если ты уйдешь прямо сейчас, то тебе придется оставить жилет здесь. Я чертовски серьезно.

Не колеблясь ни секунды, Медведь снял с плеч жилет и поднял

его, обнажив голую грудь и двойную кобуру, которая скрывалась под ним.

— Мне подходит, папаня. Потому что это дерьмо здесь? — Медведь оглянулся на балконы, которые теперь были полны зрителей. — Все это должно быть семьей, но как бы сильно мне этого не хотелось, ее нет. И уже чертовски долгое время.

— Единственная твоя настоящая семья — это я, мальчик, — прошипел покрасневший Чоп и сосредоточился на жилете в руке Медведя.

— Вот где ты ошибаешься, старик. Неважно, носишь ли ты этот долбанный жилет или нет, Кинг — мой брат. А если ты не можешь

уважать мою семью... — Медведь посмотрел на заполненный байкерами балкон. Затем подошел к сломанному пластиковому стулу, опасно прислоненному к испорченной стене. Бросив последний взгляд на клочок кожи, который был центром всего в его мире, он положил свой жилет на стул. — Тогда я не могу уважать твою.

— Идем, мужик, — обратился я к Медведю. С пятнадцати лет я был с «Пляжными Ублюдками». Достаточно долго, чтобы понять, что нужно уводить отсюда Медведя, и чем быстрее, тем лучше. Не только потому, что у малышки

заканчивалось время, но и из-за понимания того, что как только выходил срок в должности проспекта и ты получал нашивку, становясь братом, не было шанса, что тебе удастся уйти.

Нельзя отказаться от своего жилета.

Тебя или хоронят в нем... или без него.

Если без него, то твоя смерть не будет связана с естественными причинами.

Я обязан был вывести Медведя отсюда быстрее, чем они вспомнили бы об этом.

Глава 28

Кинг

В десять пятьдесят пять вечера Медведь, Джейк и я лежали на животах под высокими корнями мангровых зарослей за лодочным домиком, который находился в поле нашего зрения.

Именно там сенатор пытал мою девушку.

Там он и сдохнет.

— Еще раз. По плану вы ждете десять минут, — сказал я. — Независимо от того, что услышите или увидите. Я не могу рисковать

жизнью малышки из-за того, что не сыграл по правилам этого психопата. — Джейк и Медведь кивнули в знак согласия. — Мне также нужно убедиться, что вы оба знаете, чем все закончится. Если вы войдете, и выбор встанет между мной и ней, то вы выбираете ее. При любом раскладе это она.

Всегда выберу ее.

Я с треском размял пальцы на руках.

— Ничего не сделаю, пока не буду уверен, что в итоге она выйдет оттуда невредимой, — сказал я.

Джейк оглянулся на лодочный домик и кивнул.

— Согласен.

— Не проблема, — сказал Медведь. — Если ты не выберешься, то я позабочусь о твоей девочке.

— Джейк, — обратился я. — Если мне не удастся выбраться, то выстрели этому ублюдку в голову.

Я встал и пошел к домику.

— Понял, — ответил Джейк.

— Какого хера? — Медведь толкнул меня в плечо. — Ты не можешь вывалить на него подобное дерьмо, мужик. Он воспринимает тебя буквально.

Все настолько плохо, босс. Джейк не понял бы сарказма, даже если бы он укусил за его хитрую задницу, вмешался Преппи.

— Хорошо. Потому что я, черт

возьми, не шучу, — было моим ответом.

— Пора, — сказал Джейк и проверил обойму в своем пистолете.

У меня перед глазами была Доу, лежавшая в моей постели, обнаженная и наполовину укрытая простыней, она смотрела один из фильмов 90-х, которые так любила, а потом обернулась, чтобы посмотреть на меня и убедиться, что я не пропускаю ни одной важной для нее части.

А также была картина умоляющего о пощаде сенатора, взывающего к моему милосердию. Я снова размял костяшки пальцев и передал Медведю свое оружие.

— Черт, да.

Наконец-то пора забрать мою девочку раз и навсегда.

Что бы ни случилось, без нее я не уеду.

Глава 29

Доу

Я понимала, что находилась в полубессознательном состоянии, и, несмотря на все старания, проснуться не получалось. Не удавалось даже открыть глаза. И я абсолютно не чувствовала рук. Было такое ощущение, словно я плыву в невесомости. На мгновение показалось, что прозвучал голос отца.

— Рэйми, Рэйми, проснись, — проговорил он. Но я не могла ответить. Потому что уплывала все

дальше и дальше, и до меня доносились лишь отголоски его мольбы. А потом отдалилась настолько, что перестала слышать и это.

Мне исполнялось девять. Это был день моего рождения. Мама вышла и выставила меня душой перед всеми моими друзьями. Она снова напилась и только что закончила рассказывать, что никому не нужна толстая жена, поэтому никто не должен есть мой торт. Она ушла в дом, пока Надин заканчивала нарезать торт на кусочки, но никто из моих друзей не взял ни кусочка. Выбранная нами песня закончилась, и если до этого мы по очереди

выбирали треки, то после никто не встал, чтобы поставить новую песню.

Мой отец появляется у задней двери. Он одет в костюм. Я всегда видела его только в такой одежде. Не думаю, что он носит что-либо еще. Даже пиджак снимает очень редко. Однажды мы отправились на ярмарку, где он выступал с речью в поддержку будущих фермеров Америки, и там снял пиджак. После чего передал своей ассистентке, и она держала его в руках как корону королевы Англии. Рукава рубашки были закатаны. Это так сильно меня озадачило, что после окончания речи я спросила отца, не заболел ли

он.

А он рассмеялся и взъерошил мои волосы так, что они начали торчать во все стороны, а потом упали на лицо. В то утро моя мать настояла на выпрямлении моих локонов, и во время процедуры мне обожгли кожу головы. По ее словам я должна была выглядеть как точная копия идеального политического образца.

— Так лучше, — сказал он, прежде чем сбежать со сцены к ожидающим его представителям прессы.

Мой отец открывает дверь, ведущую на задний двор. В руке у него большой букет желтых роз. Предполагаю, что они для моей

матери, но большинство ночей они даже не спят в одной комнате. И прошло уже несколько месяцев после последней ссоры, а ни один из них так и не потрудился извиниться. Они больше не ругаются.

Просто игнорируют друг друга.

Лучше бы они ссорились. Потому что в этом случае они хоть как-то общаются, пусть и напряженно.

Я сижу на краю бассейна в тишине, пока Надин пытается поднять настроение моих одноклассников и друзей, а отец улыбается и подходит ко мне.

— С днем рождения, Принцесса,
— произносит он и вручает мне

цветы.

— Это мне? — спрашиваю я, убирая челку с глаз.

— Ну, это же твой день рождения, не так ли?

— Да, — отвечаю грустным голосом, потому что чувствую себя побежденной.

— Теперь тебе девять, а это уже немало. Хотел купить тебе еще одну мягкую игрушку, но решил, что цветы станут гораздо более подходящим подарком для такой молодой леди, как ты. — После этих слов отец вдохнул аромат цветов, а затем резко отстранился, закрыл глаза и начал кашлять. Я хихикнула. — Люди всегда говорят, что они

пахнут очень хорошо. Но я думаю, что их запах ужасен. — Он рассмеялся, увидев мою улыбку, и вручил мне букет. — Но, тем не менее, они для тебя, моя милая девочка. — Зеленая оберточная бумага стала скользко в моей влажной руке, которая оказалась недостаточно большой, чтобы обхватить стебли. Отец отдал мне цветы, но сумел поймать их прежде, чем они упали в бассейн. После чего вновь протянул мне букет, и я вдохнула аромат цветов, но не закашлялась. Тут же решила, что запах роз — мой любимый.

Я полюбила эти цветы.

— Почему все на вечеринке

выглядят так, словно только что попытались сбить ослика, а тот лягнул их? — спрашивает он. Я смотрю, как мои друзья молча сидят за столом. Не хочется рассказывать, как мама полностью испортила мою вечеринку, но мне и не приходится, потому что открывается раздвижная стеклянная дверь, и она выходит в черном бикини и широкополой шляпе. Бокал по-прежнему у нее в руке, только на этот раз он наполнен до краев.

— Марго, — произносит мой отец предупредительным тоном.

— Что? — громко шипит она.

Отец встает, хватая мою мать за локоть и ведет ее обратно в

дом. Его челюсти плотно сжаты, и могу сказать, что он разговаривает сквозь зубы, почти не шевеля губами.

— ЛАДНО! — Доносится из дома сопровождаемый грохотом крик. Проходит несколько минут, но он не возвращается на улицу. Я просто сдаюсь и собираюсь сказать друзьям, что им пора домой, пока все не стало хуже. Но дверь открывается, и мой отец выбегает из дома. Не в костюме. Не в пиджаке. Не в галстуке. Нет. Мой отец. Сенатор до мозга костей. В черных купальных шортах. И все.

Без рубашки.

Мой. ОТЕЦ. Без рубашки.

— БОМБОЧКА! — кричит он,

прыгает с края бассейна и взлетает в воздух, прижимая колени к груди, после чего врежется в воду, посылая брызги через край, образовавшаяся волна окатывает меня и стол для пикника, за которым сидят мои шокированные друзья.

Но после этого поступка все хохочут.

— Теперь посмотрим, у кого получится лучший всплеск, — говорит мой отец, вставая на ноги и стряхивая воду с черных волос. — Надин, мы с тобой будем судьями. Победитель получает дополнительный торт!

— Мама сказала, что мы не должны его есть. Потому что от

него толстеют.

— Ну, твоя мать может... — Он закрывает рот, переводит дыхание и продолжает. — Она сказала это, потому что не любит торты. Но она многое теряет. Кроме того, все же знают, что калории торта, съеденного в день рождения, не учитываются. Это же элементарно. Правильно, ребята? — спрашивает он. Мои друзья оживают и начинают кричать. Отец садится на бортик, свесив ноги в бассейн, пока мои друзья выстраиваются в очередь, чтобы продемонстрировать свою лучшую бомбочку.

— Рэйми, ты первая. Покажи

класс! Семья Прайс известна во всем мире своими навыками делать бомбочку, поэтому не подведи меня!

Я прыгаю первой и выныриваю из воды под аплодисменты и возгласы.

— Видите? А что я говорил, ребята? Это у нее в крови!

После окончания соревнования ассистентка моего отца заходит к нам через боковые ворота и сообщает о предстоящей телеконференции, на которую он опаздывает. Произнеся очередное поздравление и поцеловав меня в макушку, отец затягивает полотенце вокруг талии и уходит.

Я смотрю в сторону стола, за

которым мои счастливые друзья уплетают торт и спорят о том, у кого был лучший всплеск. Розы стоят в центре стола, а старое, выкрашенное в серый цвет, ведро служит им в качестве временной вазы.

Сегодня лучший день в моей жизни, и хотя мой отец стал его частью менее чем на час, это было самым запоминающимся временем, которое мы когда-либо вместе проводили.

Потому что этот час не касался политики, ценностей, кампании, моей мамы, нашей светской жизни и всего того, что обычно было на повестке дня... Он

был посвящен только мне и моему дню рождения.

— Твой папа действительно прыгнул в бассейн! — восклицает Никки, кладя большую ложку мороженого на свой третий кусок торта.

— Знаю, — шепчу я, все еще не веря в произошедшее. Никто, кроме Никки и Таннера, не знает, что это не нормальное поведение для моего отца.

— Мне бы хотелось, чтобы мой отец был больше похож на твоего, — говорит Стефани, накручивая прядь вьющихся рыжих волос на палец. — Потому что он самый лучший.

Со стороны дома я мельком замечая отца, выходящего из гаража в его стандартном костюме с галстуком, но прежде чем сесть в ожидающий его автомобиль, он поворачивается и ловит мой взгляд. После чего машет и посылает мне воздушный поцелуй. Я ловлю его в воздухе и прижимаю к щеке. Он улыбается мне в последний раз, прежде чем нырнуть в машину.

— Да. Мой отец самый лучший,
— соглашаюсь я. И в тот день впервые в моей жизни я говорила серьезно.

— Рэйми, проснись. Проснись!
— Мне удалось открыть лишь один глаз. Другой опух настолько, что мне

не удалось поднять веко. Головокружение мешало мне сосредоточиться на отце, который встал на колени и склонился надо мной. Я попыталась поднять руки, но они оказались связаны. Посмотрела вниз и увидела искусно переплетенные узлы.

— Папа? — позвала я, все еще думая, что это воспоминание. Но когда капля пота с моего лба упала на предплечье, я поняла, что это реальность.

— Кто, черт возьми, сделал это с тобой, Рэйми? — спросил отец с искренним беспокойством в голосе. Он взял меня за запястья и попытался развязать немыслимо

сложные узлы.

Я открыла рот, чтобы заговорить, но язык ощущался тяжелым, сухим и толстым. Мне удалось лишь застонать.

— Все будет хорошо. Я помогу тебе.

Мне нужно было предупредить его. Рассказать ему о Надин.

— Таннер, — прохрипела я. — Таннер.

— Где Таннер? — спросил отец, продолжая попытки распутать веревки. — Это он сказал мне приехать сюда. Прислал сообщение с текстом, что произошел какой-то несчастный случай. Я взял машину у секретаря и примчался сюда. И где

Сэмюель? — Меня полностью вернуло в настоящее упоминание имени моего сына. Я села, и комната закружилась. — Папа, иди и найди Сэмми. Пожалуйста. Не беспокойся обо мне. Просто отыщи моего сына! — умоляла я. Слова звучали искаженно, но понятно.

Отец отпустил мои связанные запястья, обнял за плечи и поднял меня с пола. Когда я оказалась в вертикальном положении, то поняла, что мы находились в лодочном домике.

— Папа, Сэмми... из-за Таннера... Надин, — начала я снова, но перечень имен никоим образом не складывался в предупреждение,

которое я пыталась передать.

— Что случилось с Надин? — спросил отец, продолжив разбираться с веревками.

— Она мертва. Таннер...

— А что я, Рэй? — спросил Таннер, войдя через большую дыру в боковой части проржавевшей лодки. В его руке был блестящий серебряный пистолет с длинным широким барабаном и черной рукоятью. — Ты говоришь об этой шлюхе Надин?

Он направил оружие на нас.

— Что ты сделал? — в ужасе спросил отец. Его лицо побледнело.

— Я выяснил, что та сука следила за твоей дочерью для того

гребаного педофила, которым девочка так одержима. — Таннер цокнул языком. — Больше не о чем беспокоиться. Она получила по заслугам.

— Сынок, тебе не нужно этого делать... — начал отец.

Таннер рассмеялся.

— Сынок? — Он махнул пистолетом из стороны в сторону. — Рэй больше не хочет, чтобы я был твоим сыном.

— Следи за языком, мальчик, и опусти пистолет. Рэй ранена. Я отвезу ее в больницу. Мы с тобой можем поговорить после того, как я вернусь, — сказал мой отец, а его южный акцент стал заметен как

никогда, и это говорило о том, что на публике он прилагал больших усилий, чтобы скрывать его, но теперь, не обеспокоенный выступлениями или впечатлением участников, протягивание им звуков казалось намного отчетливее и тяжелее, чем я помнила. Он не потерял свой акцент, просто скрывал его. — Отойди, Таннер. — Отец сделал шаг к двери, и я, хромая, пошла рядом с ним. Таннер прицелился и выстрелил в потолок над нашими головами, проделав отверстие в крыше. Это сотрясло весь лодочный домик, вызвав эхо в маленьком пространстве, от чего ржавчина облаком опустилась вокруг

нас.

Таннер снова прицелился.

— Ты можешь лишь поставить ее на ноги, или будешь наблюдать, как я убью ее первой.

Отец не сдвинулся с места. Вместо этого он подтянул меня ближе к своему боку и прижал мою голову к пиджаку.

— В этом нет необходимости, — начал говорить мой отец без малейшего намека на акцент. Хладнокровная политическая личность взяла верх. — У тебя впереди много начинаний и светлое будущее. Ты не захочешь лишиться всего этого из-за того, что моя дочь разбила твое сердце.

— Нет, не только по этой причине. Еще и потому, что она играла с ним с тех самых пор, когда мы еще были детьми! — Таннер сделал несколько шагов. Он находился в кухонной зоне, а мы смотрели на него, стоя спиной к раздвижной стеклянной двери. — Но она не бросила меня. Еще нет. Я добрался до нее как раз вовремя. — Таннер вскинул пистолет. — Теперь, мать твою, опусти ее, сенатор. Я не буду повторять. — С большой неохотой отец ослабил хватку вокруг меня и мягко опустил на пол. — Хорошо, теперь отойди. — Отец посмотрел на меня с выражением боли на его обычно нечитаемом

лице, сделал два шага в сторону и поднял руки в воздух.

— Я могу помочь тебе, Таннер, — предложил сенатор. — Как и в прошлый раз, во время твоей болезни. Я могу сделать это для тебя снова, — спокойно сказал он. — Помочь тебе.

Каждое движение Таннера было нервным, на его лбу выступили капли пота. Его белая рубашка была влажной и пожелтела в районе подмышек.

— Хочешь мне помочь? Можешь убраться к чертям собачьим с моего пути! — закричал Таннер. — Мне нужна только она! — Он указал пистолетом на меня, а затем снова на

отца.

— Как я могу тебе помочь? — спросил сенатор.

Хороший переговорщик больше спрашивает, чем отвечает... Я вспомнила слова, принадлежащие отцу.

Таннер рассмеялся и облизал нижнюю губу. Затем прикусил ее и сморщил нос.

— Можешь нахрен сдохнуть.

Глава 30

Кинг

Первое, что я услышал, это хныканье. Негромкое мяуканье, доносящееся из лодочного домика.

Щенячьи глазки.

Я осмотрел комнату, но не увидел ее. Вместо этого мой взгляд упал на сенатора, стоящего между кухней и главной комнатой спиной ко мне.

Я с хрустом размял суставы.

— Где она, мать твою?

Моим ответом был взрывоподобный выстрел в грудь

сенатора. Он буквально разорвал ее. Кусочки костюма вместе с плотью и кровью окропили теплыми и влажными каплями мою одежду и кожу. Сенатор упал на пол, его глаза закатились, когда он начал захлебываться из-за попыток вдохнуть воздух. Кровь вытекла через рот, испачкав щеку.

Какого черта?

Я перевел взгляд с умирающего сенатора у моих ног туда, откуда был сделан выстрел. В кухонной зоне, с пистолетом, направленным на меня, стоял Таннер. Золотые часы сенатора красовались на его запястье.

— Ты?

— Это ищешь? — спросил

Таннер, приподняв запястье и указав на часы. — Милые, да? Сенатор дал их мне вчера вечером после вечеринки. Свадебный подарок своему новому зятю. — Его лицо становилось таким же красным, как и шея, а взгляд снова сосредоточился на мне, когда парень выставил пистолет перед собой и заговорил: — Но, думаю, не такой хороший, как тот, что ты дал Рэй, — буквально выплюнули мне.

— Проклятье, где она? — взревел я и сделал шаг к нему. Но он поднял пистолет, тем самым остановив меня. — Скажи мне, где она сейчас, и я обещаю, что убью тебя быстро.

— Сядь, бл*дь, на стул, пристегни себя наручниками, и, возможно, я скажу тебе, где она. — Таннер указал на одинокий, стоявший в центре комнаты, деревянный стул.

— Пошел ты.

— Позволь мне перефразировать. Сядь на этот гребаный стул и пристегни себя к нему, иначе я застрелю ее также, как только что ее папочку. Но на этот раз буду целиться в ее долбаную голову, потому что там находится причина всех проблем, — сказал Таннер со злобным блеском в глазах.

Я сделал так, как он просил, и сел на стул. Он бросил мне пару

наручников.

— К стулу. За спиной. — Я пристегнул сначала одну, а затем и другую руку, продев цепочку через спинку стула. Таннер подошел ко мне сзади и затянул наручники. — Знаешь, я рад, что нанятый мной для твоего убийства придурок, не смог выполнить ту чертову работу, за которую ему заплатили, потому что как там говорится? Хочешь, чтобы что-то было сделано правильно, значит убей сам.

— Что за гребаную игру ты здесь ведешь? — спросил я.

— Это не долбаная игра, debil. Это моя жизнь. Жизнь, которую ты пытаешься отнять у меня. Ты же не

думал, что я просто уйду в сторону и допущу это, не так ли? Она должна быть моей женой.

— Нет, черт возьми, не должна, — ответил я. Мне потребовался весь мой самоконтроль, чтобы не уничтожать этого парня голыми руками.

— Нет, бл*дь, должна! Мы произнесли обеты, черт возьми! — Таннер топнул ногой, и его лицо стало ярко-красным. — У меня есть гребаное благословение ее отца!

Он оглянулся на неподвижно лежавшего на полу сенатора.

— Или... мне стоит сказать, было, — Таннер улыбнулся своей белой, маниакальной улыбкой. Белки

его глаз налились кровью, а кожа вокруг глазниц покраснела.

Я потянул наручники, руки чесались причинить ему любую боль, но сдвинуть их с места не получилось.

— Слушай, ты, долбаный дилетант, нет ни единого варианта, при котором тебе удастся выйти отсюда. Даже если убьешь нас, тебе не выйти сухим из воды.

— Я? Не собираюсь ни от чего уходить. Я всего лишь зять. И буду потрясен так же, как и все остальные, услышав об убийстве сенатора. — Он разыграл удивление, приложив руку ко рту. — Но я также буду весьма рад услышать, что

человек, который его убил, Брэнтли Кинг, преступник с послужным списком длиннее футбольного поля, также был найден мертвым.

— Умно, — подтвердил я с сарказмом.

— Закрой свой поганый рот! — выплюнул он, тряся передо мной пистолетом.

— Где она, черт возьми? — спросил я снова.

Его улыбка вернулась. Таннер подошел к шкафу и открыл дверь. Оттуда выпало что-то с белокурыми, спутанными и испачканными в красновато-коричневый цвет волосами. Она упала на пол с глухим стуком, потому что была привязана к

маленькому стулу. Мое сердце сжалось, когда она не пошевелилась от падения, но снова начало биться после того, как несколько упавших на лицо прядей дрогнули от ее дыхания.

Значит была жива.

Как и моя решимость убить отморозка, стоявшего передо мной.

— Если у тебя получится уйти отсюда живым, то, клянусь, это будет ненадолго. Сейчас я, возможно, и один, но есть люди и они знают, где меня искать, — предупредил я.

— Да, но с кем, они думают, ты встречаешься? — Таннер рассмеялся. — Все уверены, что у тебя встреча с сенатором, не так ли? Поэтому, когда

я выползу отсюда, они легко поверят моим словам, потому что это то, во что ТЫ поверил. И залез сюда. Подрался с сенатором. Прозвучали выстрелы. Умерли люди. Вот так все и было.

Он наклонился, убрал волосы с лица Доу и поцеловал ее в губы. Она пошевелилась, и мое сердце подпрыгнуло. Меня убивало то, что я не мог ей помочь. Мне хотелось вытащить ее и отправить пулю в голову этому парню.

— Что происх...? — начала она. Открыла глаза и уставилась на Таннера. Подпрыгнула, словно ее окатили ледяной водой, но, поскольку была привязана к стулу по

рукам и ногам, не смогла отодвинуться от него дальше, чем на пару миллиметров. Он поднял опрокинутый стул вместо с ней и поставил в нескольких сантиметрах передо мной, чтобы у нее была возможность видеть меня. Она сидела достаточно близко, и если бы я мог потянуться, то достал бы до ее колена ладонью. Если бы мне удалось освободить свои руки.

— *Шшшшшшш*, милая, — проводя дулом пистолета по ее щеке, начал Таннер. — Я здесь. Твой муж здесь. Теперь все будет хорошо.

— Таннер. Нет. Мне нужно идти. Мне нужно в... — Она заикнулась, явно сбитая с толку ранениями,

которые ей нанес Таннер. Парень схватил ее за подбородок и заставил смотреть вверх.

— Ты его искала, дорогая? — спросил он и потерся носом о ее щеку.

Доу удалось сосредоточиться и, наконец, увидеть меня. Ее глаза расширились от удивления, и она ахнула. Затем начала бороться с веревками, но это было бесполезно. Удивительно, но Таннер ослабил их.

— На колени, — прошипел он.

— Пожалуйста. Не делай этого. Давай поговорим, хорошо? Ты и я. Отпусти его. В любом случае, он не имеет к этому никакого отношения, пойдем прогуляемся и поговорим как

раньше.

— Время для разговоров закончилось. Я нереально устал от этих чертовых разговоров! — закричал он ей в лицо. — НА КОЛЕНИ! — приказал Таннер. На этот раз она подчинилась, глядя прямо на меня.

Прости меня, произнесла она одними губами.

Мне так хотелось сказать, что это не ее вина. А моя ошибка. Во всем. Но я безумно устал винить себя за все происходящее. Поэтому вместо этого сосредоточился на том, чтобы не потерять надежду. И на том, что почувствую, когда выжму последний воздух из легких Таннера.

— Не смей ее, бл*дь, трогать, — взревел я.

— Как ты думаешь, она действительно захочет белый кусок дерьма, вроде тебя? Девочка сбита с толку. И не знает, чего хочет. Она была с тобой только из-за черепно-мозговой травмы. — Взгляд Таннера затуманился. — Она моя *ЖЕНА*. Мы, наконец, собираемся стать семьей, которой всегда должны были... — и он замолчал.

Я хотел, чтобы Таннер продолжал говорить. Если он будет это делать, то мне, возможно, удастся предотвратить причинение ей боли до прихода Медведя и Джейка.

— Ты действительно думаешь,

что она захочет тебя сейчас, после того, как ты показал, что являешься полным психопатом?

— В браке должно быть прощение, — сказал Таннер и съязвил. — Обновите-ка мою память, мистер Кинг, разве не вы попали в тюрьму за убийство собственной матери?

Я пожал плечами.

— Та пи*да это заслужила.

Таннер постучал по голове малышки.

— Ну, а эта пи*да заслуживает следующего. — И он потянулся к краю ее футболки и задрал так высоко, что она превратилась в веревку на ее руках. На ней не было

лифчика. Ее голая грудь была выставлена напоказ, и Таннер присвистнул.

— Почти забыл, какие у тебя большие сиськи, женушка. Это было так давно.

Я дернул руками, наручники вонзились в кожу на запястьях так сильно, что из ран по пальцам потекла теплая кровь, начав капать на пол.

Таннер обошел Доу, опустился на колени позади нее и завозился на полу с чем-то, чего я не смог увидеть.

— Теперь это... — сказал он и постучал по ее татуировке. Донесся шипящий звук. Словно газ, выделяемый из баллона. Он поднял

то, с чем возился. Это оказался миниатюрный паяльник. — Это нужно убрать. — Он прижал пламя к ее коже. Я потянул за наручники еще сильнее.

Запах паленой кожи заполнил воздух.

Как и устрашающие крики малышки.

С таким же успехом он мог бы выжечь мою гребаную кожу, потому что я чувствовал ее страдания в каждой мышце своего тела. Боль, которую мне приходилось испытать сейчас, была сильнее всех тех, что были до этого.

Она была не просто моей.

А стала частью меня.

— От этого ты чувствуешь себя круче, ублюдок? — я пытался перекричать крики Доу, которые внезапно прекратились. Ее глаза закатились назад. Таннер выключил паяльник, и она упала вперед, подергиваясь, словно только что получила разряд током. Дым поднимался от ее сожженной кожи.

Он дернул Доу за волосы, и ее голова упала назад. Глаза и губы были частично открыты, лишенные жизни, которая теплилась в них еще вчера. Щеки покрывала засохшая кровь, а свежая все еще капала. Он отпустил волосы, и Доу безжизненно склонила подбородок к груди.

— Видишь? Это ее наказание.

Вот что происходит с плохими девочками. Их наказывают. И Рэй была очень, очень плохой.

— Какой долбанный смысл во всем этом? — спросил я.

— Долбанный смысл? А он в том, что ты сделал со мной то же самое, когда трахнул ее на кровати, где мы зачали нашего сына! — закричал Таннер. — Ты ее испортил! Испортил то, что было моим! — Он провел рукой по волосам Доу. — Все будет хорошо, хотя... — Таннер прошел на кухню, открыл один из шкафчиков и достал ржавый рыбацкий нож. — Как только я решу одну последнюю проблему. — Таннер рывком разделался с ее

шортами и трусиками, опустив их по ногам. Раздвинул ее колени и обнажил киску.

— Какого хера ты делаешь? — зарычал я, когда Таннер опустился на колени перед ней и поднял нож.

— О, ты не знал? Кажется, когда моя жена пропала, то залетела во второй раз! — Он оглянулся на меня через плечо. — Но я исправлю это, вырезав из нее твой ублюдочный зародыш.

Глава 31

Доу

Жжение.

Внутри и снаружи все жгло. Резкая неумолимая боль охватила меня, и даже, находясь в сознании лишь частично, я чувствовала, как пламя проникает все глубже сквозь кожу, мышцы и кости.

Только крик смог вернуть меня в сознание. Нет, рев. Утробный рев такой силы, что буквально вытащил меня из пропасти забвения. Через узкую щель одного приоткрытого глаза я увидела, как Таннер

наклонился ко мне. Но за его светлыми кудрями находился Кинг.

Он сидел на стуле с заведенными за спину руками, в той же позе, как и когда Таннер поднес паяльник к плечу и спине, а его ярко-зеленые глаза потемнели так, как я никогда не видела.

Затем он пропал.

Мышцы на его руках и груди напряглись, сухожилия вздулись из-за его огромной силы. С ревом, вернувшим меня к жизни, он дернул руками с такой мощью, что спинка деревянного стула разлетелась на миллион щепок.

Как будто я наблюдала за ним в замедленной съемке. Злой Кинг

представлял собой красивое зрелище. И когда я говорила Таннеру, что познала истинный страх, то именно это имела в виду.

И он тоже сейчас познает его.

Прежде, чем Кингу удалось сделать хотя бы шаг, кровавая рука поднялась с пола, потянулась к его поясу и вытащила маленький пистолет. Таннер резко обернулся к Кингу. Уронил ржавый нож, который держал, и достал пистолет. Он стоял и возился с ним, неготовый к тому, что Кинг мог освободиться.

Неготовый к тому, что мой отец все еще был жив.

И вооружен.

Сенатор поднялся на колени,

прицелился и выстрелил.

— Нет! — закричал Таннер, поймав пулю в плечо.

Отец со стуком упал на землю.

— Папа! — закричала я так громко, как только смогла, не понимая, получилось ли издать хоть какой-то звук.

А потом я заскользила по полу.

— Хочешь ее, ублюдок долбаный? Подойди и возьми, мать твою, — прошипел Таннер. Он ударил меня коленом, толкнув тем самым через отверстие в боковой части лодки.

А затем я упала в холодную воду. Плечо взорвалась жгучей болью, хуже, чем от ожога. Я открыла рот,

чтобы закричать.

Вода заполнила мой рот и легкие.

Так вот что чувствуешь, когда умираешь, подумала я, все дальше и дальше отдаляясь от своего тела.

Я понимала, что умерла. Знала, потому что, когда открыла глаза, Преппи смотрел на меня с той же смешной улыбкой, которая заставила меня снова захотеть стать его другом. Цветные татуировки, покрывающие большую часть его обнаженной кожи, светло-фиолетовая рубашка, ярко-розовый клетчатый галстук-бабочка и его любимые белые подтяжки.

Он был похож на демоническое

пасхальное яйцо.

— Детка, я знаю, что тебя только что потрепал тот ублюдочный психопат, потому что наблюдал за всем этим. Полный облом, потому что мне не удалось отрезать ради тебя его гребаный член и заставить этого мудака подавиться им, но я просто должен сказать тебе прежде, чем исчезну... твои сиськи выглядят чертовски фантастически в этой майке.

Я усмехнулась. Было так приятно услышать голос Преппи, этот его бесконечный поток ругани. В тот момент я была настолько спокойна, словно он спел мне все церковные молитвы.

— Я даже не возражаю против всей этой крови из твоих ран. Мне вообще-то они нравятся. Очень горячая цыпочка-зомби. Очень, бл*дь, мило. Напоминает мне о том горячем порно, что я смотрел. Приносит маленькому Преппи радость и возможность порадовать свой член.

— Я мертва, не так ли? — мне удалось задать этот вопрос, прикрыв глаза рукой от яркого света. И тут меня осенило. Я села прямо, от чего Преппи упал прямо на задницу. — Боже мой, я мертва. Что с Сэмми? С Кингом? — спросила я в отчаянии.

— Умерь свой пыл, — сказал

Преппи, усевшись на полу и потеряв задницу. — Ты не умерла, бл*дь. Пока еще. Но скажу тебе, детка, если ты отправишься сюда раньше, чем мой перекаченный долбанный лучший друг, мы с тобой наконец сходим на то свидание. — Он кивнул и подмигнул мне.

Я жива. После этой новости сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— И когда мы доберемся до этого свидания, я определенно решусь войти в тебя, — добавил Преппи, легонько стукнув меня по плечу.

Я рассмеялась.

— Не думаю, что Кингу это

понравится.

Преппи пожал плечами:

— Ну и нахер его. Мне насрать. Когда встретимся с ним здесь, он может убивать меня снова и снова, если захочет, — Преппи чмокнул меня в щеку. — Потому что ты, подруга, черт возьми, стоишь того, чтобы умирать за тебя раз за разом.

— Я скучаю по тебе, Преппи. Очень сильно по тебе скучаю. Все эти события происходят без тебя, и иногда их слишком много... — я обняла Преппи, притянув его к себе. Он уткнулся носом в мою шею, согрев мою кожу дыханием.

— Осмотрись. Открой свои гребаные гляделки и взгляни, где мы

сейчас находимся. — Не отпуская Преппи, мне удалось выполнить его просьбу и открыть глаза. Я сидела за обеденным столом в доме Кинга, Преппи присел на полу передо мной.

— Мы... мы дома, — выдохнула я. Преппи встал с пола и потянул меня вверх.

— Правильно. Мы дома. Тебе не обязательно скучать по мне, потому что я здесь. Всегда с тобой. Приглядываю за тобой. И за боссом. Черт, я даже за Медведем буду приглядывать, пока он не исполнит обещанное в случае, если я склею ласты раньше него, и не сотрет мой проклятый жесткий диск, как хороший байкерёнок.

— Но тебя нет. Не на самом деле, — сказала я.

— Да черт же, я здесь. И всегда буду. Ты не вынудишь меня уйти, даже если заставишь священника провести обряд экзорцизма. Потому что я на шаг выше демонов... Я — Препни.

— Я все равно буду скучать по тебе.

— Скучай на здоровье. Но у тебя столько всего с Кингом, Медведем, детьми. Ты будешь так чертовски занята, что у тебя не будет времени скучать по мне. Могу пообещать сделать так, что ты будешь знать, что я рядом. Не сможешь найти, куда положила гребаные ключи от

машины? Призрак Преппи спрячет их в морозилке. Не сможешь найти пульт, но каналы будут переключаться сами по себе? Это потому, что призрак Преппи не может вспомнить, на каком канале идет «Американский ниндзя». — Преппи вытер слезу с моей щеки большим пальцем.

— Люблю тебя, Преппи, — сказала я, снова обняв его. — Очень сильно.

— Я тоже люблю тебя, детка. Так сильно, как ублюдок может любить девушку своего лучшего друга, и которую он также не против трахнуть. — Преппи положил руки мне на плечи. — Тебе

пора возвращаться к боссу, —
объявил он. Я кивнула. — И детка? —
позвал Преппи.

— Да?

— Позаботься о нем. И о его
сердце. Он самый лучший ублюдок,
которого я когда-либо имел
привилегию знать.

— Позабочусь. Обещаю.

— И не говори ему, бл*дь, что я
это сказал. У парня и без того голова
забита.

— Что теперь будет? —
спросила я.

— Теперь? — переспросил
Преппи, поднял мою руку и покружил
меня на месте как балерину. —
Теперь ты, черт возьми, будешь

Жить.

Глава 32

Кинг

Я рванул к дыре в лодке. Переступив через Таннера, нырнул в воду, едва обратив внимание на боль от попавших в руку и бедро пуль. Было темно, но не глубоко. Белокурые волосы малышки плавали на поверхности, остальное ее тело было погружено в мутную воду.

Я поднял ее за плечи и прижал к себе, обнял и побежал к берегу по воде как можно быстрее. Затем опустил ее на песок, и, хотя вода смыла большую часть крови, черные

и фиолетовые синяки вокруг ее глаза и по челюсти стали гораздо более выраженными. Лицо настолько опухло, что мне едва удалось ее узнать. Я откинул голову назад и открыл ей рот. Закрыв ее нос, сделал глубокий вдох, а затем накрыл ее рот своим и выдохнул воздух в ее легкие со всей силой, которую только нашел в себе. Вода тут же заполнила мой рот, и мне пришлось отстраниться, повернуть ее голову в сторону и придержать ее, когда она закашлялась. После этого я вздохнул с облегчением.

— Малец дает деру. Это наш парень? — спросил Джейк, подбежав на пляж вместе с Медведем.

— Черт! — выкрикнул последний, когда его взгляд упал на малышку. — Я говорил, что не нужно было выжидать столько. Это были долгие десять минут.

Я посмотрел на Джейка и дернул подбородком.

— Займись чертовым мальцом, — прорычал я.

Глаза Джейка блеснули от чего-то столь темного и жестокого, и мне не хотелось, чтобы такой взгляд был направлен на меня. Он повернулся и исчез в деревьях.

Я осторожно поднял малышку на руки, постаравшись не коснуться раны на ее плече. Она дышала, но все еще была без сознания.

— Подгоню фургон, — сказал Медведь. — Знаю, что на первом месте спасение девушки и всех остальных, но ты заметил, что тебя подстрелили?

— Мне насрать, — сказал я, ощутив, что в меня тоже попали.

И не раз.

Медведь сорвался с места, и стоял рядом с фургоном у пляжного домика к тому времени, как я добрался туда с Доу. Он открыл заднюю дверь и вскочил, когда я неохотно передал ему малышку и забрался внутрь, закрыв за собой двери. Медведь положил Доу поперек сидения, и я перелез, втиснувшись между передним и

задним сиденьями, чтобы она оставалась на уровне моих глаз.

— Мальчик! — закричал я, вспомнив про сына малышки сразу же, как только Медведь вернулся на место водителя. — Нам нужно его найти. Ему два или три, и он... — Я начал описывать его, но Медведь меня прервал.

— Ты этого мальчика имеешь в виду? — татуированным пальцем Медведь указал на переднее пассажирское сиденье, где сын моей девушки стоял на коленях и заглядывал через спинку кресла. — Не думаю, что кто-либо проводил с ним беседу на тему «не разговаривай с незнакомцами». Потому что

правило номер один гласит, что не нужно прыгать в странные фургоны без номерных знаков к плохим парням, — сказал Медведь, двигаясь с места.

— Привет, мамочка, — сказал мальчик. — Ты заболела?

— Мамочка только что упала. Ей просто нужно поспать, — тихо ответил я, попытавшись подавить поднимающуюся во мне панику из-за того, что моя девушка все еще находилась без сознания.

Сэмми улыбнулся, обнажив маленькие крошечные зубки.

— Окей, — сказал он, прежде чем обернуться и плюхнуться на сиденье.

— Пристегнись, мальчонок, — приказал Медведь. Сэмми натянул пояс через колени, но не смог застегнуть его. Медведь наклонился и вставил пряжку пояса в крепеж, застегнул и после этого выехал на дорогу.

Малышка зашевелилась, издав лишь слабый стон, одно ее веко задрожало, прежде чем она приоткрыла его.

— Преппи? — позвала она шепотом, взглянув в зеркало заднего вида.

— Нет, щенячьи глазки, его здесь нет, — ответил я.

— Я мертва? — спросила малышка.

— Ты очень даже жива, — прошептал ей, прижавшись губами ко лбу.

— Нет, я мертва, — возразили мне.

— Почему ты так говоришь? — спросил я.

— Потому что, — указала она. — Я вижу Преппи... — и замолчала.

— Оставайся со мной, детка. Не бросай меня, — сказал я ей, когда мы подъехали к больнице. Но было слишком поздно. Ее глаза закатились назад, и она снова потеряла сознание.

Медведь подъехал прямо ко входу и сразу бросился открывать нам дверь. Он остался с Сэмми,

когда я побежал через стеклянные двери. Медсестра увидела нас и жестом пригласила следовать за ней в комнату, где малышку положили на каталку.

— Сэр, сэр, вы член семьи? — спросила меня другая медсестра, пока я наблюдал, как парень в белом халате разрезал одежду и вставлял иглу в ее вену. Я не знал, что ответить. Конечно, она была моей семьей, но как, черт возьми, мне удастся заставить медсестру понять это?

— Она беременна. Ребенок мой, — сказал я.

Медсестра указала пальцем в перчатке на стул в углу.

— Сядьте, — прозвучал приказ. Девушка громко сообщила людям в халатах о беременности, после чего зазвучал хор голосов, все выкрикивали друг другу инструкции.

Когда медсестра заметила, что я все еще стою, то прижала руку к моему животу и толкнула меня к стулу. Я сделал несколько неуверенных шагов, но все равно не сел. В этот момент она заметила, что ее белая перчатка окрасилась в красный, подняла вторую руку и указала на окровавленную ладонь.

— Откуда это? — спросила она, выглядя скорее раздраженной, чем обеспокоенной.

— Не важно, — выплюнул я. —

Просто позаботьтесь о ней. — Я вытянул шею, посмотрев за спину медсестры, которая поднялась на мыски в своих кроссовках и махнула окровавленной перчаткой перед моим лицом.

Я зарычал. Меня не волновало, умру ли я.

Лишь бы Доу была жива.

Медсестра с хлопком сняла перчатки, а затем щелкнула пальцами перед моими глазами.

— Я предлагаю вам занять место на каталке прямо здесь, *мистер Кинг*. Вы все еще сможете видеть ее, а я в это время вас осмотрю и подлатаю.

Ей удалось привлечь мое

внимание.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросил я, немного наклонившись, чтобы заставить ее уйти, но это не сработало. Сука перебросила свои волосы через плечо и сделала шаг ко мне, попытавшись запугать меня своими сорока пятью килограммами ярости.

— Откуда вы знаете мое имя? — повторил я.

Девушка закатила глаза и наклонилась. Подняла штанину на одной ноге, открыв маленькую татуировку на лодыжке.

— Вот откуда, идиот.

Я тут же узнал свою работу.

Она отпустила ткань и тряхнула

ногой, чтобы материал сполз на место. Хаос вокруг малышки продолжался. Они надели кислородную маску на ее лицо и вставили трубку в одну из пищащих и мигающих машин, окружающих каталку.

— Ей не станет лучше, если вы будете продолжать смотреть на нее. Вас нужно подлатать.

Я покачал головой.

Медсестра подошла к стеклянной стене в дальнем конце комнаты, и краем глаза я увидел, как она вытащила из коробки новую пару перчаток. Затем вернулась ко мне и натянула их на руки.

Парень в белом халате

ножницами срезал одежду с малышки. Мои кулаки так сильно сжались, что суставы были готовы вот-вот выскочить из-под кожи.

Самая раздражающая медсестра в мире оставалась безразличной к моим попыткам ее игнорировать.

— Как ее зовут? — спросила девушка.

— Доу, — сказал я, потом поправил, — Рэй, ее зовут Рэй.

— Доу. Рэй, — повторила она, нахмутив брови. Тон ее голоса говорил, что она сильно усомнилась в подлинности имени. — Где-то происходит музыкальное награждение? Ее семья относится к поклонникам «Звуков музыки» или

чего-то подобного?

— Что-то в этом роде, — пробормотал я.

— Скажите мне, мистер Кинг, как, черт возьми, вы планируете позаботиться о мисс Доу-Рэй, когда ей станет лучше, если будете стоять здесь, в моей приемной, изрешеченный пулями, позволяя себе истекать кровью на мой белый линолеум? — возразила она.

Она раздражала, но была права. Если малышка придет в себя... *когда* она придет в себя, я буду нужен ей больше, чем когда-либо. Поэтому пришлось неохотно сесть на каталку для осмотра.

Я попытался сосредоточиться на

сказанных несколько минут назад словах вместо того, чтобы смотреть, что они делали с ней, но это заставило меня захотеть ударить кулаком о гребаную стену.

Она беременна. Я отец.

Сидя на этом месте, я молился всем, что у меня было, каждому богу любой религии, который был готов услышать, чтобы у малышки и ребенка все было в порядке.

Нашего ребенка.

Чтобы у моей девушки все было хорошо. Я хотел, чтобы все это закончилось, чтобы ее положение нормализовалось и стабилизировалось, и у меня хватило сил оторвать голову Таннеру голыми

руками.

Не стоит трогать то, что принадлежит мне.

Это был тяжелый урок, который ему предстояло усвоить.

Глава 33

Кинг

Стабильное состояние.

Вот каких слов я ожидал, прежде чем наконец смог выдохнуть. Медсестра, сказавшая их мне, покинула комнату. Я сидел рядом с малышкой и держал ее за руку. Обещал ей, что, я был уверен, никогда и никому не пообещаю: дом, жизнь, семью. Обещал ей безопасное место, где сможет расти наш ребенок. Говорил ей, как сильно я люблю ее и как много она значит для меня.

— Грейс здесь, в комнате ожидания, — сказал Медведь, войдя к нам. Он обращался ко мне, но его взгляд не покидал щенячьи глазки. Он стал рядом с ней, сунув руки в карманы. — Она присмотрит за мальчиком.

В моем кармане завибрировал телефон. Я вытащил его, собираясь проигнорировать вызов, пока не увидел, кто звонил. Нажал «принять» и прижал к уху.

— Он у меня, — сказал Джейк. — Сарай на выезде с 86-й, когда проезжаешь рекламный щит «Мы — это Бог». — Линия замолчала.

— Джейк? — спросил Медведь. Я кивнул.

— Останься с ней на случай, если проснется. Я вернусь. — Я поцеловал малышку в лоб и, хотя ее накачали лекарствами, чтобы снять боль, я надеялся, что она все равно услышит мое: — Я люблю тебя, детка.

* * *

Удар за ударом я вымещал свою ярость на больном отморожке, осмелившемся прикоснуться к *моей* малышке. Его бледно-белая кожа раздувалась и разрывалась, разбрызгивая красным из тех мест, где соприкасались мои кулаки, снова и снова, пока его черты не

превратились в нечто неузнаваемое.

Его проклятая американская обманчивая внешность подростка исчезла.

Ублюдок теперь выглядел, как кусок проклятого монстра, которым и являлся.

Это была не контролируемая ярость. Далеко не контролируемая. Это был я, выпускавший гнев и разочарование, которые испытывал с тех самых пор, как тот фальшивый полицейский прижал меня к земле.

Посмотрел на свою руку, покрытую липкой кровью и улыбнулся.

Хотелось большего.

Мне *нужно* было больше.

— Хватит. Пожалуйста. Умоляю тебя, — простонал Таннер, обнажив белые зубы, покрытые еще большим количеством ярко-красной жижи. Он качал головой из стороны в сторону, задыхаясь от крови, которая была у него в горле.

— Ты сам начал это, ублюдок. Только теперь ты не можешь здесь править, потому что обоссался. Все это твоих рук дело. Ты распустил свои проклятые вонючие лапы на мою девушку, выжег ей кожу, попытался убить, а я должен проявить к себе милосердие? — Я покачал головой. — Ты не трогаешь то, что принадлежит мне, и, к сожалению для тебя, скоро усвоишь

этот урок.

Я посмотрел на Джейка, стоявшего рядом. В его глазах сновала чернота, он сосредоточил взгляд на Таннере. Сначала мне показалось, что он заскучал и ждал, когда я закончу с мальцом и со всем остальным, но, присмотревшись повнимательней, понял, что выражение на его лице не имеет никакого отношения к скуке.

Это была похоть.

И не к мальчику, а к его крови.

— Ты не можешь меня убить, — прохрипел Таннер, задыхаясь.

— Уверен, что смогу, и уверен... что убью. — Я провел дулом пистолета вниз по его носу и вжал

его в одну из его глазниц, пока он корчился передо мной. — Прошло много времени с тех пор, как я убивал кого-то ради чистого удовольствия... слишком много, — сказал я капризно.

— Думаешь, Рэйми останется с тобой? — произнесла мелкая шавка. — Она, мать твою, подросток. Она не знает, чего хочет. Может бросить тебя уже завтра, когда поймет, что ты просто педофил, которому нечего ей предложить. Она скоро вспомнит, что лучше тебя, и попросту уйдет.

— Вот где ты, бл*дь, ошибаешься, — ответил я. — Очевидно, что ты плохо меня знаешь, потому что ее уход от меня даже не

рассматривается.

— Тогда ты такой же монстр, как и я. В конце концов, мы с тобой не слишком отличаемся, — сказал он, его зрачки увеличились в несколько раз.

— Здесь ты не прав, — поправил я.

— Никто из нас двоих не желает принимать «нет» за ответ. Очень напоминает меня. — Его дыхание все тяжелело и тяжелело, слова выходили с большими усилиями и отдышкой. Джейк суетился, снова и снова перекладывая пистолет из правой руки в левую, его внимание было сосредоточено на Таннере.

Я усмехнулся и провел рукой по

голове.

— Ну, для начала, завтра я буду дышать... а ты — нет.

Джейк кивнул и повернул голову Таннера, прижав ладонь к его челюсти и похрустев своей шеей.

Взгляд Таннера метнулся от меня к Джейку, в напряженном голосе появилась паника.

— Рэйми никогда не простит тебя, если ты убьешь меня. Признаюсь, я облажался. По-крупному облажался, но она все еще не захочет, чтобы я умер. Я отец ее сына, ради Бога!

— И опять ошибаешься, что показывает, насколько плохо ты знаешь ее. Она не только простит

меня, но и поблагодарит, когда мы вернемся домой, и она окажется в моей постели, где ей и место, — я почесал голову стволом пистолета и встал. — Но так, на всякий случай, ты прав, я тебя не убью. — Я засунул пистолет в джинсы, и Таннер вздохнул с облегчением.

Я обернулся, зная, что будет дальше. Сделал всего два шага к двери, когда услышал одинокий выстрел.

— Джейк убьет.

Глава 34

Доу/Рэй

Месяц спустя

Я проводила столько времени с родителями Никки, сколько могла. Мне нужно было уверить их, что Никки умерла не в одиночестве, как наркоманка, искавшая дозу, а как друг, защищавший свою лучшую подругу до самого последнего вдоха.

Мы похоронили Надин рядом с Никки, и, как на похоронах Преппи, я произнесла надгробную речь для женщины, которая была для меня

большей матерью, чем кто-либо другой. Оглядываясь назад и вспоминая все те разы, когда Надин защищала моего отца, все те разы, когда она стояла рядом с ним в отсутствие его собственной жены, я не могла не задуматься, что, возможно, отношения между этими двумя были чем-то большим, чем между работником и работодателем.

Моя мать не давала официального заявления, но, когда слухи о Таннере, Надин и случившемся в ту ночь дошли туда, где она находилась, она просто не вернулась.

Никого это не заботило.

И, в конце концов, когда это

действительно было важно, мой отец оказался настоящим папой.

Мы стояли в ванной, и Кинг менял повязки на моих ожогах на спине. Поскольку это нужно было делать трижды в день, он стал экспертом. Кинг также разузнал все о татуировках на шрамах и съездил к художнику, занимавшемуся женой Джейка, имевшей шрамы по всему телу, и сделавшему ей татуировки, что скрыли многие из них. Он уже приготовил для меня эскиз, но я пока не была готова посмотреть на него. Мне все еще приходилось закрывать глаза, когда Кинг менял повязку, я по-прежнему была не в состоянии смириться с моей поврежденной

кожей. Но когда исцелилась, как физически, так и ментально, то знала, что Кинг сможет сделать нечто красивое на чем-то столь уродливом.

Я была в плохой форме в течение пары недель, но снова начала чувствовать себя собой и как раз вовремя, потому что менее чем через двадцать четыре часа мы станем полноправными родителями.

— Я отправил последнюю коробку в «Добрую волю», — сказал Кинг, прижав губы к моей шее.

Брэнтли потребовалось всего несколько часов, чтобы убрать вещи Преппи из дома. Но ему не хотелось просто избавиться от его них или

задвинуть их подальше, словно это была работа, которую нужно было сделать. Медведь чувствовал то же самое, поэтому они вдвоем провели двое суток в комнате Преппи, перебирая его вещи, вспоминая о старых временах и попивая текилу, ловя кайф и делая Бог весть что с той заначкой, что они, возможно, нашли в комнате Преппи.

Все было сделано, и комната нашего друга опустела. Также вовремя. Нам всем пришлось приспособливаться, но с помощью родителей Таннера, которых мне пришлось уверять в том, что я не вырежу Сэмми из их жизни, мой сын, наконец-то, мог приехать к нам

уже утром. Я не хотела внезапно отрывать его от них, это было бы плохо для всех. Кроме того, мне нужно было время на исцеление. Последняя пара недель была занята переездом не только Сэмми, но и остальных.

— Я так счастлива, что он сегодня может приехать домой, особенно сейчас, когда я могу двигаться, — сказала я.

— На ум приходит еще кое-что, чем мы можем заняться теперь, когда ты можешь двигаться. Кое-что, мать его, грязное, — сказал Кинг, сжав мою талию. В желудке зародилась дрожь, и я не была уверена, были тому причиной его слова или

ребенок. Я обняла его предплечья и посмотрела на отражение Кинга в зеркале. Я не могла не думать о Макс и о том, что могло бы быть.

— Я вижу этот взгляд и знаю, о чем ты думаешь, щенячьи глазки. Но тебе нужно прекратить думать о плохом. Мы достаточно пережили. Макс найдут хорошую семью, которая позаботится о ней и даст ей все, что она захочет. Да, это чертовски херово, и мне не хочется пропускать ни секунды ее жизни, но она прошла через достаточно дерьма. Ей не нужно проводить следующие пятнадцать лет в приемных семьях только потому, что я был долбаным эгоистом, чтобы отказаться от прав и

лишить ее реальной жизни или потому, что мне захотелось побороться с системой и ничего не получить. Кроме того, когда она станет старше, может быть, захочет встретиться со мной. Встретиться с нами. И это тот день, на котором я сосредоточусь, когда хреновые мысли в моей голове станут более навязчивыми, — сказал Кинг.

— Где я нашла такого удивительного сильного мужчину? — спросила я.

— Однажды ты пришла на вечеринку... — Кинг рассмеялся. — Давай, пошли.

— Куда? — спросила я.

— Увидишь, — было ответом, и

в его глазах вспыхнуло коварство.

Кинг провел меня по траве. Мне приходилось перепрыгивать через кирпичи из костровой ямы, которая пережила какой-то взрыв. Выжженная дыра в центре двора осталась. Всякий раз, когда я спрашивала об этом, Кинг просто пожимал плечами и говорил, что это не та история, которую можно рассказать.

Мы прошли мимо полуразрушенного гаража, который разваливался все больше и больше с каждым днем. У Кинга были планы снести его и построить новый. Большой по размеру, с новым тату-салоном и квартирой для Медведя.

Если он захочет.

Кинг привел меня к доку, где впервые поделился со мной своими самыми сокровенными секретами все эти месяцы назад.

О Макс. О его матери.

Казалось, это было миллион лет назад, и в тот же миг, словно произошло вчера.

— Знаешь, со всем дерьмом, что произошло за последние несколько месяцев, несколько раз я думал, что никогда больше не стану на этот док, — сказал Кинг.

— Просто чтобы я знала, ты не отпустишь меня на этот раз? — прошептала я. Кинг развернул меня в руках. Я положила ладони на его

твердую грудь. Тепло его кожи согрело мои руки через ткань рубашки.

Кинг покачал головой и приподнял мой подбородок кулаком.

— Черт, нет. — Медленно он провел кончиками пальцев по моим рукам от плеча до локтя. Кожу покалывало от такого внимания, пока его легкое, как перо, прикосновение двигалось вверх и вниз по чувствительным участкам. Моя нижняя губа задрожала в ожидании. Колени тоже. Он схватил меня за запястье и прижал ладонь к губам.

— Ты и я... — Я почувствовала его улыбку ладонью. Словно коснулась электрического забора.

Искры пронзили ладонь и устремились вверх по предплечью, пройдясь по груди, прежде чем устроиться между моими бедрами. — Мы вроде как с тобой навечно.

— Навечно? — спросила я, не зная, почему это прозвучало как вопрос, потому что это то, что я знала с той секунды, как взглядом нашла его в тату-студии. Это было то, на сопротивление чему я потратила слишком много времени.

С меня хватит сражений.

Мое будущее с Кингом.

— Черт, да, навечно, — ответил он, прикусывая тонкую плоть моего запястья.

Если бы Кинг погрузился

пальцами между моих ног, он бы очень быстро узнал, какой сильный эффект он оказал на меня всего лишь несколькими словами. На самом деле, одним словом.

Навечно.

— Я собираюсь сделать с тобой все, но только не отпускать, — пробормотал он мне на ухо. — Это просто не вариант. — Слегка отстранился, удерживая мою голову ладонями, большими пальцами впиваясь мне в виски и прижимаясь губами ко лбу. — Больше никогда, — добавил он. Зарывшись пальцами в мои волосы, он удивил меня, когда грубо дернул назад, внезапно откинув мою голову. Любой другой

мог по ошибке принять этот жест таковым, словно Кинг хотел причинить боль, но когда я посмотрела ему в глаза и увидела чистое удовольствие, воцарившееся на лице, я точно знала, что он делал.

Он убеждался, что я настоящая.

Улыбка сменилась прямой линией губ. Выражение стало серьезным. Кинг облизнул нижнюю губу, от чего она заблестела под лунным светом.

Чистый. Первобытный. Голод.

В своей жизни я была голодна настолько, что чувствовала себя на грани смерти. Но перед этим человеком, самым невероятным и прекрасным созданием, когда-либо

ходившем по Земле, этот голод казался простым урчанием желудка по сравнению с тем, что я испытывала к нему.

Я хотела лежать голая в постели с ним и смотреть фильмы по воскресеньям. Хотела помогать ему в тату-студии, создавать искусство, которое изменяло бы жизни людей.

Хотела воспитывать наших детей в доме, построенном на сваях.

Кинг прокладывал дорожку поцелуев прямо под моим правым глазом, и мгновение мы просто стояли, прижавшись щеками. Я не понимала, как сильно скучала по прикосновению его щетины к своему лицу. Как сильно скучала по тому,

что мне приходилось выгибать шею и приподнимать голову, чтобы посмотреть на него. Скучала по тому, что он может забрасывать меня на себя, словно тряпичную куклу, и в то же время поклоняться мне, как будто я самый ценный объект в мире.

Мы стояли там, томясь в ощущении друг друга, существовали в пространстве друг друга, вдыхали друг друга.

Пока этого не перестало хватать.

Потому что нам всегда было этого мало.

Он был настоящим и стоял прямо передо мной. Я напоминала наркоманку, которая не просто выпала из фургона, а выпрыгнула из

него на полном ходу. В тот момент я была готова сделать все, чтобы утолить ненасытный голод, зарождающийся внутри меня и занимающий все имевшиеся у меня чувства. Мне хотелось прикасаться к нему, пробовать его, чувствовать его запах и пить его.

Я хотела всё.

Мы испытывали друг к другу не просто голод.

Мы были чертовски ненасытны.

Наш поцелуй все еще длился, когда Кинг потянулся назад и снял рубашку через голову, но недостаточно быстро. Мне нужно было его увидеть. Нужно было почувствовать его тепло напротив

меня. Нужно было попробовать пот на его коже своим языком. Когда он освободился от рубашки, то бросил ее на док.

Кинг был еще менее терпеливым. Он не снял с меня рубашку, просто сдернул ее, чтобы обнажить мою грудь.

Именно так я себя чувствовала.
Раскрытой.

Стоять уязвимой перед Кингом было для меня риском, на который я с удовольствием пошла, потому что он стоил его. Взгляд мужчины передо мной опустился на мою грудь. Глубоко из его горла донесся рык, он смотрел на меня со звериным голодом и с тем, чего я не ожидала от

Кинга.

Признательностью.

— Мне нравятся твои гребаные сиськи, — сказал Кинг, опустившись на колени. Он взял губами самую вершину моего соска, слегка лизнув его. Я застонала от контакта, нуждаясь в большем. Намного большем. Кинг усмехнулся. — Я держу тебя, детка, — сказал он. Проведя широким языком, он продолжительно лизал мой затвердевший пик, из-за чего мне хотелось кричать. Затем он сделал это снова, в настолько мучительно медленном темпе, что я бы предпочла, чтобы он укусил меня и пустил кровь, чем продолжал

ленивую пытку своим смехотворно талантливым языком. — Так чертовски безукоризненна. — Он освободил меня, чтобы произнести слова напротив моей набухшей груди, прежде чем принялся за вторую. На этот раз он начал медленно, но затем увеличивал скорость до тех пор, пока не сменил движения языка на посасывание, практически лишив меня возможности стоять на ногах. Чувствуя мой дисбаланс, Кинг поддерживал меня за талию в вертикальном положении. Я ерзала напротив него, придерживаясь за его макушку. Его короткие волосы царапали мои ладони, пока он подводил меня к краю забвения.

И затем он остановился.

Кинг все еще удерживал меня за талию, но его внимание переместилось на другое место. Он пристально посмотрел на мой живот. Осторожно поднял ладонь и приложил руку к небольшой округлости.

— Это такое безумие, — начал шептать он, прорисовывая круги вокруг моего пупка, прижимаясь поцелуем к коже прямо под ним, вдыхая, пока возвращался к моему шее, поднимаясь с колен. В его глазах было определенное благоговение, но это не потушило огонь, а наоборот — еще сильнее его разожгло. Поддало жара. Я была почти ошеломлена тем,

как он смотрел на меня, когда Кинг сделал шаг ко мне, я сделала нерешительный шаг назад. — Ты бежишь от меня, щенячьи глазки? — спросил он со свирепостью в низком голосе.

— Может быть, — подразнила я, повернулась и сорвалась с дока обратно к дому. Кинг догнал меня и развернул. Дикость в его взгляде снова заставила меня отступать, пока я не прижалась спиной к стене. Он был груб, но в то же время осторожен, проявляя большую бережность, дабы убедиться, что ничто не заденет ожог на моей спине. Тогда я поняла, что меня прижали не к стене. Это была

колонна.

Та самая колонна.

Та, у которой мы с Кингом впервые занялись сексом. Сердитым, жарким, с ненавистью, наполненным любовью.

— Вот, — сказал Кинг, — так гораздо лучше.

— Вспоминаем, да? — спросила я, прикусив нижнюю губу. Кинг приблизился к моей шее и приподнял мою голову.

— Может быть, — прошептал он. — И позже, когда я закончу с тобой здесь, то захочу подняться наверх и еще раз вспомнить. Может быть, пристегну тебя наручниками к кровати. — Он провел губами по

моей нижней губе, и когда я захотела больше контакта, отступил. — Ты хотела бы этого, щенячьи глазки? Хотела бы, чтобы я приковал тебя и обездвижил? Скользнул языком между твоих ножек и заставил тебя кончить так чертовски сильно, что станет больно? Или мне снова использовать ремень? Обернуть его вокруг твоей шеи, чтобы я мог взять тебя там, где захочу. — Он поцеловал мой рот, пробуя, дразня, превращая меня в дикарку, охваченную похотью.

Любой мог пройти мимо, и я бы не обратила на него никакого внимания. Пусть, мать его, смотрит. Все, что я хотела, это Кинг и его прикосновения, которыми он

заставлял меня пульсировать и пытаться сжать бедра в поисках облегчения.

Он провел языком за ухом, всосав чувствительную кожу в рот. Я практически приклеилась к нему, обняла за шею, попытавшись приблизиться, но он снова отказал мне в том, что я искала, что мне было нужно.

— Еще нет, щенячьи глазки.

Я задушу этого придурка.

— Ты пытаешься меня разозлить? — спросила я. Моя грудь поднималась и опускалась от нетерпения. Я стану первым человеком в истории, который умрет от похоти.

От женской версии синих яиц.

— Возможно. Но помнится мне, как горячо было трахать тебя, когда ты злилась. Прямо здесь у дома. Я становлюсь таким чертовски твердым каждый раз, когда думаю о том, как оказался внутри тебя в первый раз, пока ты хотела выцарапать мне глаза. Я хотел помириться, но в то же время хотел разозлить тебя. Заставить пылать сильнее. Ты так сильно разозлилась, но была такой чертовски красивой. Ты горела так ярко, что твоя киска умоляла мой член наказать ее. Наказать тебя.

— Да. Накажи меня, — прошептала я. — Пожалуйста.

Накажи меня.

Я забыла, что такое стыд и опустилась до мольбы. И потом, если он когда-нибудь меня трахнет, я утоплю его в заливе.

Кинг потерялся своей огромной эрекцией о мое бедро.

— Видишь, что ты со мной делаешь? Чувствуешь, как сильно я хочу тебя? — Все, что я могла сделать, это кивнуть. Даже не была уверена в том, что он спрашивал. В тот момент ответом на все было «ДА». — Не смей, бл*дь, двигаться, — приказал он. Вставив два пальца за пояс моих шорт, он потянул их вниз по моим бедрам. На обратном пути прижался носом между моими

ногами и глубоко вдохнул, пробуя меня на вкус языком.

— Твою ж мать. Ты же практически течешь. — Он всосал мой клитор в рот. — Я скучал по твоему вкусу, малышка. Чертовски сладкому и невинному. На вкус ты нечто большее. — Его слова вибрировали над моей сердцевинкой, настолько готовой для него, что пульсация уже отдавалась в ноге. Вместо этого он встал, сильнее прижав меня к колонне. Кинг потянулся между нами, между моими складками, распределив влажность и толкнувшись толстым средним пальцем в меня.

Его палец был едва наполовину

во мне, но я уже сжимала его.

— Твоя киска соскучилась по мне, — сказал Кинг, его голос был грубым и напряженным. Уверенность, которой он обладал всего лишь несколько мгновений назад, превратилась в осязаемую борьбу, когда он попытался взять ее под контроль.

Я уронила голову назад на колонну. Он вошел полностью и слегка согнул палец. Когда начал входить и выходить из меня, я извивалась на его руке.

Каждый раз, когда Кинг вытаскивал его, я чувствовала себя так же удивительно, как когда он возвращался внутрь. Начал двигаться

быстрее, сначала потихоньку, потом более беспорядочно. Более отчаянно. Словно единственной миссией Кинга было вырвать оргазм из моего тела.

Я потерялась в ощущении его
движений во мне.

Проникновение и выход.

Сжатие и освобождение.

Пульсация и пульс.

Гребаное невероятное

изумление, позволившее не только увидеть этого человека снова, но и поцеловать его. Прикоснуться к нему.

Родить ему ребенка.

Не так давно было время, когда я действительно думала, что больше его не увижу. Естественно, мне и в голову не приходило, что он будет

трахать меня пальцем у колонны, где все началось.

Где начали мы. Это было то самое место, где я отдалась ему в первый раз. И снова делала то же самое, в том же месте.

Хотя в сердце никогда не переставала принадлежать ему.

Ощущения начали усиливаться. Удовольствие на вершине блаженства. Я больше не могла отличить проникновение от выхода. Я была так заряжена, что чувствовала, что могу снабдить весь город энергией, которая гудела внутри меня.

Растущего удовольствия становилось почти слишком много. Я

отчаянно нуждалась в каком-то высвобождении, прежде чем упаду под его давлением.

— Трахни! — закричала я.

— Таков план, щенячьи глазки.

— Кинг вынул пальцы и всосал их в рот. — Бл*дь. Мой язык потратит много времени на то, чтобы познакомиться с твоей красивой киской, но сейчас мне нужно оказаться в тебе членом.

— Да, — задохнулась я.

Кинг быстро разобрался с ремнем и джинсами. Его член был свободен от своего заключения. В следующий миг Брэнтли сжал свой толстый ствол рукой и толкнулся головкой в мои складки, увлажняя

себя, прежде чем войти внутрь долгим жестким толчком, который заставил нас одновременно вскрикнуть.

Кинг схватил меня за бедра, его пальцы грубо вжались в мою плоть.

И затем он поцеловал меня. Жестко.

Целовал меня, словно это был тот самый поцелуй, который запечатывал нашу связь. Нашу судьбу. Наши жизни.

Вместе.

Я была близко. Так близко, что практически боялась того, как сильно кончу. Дыхание Кинга изменилось с равномерного на рваное, пока он жестко и быстро

врезался в меня. Мои соски касались его груди с каждым толчком. Клитор потирался об основание его члена.

Мужчина, которого я когда-то так боялась, мужчина, который был способен на насилие, и все же так сильно любил, боролся за контроль.

Из-за меня.

Потому что трахал меня.

Потому что хотел меня.

Навечно.

Мы вроде как с тобой навечно.

Это стало моим уничтожением.

Напряжение, нараставшее внутри меня, сжалось до боли, прежде чем окончательно сломалось, послав в каждую часть моего тела спазм за спазмом, прокатившись по

мне жестокими волнами
ослепительного, раскаленного
добела удовольствия. Я кричала,
громко стонала и, почти лишаясь
воздуха, крепко держалась за Кинга,
который, когда я начала сжиматься
вокруг его члена, издал свой
собственный стон. Я вырвала свой
оргазм, извиваясь напротив него,
пока он до последней капли не
высосал удовольствие из моего
слабого тела.

Кинг последовал за мной,
вколачиваясь в меня с дикой
несдержанностью, пока не взорвался
внутри меня, наполнив меня теплом.

Любовью.

Собой.

* * *

Кинг прижался лбом к моему, пока мы пытались перевести дыхание, но не поставил меня на землю. Мои ноги все еще обнимали его талию.

Наши тела по-прежнему сплетены, ни один из нас не спешил нарушать связь, которую мы так долго ждали.

— Как ты хочешь, чтобы я тебя теперь называл? — спросил он внезапно. — Доу? Рэй?

— Почему это вообще имеет значение? Что бы я ни выбрала, ты все равно будешь называть меня

щенячьими глазками.

— Верно, но нам нужно знать, что записать в бланке, — сказал Кинг, оставив нежные мягкие поцелуи на моих губах и лице, даже на кончике носа и веках.

— Каком бланке? — спросила я.

— Наверху на столешнице. Грейс утром завезла его для меня. Мы должны пойти и подписать его вместе, но можем и здесь заполнить. Подумал, поскольку ты сменишь фамилию, то можешь одновременно сменить имя. Дабы избежать неприятностей.

— Сменю фамилию? — спросила я. — Какой бланк? Что это все значит?

— Всегда эти чертовы вопросы, щенячьи глазки. — Кинг поддразнил меня фальшивой досадой. — Документ, который нужно заполнить, когда женишься. Для долбаного... свидетельства о браке. — Кинг произнес это так небрежно, словно мы говорили об этом миллионы раз.

Я ахнула.

— Ты делаешь мне предложение?

Он повел бровью.

— Черт, нет.

— Но ты хочешь, чтобы я заполнила бланк для свидетельства о браке... — начала я. — По которому мы... — я указала между нами, — будем женаты? — Кинг кивнул. —

Мы с тобой, — добавила я.

Он улыбнулся напротив моей кожи и снова кивнул, продолжив нападение мягкими поцелуями на мое плечо и руку.

— Ты же понимаешь, что предложение руки и сердца — это когда ты просишь кого-то выйти за тебя замуж, а это очень похоже на то, что ты сейчас делаешь, — утверждала я. Член Кинга, все еще будучи глубоко во мне, начал пробуждаться, снова и снова растягивая меня, пока Кинг водил губами по моим соскам. Его ухмылка превратилась в злобную. Озорство танцевало в его ярких глазах.

— Мы, — сказал Кинг. — Ты и я

женимся. Видя, как я люблю тебя, и зная, что ты любишь меня, мы заведем пару малышей, которые будут бегать по дому. Но я ничего не спрашиваю у тебя. Спросить — значит дать тебе возможность выбрать ответ. Поэтому нет, я не спрашиваю, выйдешь ли ты за меня. — Он немного вышел из меня, а затем толкнулся внутрь. Я застонала.

— Ты сумасшедший, — сказала я, двигая бедрами, пытаюсь вобрать его глубже.

Это было самое несправедливое одностороннее не-предложение в мире.

И я бы ничего не изменила.

— Итак, я вижу, что мы

действительно вернулись к тому, с чего начали, — предложила я, когда Кинг врезался в меня, и нам обоим пришлось застыть на мгновение, чтобы ощутить его. Я старалась не улыбаться. Пыталась притвориться, что злилась на него за его требование выйти за него, но потерпела неудачу.

Кажется, меня сдала моя улыбка от уха до уха.

— Да. Мы вернулись к тому, с чего начали, — сказал Кинг, сжал мое лицо в ладонях и заглянул мне в глаза. — И нет другого места во всем гребаном мире, в котором я предпочел бы сейчас быть.

Кинг снова начал двигаться, но на этот раз все было иначе.

Медленнее. Менее настойчиво. Он вращал бедрами, и мой рот оставался открытым, пока я впитывала ощущение его медленных толчков. Он подчеркивал каждое движение вращением своих бедер, пока мы оба снова не увидели звезды.

Кинг не отрывал от меня взгляд, когда заставил меня кончить во второй раз. Не отвлекся, когда снова нашел свое освобождение глубоко внутри меня. И когда мой оргазм начал спадать, в голове звучала только одна мысль.

Я чувствовала себя свободной.

С Кингом я была той, кем хотела быть. Той версией себя, которой должна была быть.

И эта девушка принадлежала
Кингу.

Телом и душой.

Глава 35

Кинг

— Медведь учит его нюхать кокс со стриптизерш, — с сарказмом ответил я, когда щенячьи глазки спросила, где Сэмми. Она игриво шлепнула меня по плечу. — Ай, — ответил я, обнимая руку, словно малышка могла нанести мне хоть какой-то вред.

Физически.

— Ладно, может, стриптизерша — это чересчур, — признал я, — но я, правда, оставил его с Медведем. Он показывает ему байк. Мне просто

захотелось зайти и проверить, все ли с тобой хорошо. Ты сидишь здесь уже некоторое время.

— Я здесь две долбанные секунды. Просто пришла за чашкой для Сэмми, — ответила малышка, оттолкнув меня к двери. — Слишком переживаешь?

— Я? — переспросил я. — Никогда в жизни.

В гараже под скошенной крышей Медведь придерживал Сэмми на сидении своего байка. Хоть Сэмми и не доставал, но все равно тянулся пухленькими ручками к рукояткам руля.

— Вруууум, вруууууум.

— Эй, великан, хорошо

смотришься на байке, — сказал я, сняв его с сидения и прокатив по воздуху в руках, словно он супермен. Мальчик захихикал и хлопнул в ладошки. То, что он постоянно жил с нами, чувствовалось очень правильно. Согласно словам малышки, рутина малышам полезна, что бы это ни значило.

Проделав самолетик, Сэмми приземлился прямо в руки своей мамы, а я поцеловал ее в губы.

— *Ффффффуууууууууу*, — закричал Сэмми, заерзав в ее руках. Мы оба засмеялись и повернулись к Медведю. Он подкурил сигарету и оперся на байк.

Сделал длинную тягу и выпустил

дым через нос. На нем не было его жилета, только черная футболка. Отсутствие байкерской кожи бросалось в глаза.

Оно казалось пустотой, как и взгляд в его глазах.

Шрамы на его щеках после случая с Эли все еще были красные и виднелись под редкой бородой.

— Ты и правда уезжаешь? — спросил я, уже заметив его упакованные дорожные сумки.

— Ага, убрал все свое дерьмо из гаража. Теперь оно в кладовке.

— Ты по-прежнему можешь остаться, — сказал я, повторив то, что говорил ему несколько раз за последний месяц. — Можем сделать

дополнительную комнату,
передвинуть некоторое дерьмо. У нас
всегда будет комната для тебя, брат.

Медведь покачал головой.

— После всей произошедшей
хрени и смерти Преппи, затем с
клубом, затем с Эли, а потом еще и
тем конченным мальцом... — он
сделал еще одну длинную тягу. —
Мне просто нужно убраться отсюда,
мужик. Прочистить долбаную голову.
Подышать воздухом. Прояснить, что
мне делать дальше.

Я закрыл глаза, чтобы сын не
увидел.

— Ты планируешь вернуться?

Медведь пожал плечами.

— Я пока не знаю ответа. — Он

выбросил сигарету и оседлал байк. Завел двигатель, и машина ожила.

Отсалютовав одним грустным движением, Медведь сорвался к трассе. Облако песка потянулось за его байком вплоть до дороги.

— Пока! — выкрикнул Сэмми, прыгая вверх-вниз, резво махая ручкой еще долго после того, как Медведь исчез из поля зрения.

— Надеюсь, он найдет то, что ищет, — сказала малышка, когда подошла, чтобы стать рядом со мной.

— Я тоже, — было моим ответом. Хрень между Медведем, его отцом и клубом до сих пор не разрешилась. Я надеялся, что бы ни происходило, время вдали отсюда

поможет ему мыслить здраво и подготовит к шторму, который будет ожидать его здесь по возвращении.

* * *

Доу

— Смотри! — сказал Сэмюель, указав на бежевый «Лексус» с затемненными окнами, въезжавший на подъездную дорожку.

— Кто это еще, бл*дь, такой? — спросил Кинг.

Я подняла Сэмми на руки и пожала плечами.

— Без понятия.

Но затем вспомнила, что машина очень напоминала автомобиль моей

матери, которую я однажды пыталась угнуть в ночь, когда побежала в МК.

Машина остановилась, и Кинг защитным шагом стал передо мной и Сэмми, его тело мгновенно напряглось. Когда дверь открылась, и вышел водитель, я выпустила выдох, который не знала, что задерживала.

Это был мой отец.

— Я думала, ты все еще в больнице, — сделав шаг вперед, сказала я. Отец ближе не подошел, остался стоять возле машины, дверь все также была открыта, двигатель работал, а он опирался на раму окна.

— Выписался несколько дней назад. Устал от того, что медсестры вытирают мне зад, когда я вполне

способен сделать это сам, — ответил он с кратким смешком, что заставил его закашляться и поморщиться от боли.

Впервые за годы я вижу отца в чем-то, помимо костюма. Он выглядит старше, когда ему не нужно скрываться. Его простая белая рубашка с воротником и легкие джинсы делали его более похожим на отца.

— Хотелось приехать и извиниться, — сказал отец, направив взгляд поверх моей головы на Кинга, стоявшего не так далеко от меня. Брэнтли скрестил руки на груди. После того, как мой отец попытался защитить меня от Таннера, я знала,

что Кинг не станет бросаться на него, как прежде. Он никогда не сможет ему доверять или полюбить, но со временем, думаю, мог бы начать его уважать. — Перед вами обоими, — сказал он, слезы заблестели у него на глазах. — Я позволил работе, которую люблю, стать выше работы, которую я люблю *больше всего*, а именно — быть отцом.

Я вспомнила свое детство, когда папа был всего лишь компьютерным программистом, который с радостью стал волонтером в офисе мэра и запаковывал конверты в нашей гостиной на выходных. Мама всегда была отрешенной, жалуясь на жизнь,

которую выбрала для себя.

Большую часть времени были только папа и я. Он складывал бумагу, а я облизывала конверты, чтобы заклеить. Мы были потрясающей командой.

Некоторое время у нас было счастье.

Но с началом политической карьеры он тоже от меня отдалился, отдавшись работе и телом, и душой. Я заменила семью своими друзьями.

Таннером и Никки.

Оглядываясь на детство, я все еще не могу понять, когда все поменялось, и Таннер, которого я знала, превратился в монстра.

Его бедные родители после слов

психолога начали думать, что это случилось после постановки ему диагноза лейкемия. Не в первый раз пациенты, которые приближались к смерти, проявляли к ней интерес. Также не впервые у них развивалось расстройство настроения, склонность к насилию и компульсивные мысли.

Таннер развил в себе все это. Максимально.

Шокировало то, как умело он это скрывал.

Лейкемия может и стала отправной точкой, развилкой в страну невозврата для Таннера, но я знала, что он начал грубо обращаться с Никки, когда ему было десять.

Оглядываясь в прошлое, никакие признаки увидеть было невозможно. Признаки, которые понял бы ребенок.

Но этот факт не поменял того, что я чувствую вину. Такую сильную, словно ношу тонну кирпичей на спине.

Никки всегда была счастливой и веселой. Также властной, уверенной и немного болтливой. Все поменялось очень медленно. За восемь лет Никки, которую я знала, медленно исчезла, и на ее месте появлялась девушка, которой нужны были наркотики, чтобы справиться с грубым обращением.

Однажды она ткнула пальцем

Таннеру в лицо, разоблачив его в том, что он явно жульничал в монополии, пропуская шаги своей маленькой гоночной машинкой и набирая девять очков вместо выпавших семи.

На следующий день Никки с пустотой в глазах смотрела на доску. Пожимала плечами, когда Таннер явно жульничал.

И хоть Таннер оказался монстром, я не могла не скорбеть по мальчику, которым он был. Один из моих лучших друзей. Я все равно сходила на похороны с Кингом. Решила, что не стоит помнить того Таннера, который совершил все плохое. Но затем я думала о своем детстве и лучших друзьях, и каждый

раз, когда злой Таннер начинал забираться в мои мысли, я убивала его снова и снова.

Когда Кинг вернулся и сказал мне, что все кончено, в моем разуме словно включили свет, отгородив часть моей жизни. Я не спрашивала. Не хотела знать. Мне просто хотелось жить.

— Я не знаю, как у тебя, но у меня даже извинений не хватит, — сказала я. Мой отец кивнул.

— Не думаю, что когда-либо перестану извиняться, — сказал он, поправив очки.

— Почему бы тебе не зайти в дом? Мы собиралась приготовить завтрак, — предложила я. Кинг

напрягся рядом, и я ткнула его локтем. Отец улыбнулся.

— Это подводит меня к тому, зачем я здесь, — сказал он, потянувшись в машину и выключив двигатель. Он наконец закрыл дверь и обошел авто к пассажирской стороне.

Открыл дверь.

— Все хорошо, ты можешь уже выйти. Теперь ты дома, — сказал он в машину.

С кем он говорит?

А затем мне пришлось поморгать несколько раз, чтобы поверить в то, что происходящее передо мной — правда. Мои глаза округлились в миг, когда белокурые

хвостики выглянули из-за двери. Когда маленькие тапочки коснулись тротуара, я бросила взгляд на Кинга, и увидела, как вес происходящего обрушился на него. Он упал на колени на гравий, прикрыв рот руками.

Отец присел рядом с маленькой девочкой и указал на Кинга.

— Помнишь его на фотографиях, которые я тебе показывал? — спросил он. Девочка кивнула. — И кто это?

— Папочка. — Она сжимала полы своего белого платьяца в кулачках и качалась из стороны в сторону.

Кинг громко ахнул, слезы

наполнили его глаза.

— Хочешь обнять папочку? — спросил мой отец. Малышка осторожно потопала к Кингу, глядя на свои тапочки. Когда стала прямо перед ним, то подняла глаза.

И улыбнулась.

— Привет, папочка, — сказала она. Кинг раскрыл руки, и она прыгнула в его объятия, сомкнув ручки у него на шее. Плечи Кинга вздрагивали, пока она прижималась головой к его шее. Он держал ее крепко, руки лежали на ее спине и головке.

Подняв голову на отца в полном неверии, я увидела, что он тепло улыбается от такого долгожданного

воссоединения Макс и Кинга.

— Привет, Макс, привет, малышка, — сказал Кинг, отстраняясь, чтобы хорошо рассмотреть свою девочку. На ее красном личике были слезы.

— Почему ты плачешь, принцесса? — спросил Кинг.

— Потому что я счастливая, — сказал она между краткими всхлипами.

— Я тоже, малышка, — сказал он, снова притянув ее в объятие, на этот раз встав с ней на руках. — Я тоже.

Я не понимала, что плакала, пока Сэмми не потянулся и не стер слезу с моей щеки.

— Не плачь, мамочка.

— Это слезы счастья, солнышко.

Очень большого счастья, — ответила ему я.

— Как? — спросил Кинг.

— Попросил судью об одолжении. Оказывается, в моих силах нечто большее, чем написать рекомендательное письмо, — ответил отец.

— Она наша? — спросил Кинг. Я ожидала еще одного подводного камня. Ожидала, что кто-то приедет и заберет ее, а мой отец скажет, что это лишь визит.

Папа кивнул.

— Тебе нужно будет встретиться с адвокатом, сходить на курсы

родителей, а затем пережить несколько проверок дома. Это то, от чего мне не удастся тебя избавить, — он нервно рассмеялся. — Но судья уже все подписал. Она ваша.

Кинг подошел ко мне.

И вот они мы.

Кинг держал нашу дочь в своих руках.

Я держала нашего сына в моих.

И наш ребенок рос внутри меня.

— Привет, — сказал Сэмми Макс.

Макс прижалась щекой к груди Кинга.

— Плиииивееет, — пропела она, сунув пальцы в рот. Девочка посмотрела на меня, ее глаза тут же

округлились от узнавания, и взгляд метнулся к моему запястью.

— Он все еще у меня, — сказала я, подняв его, чтобы она увидела. — А твой? — Макс подняла запястье и захихикала.

— Мамочка, ты не передумала делать блинчики? — перебил Сэмми, тяня за кончики моих волос, дабы привлечь внимание. Слезы сформировались на глазах, когда я посмотрела в лицо моей семье.

Моей настоящей семье.

Той, с которой мне всегда суждено было остаться.

Убрала волосы с глаз Сэмми и оставила поцелуй на его лобике. Посмотрела на Кинга, который

улыбался такой редкой для него улыбкой от уха до уха, его глаза блестели от собственных слез счастья. Кинг потянулся и взял меня за руку.

Я сжала ее и улыбнулась.

— Потому что блинчики.

Я наконец-то была дома.

Эпилог

Кинг

— Рад, что не убил тебя при первой попавшейся возможности. Оказывается, гораздо лучше держать тебя в живых. Так что с одной стороны я благодарен, что ты здесь прямо сейчас и до сих пор дышишь. — Я наклонился над стулом и уставился в черную душу ублюдка.

— Ты собираешься меня отпустить? — спросил Эли, его лицо было опухшим и покрыто кровью, усыпано ожогами от взрыва в костровой яме.

— Ни единого гребаного шанса, ты, кусок дерьма. Ты сдохнешь. Но не сейчас и не от моей руки. У меня на тебя особые планы.

— Ч...что ты собираешься сделать? — заикнулся Эли.

— Передать тебя другу, который в обмен на небольшую игру с тобой сегодня помог мне убить еще одного конченого отморозка, решившего обыграть не того трейлерного отброса. — Я встал и хрустнул костяшками, уступая дорогу Джейку. Глаза Эли округлились.

— Я знаю тебя! — сказал Эли. — Они называют тебя... Мурденаар.

— Ну, ладно, — сказал я, хлопнув в ладоши. — Значит, вы двое

знакомы. — Оттолкнулся от стены и направился к двери, оставляя Джейка молча пялиться на Эли, его глаза были черными, демон в нем был уже готов показать себя на полную.

Готов убивать.

— Но ты только что сказал, что я не умру сейчас, — яростно крикнул мне Эли, когда я открыл дверь сарая.

— А ты и не умрешь, — ответил я. — Джейк расчистил свой график, — я указал на парня. — У него вся ночь впереди.

Вокруг десятки миль
Эверглейдса в любом направлении,
так что Джейку никто не помешает, и
он мог заставить Эли кричать

сколько, сколько захочет. Именно это он и сделал. Потому что не прошел я и десяти шагов, как первый крик Эли разрезал ночь. Я остановился, подкурил сигарету и улыбнулся сам себе.

Всю дорогу к своему байку я насвистывал.

В ту же ночь, пока моя девочка лежала в моих крепких объятьях с моей рукой на ее растущем животе, Макс и Сэмми спали в старой комнате Преппи, я смог сделать глубокий и протяжный вдох.

Крики Эли и Таннера, умоляющие сохранить им жизнь, убаюкали меня в очень глубокий и очень спокойный сон.

Доу

Пять месяцев спустя

Я сидела за кухонным столом и работала над эскизом татуировки для одного из клиентов Кинга, мои опухшие ноги лежали на стуле, когда Кинг влетел в кухню, выглядя расстроенным.

— Детка, ты не видела мои ключи? Они лежали на столе, а теперь я не могу их найти, — сказал Кинг, роясь в ящичках и шкафчиках.

Я посмотрела на эскиз.

— Нет. Может, кто-то из детей их взял?

— Не могли. Час назад я отвез

их к Грейс.

Я положила руки на живот. Из-за малышки — еще одной девочки — мне икалось каждые несколько секунд.

— Ты не смотрел... — Мои мысли оборвались, когда громкий резкий звук из гостиной застиг нас обоих врасплох. Мы медленно повернулись к телевизору, на котором каналы переключались сами по себе.

— Какого черта? — спросил Кинг, уйдя в гостиную, и, подняв пульт со столика, начал нажимать на кнопки, но телевизор продолжал переключаться с той же скоростью, пока не остановился на одном

канале.

Святое. Мать. Твою. Дерьмо.

«Американский ниндзя».

— Проверь морозилку, —

сказала я.

— Какого черта им... — начал

Кинг.

— Твои ключи в морозильнике,

— сказала я, повернувшись лицом к Кингу, который смотрел на меня, словно я с ума сошла. Неохотно, он прошел в кухню и как пить дать достал ключи из морозильника и потряс ими в воздухе.

— Кто, бл*дь, положил их туда?

— спросил Кинг.

*Бл*дь, да! Я здесь. Я всегда буду*

здесь...

— Друг, — ответила я, вытирая слезу с глаза. — Мой *лучший* друг.

*****Конец*****